

ГОДЪ

ПЕРВЫЙ.

08

СТАРООБРЫДЕЦЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ

1906.

Типо-литографія Т-ва И. М. Машистова,
Нижній-Новгородъ.

Содержаніе № 2:

Страшно! Поученіе въ недѣлю мясопустную (5 фев.) епископа Иннокентія	113.
Къ вопросу о причинахъ раздѣленія русской церкви. Вл. М—въ	117.
Беседа О. Мельникова въ Москвѣ 12 декабря 1893 года	158.
Беседа въ Нижнемъ-Новгородѣ	170.
Беседа И. К. Петрухина съ нѣтовцемъ А. А. Коноваловымъ (слѣпцомъ) о крещеніи гре- ческой церкви и митрополита Амвросія	177.
Историческіе документы (съ краткими редакціон- ными поясненіями)	200—208.
I. Документъ, показывающій, что двоеперстное сложеніе проклято пастырями государственной церкви.	
II. Къ вопросу о признаніи старообрядческой іерархіи.	
III. О старообрядческомъ колокольномъ звонѣ.	
По городамъ и весямъ: Нозьмодемьянскъ (Казан. губ.)—С. Елховка (Нижег. губ.)	208.
О книгахъ: Краткій разборъ на сочиненіе: „Беседа О. Е. Мельникова съ А. А. Коноваловымъ о Бѣлокриницкой іерархіи на Нижегородской ярмаркѣ 14 августа 1903 г.“	211.
Періодическая печать: Библия и царская власть	212.
Левъ Толстой о религіи	214.
Первая въ Россіи старообрядческая газета (Народная Газета съ приложеніемъ „Голосъ Старообрядца“)	215.
Къ характеристикѣ о. Иоанна Сергіева (Хронштадтскаго)	217.
Носавднія извѣстія: Хиротонія епископа	222.
Новый старообрядческий монастырь	222.
Старообрядческіе крестные ходы	223.
Безпоповскій съѣздъ	223.
На пароходѣ (картинка)	224.
Объявленія	1—IV.

СТРАШНО!

Поученіе въ недѣлю мясопустную—(5 февр.).

Человѣкъ, христіанинъ!

525-Р.121(3)

Что если бы всѣ люди узнали о всѣхъ твоихъ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, какія ты когда либо сотворилъ, или произнесъ? Какой бы стыдъ, какой страхъ и какія страданія пришлось бы тебѣ перетерпѣть! При одной мысли объ этомъ становится непріятно и жутко. А между тѣмъ неизбежно придетъ такое время, когда всѣ наши дѣла, и слова, всѣ наши самыя сокровенныя мысли и чувства, даже такія, о которыхъ мы уже и забыли, будутъ открыты предъ нашими очами и предъ очами всѣхъ людей, какъ знакомыхъ намъ, такъ и незнакомыхъ.

Это будетъ, какъ извѣстно изъ священнаго писанія, на страшномъ и справедливомъ судѣ Христовомъ, когда, по выраженію священныхъ пѣснопѣній, „книги разгнутся и тайная вся обличатся“. Книги „разгнутся“, или раскроются не такія, какія люди изобрѣли и не такъ въ нихъ записаны наши дѣла, какъ мы записываемъ, что тогда-то такой-то совершилъ то-то и то-то. Нѣтъ,—всѣ наши дѣла записаны такъ, какъ бы сняты на фотографіи, или ближе сказать—какъ бы въ зеркалѣ. Какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ, стоящіе предъ нимъ предметы и видны въ немъ, такъ и даже еще болѣе будутъ видны всѣ наши дѣйствія, всѣ движенія нашего тѣла и мысли, всѣ наши дѣла и слова. Страннаго или необычайнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Это объясняется даже физически. Извѣстенъ общепризнанный законъ природы, что ни одинъ атомъ, ни одна малѣйшая пылинка въ мірѣ не можетъ быть уничтожена никѣмъ и никакимъ образомъ. Сколько въ началѣ мірозданія сотворено Богомъ атомовъ, или самонамалѣйшихъ частицъ, на которыхъ только можно раздробить видимые предметы и изъ которыхъ состоитъ вселенная, столько ихъ и есть: ни одна изъ нихъ доселѣ не уничтожилась и уничтожиться не можетъ. Въ этомъ между прочимъ и состоитъ различіе между Богомъ и его тварію—человѣкомъ, что Богъ

все произвелъ изъ ничего и все можетъ превратить въ ничто, а человекъ ни одной даже пылинки не можетъ сотворить изъ ничего и ни одной пылинки не можетъ уничтожить, превративъ ее въ ничто. Все, что на нашъ взглядъ, повидимому, уничтожается, на самомъ дѣлѣ не уничтожается, а лишь видоизмѣняется. Но не уничтожаются не только видимые предметы, или матерія, но и сила ихъ и явленія. Почему, напримеръ, мы видимъ предметы, и явленія? Потому что отъ нихъ исходятъ лучи, видимые нами. Эти лучи идутъ въ пространство безъ конца, потому что „миру Его (Бога) нѣсть предѣла“. Ихъ не могутъ задержать никакія препятствія, ни стѣны, ни камни, ни земля. Благодаря этому, они могли бы быть видимы и сквозь непрозрачные предметы, сквозь дерево, желѣзо, землю и проч. Если же мы не видимъ ихъ сквозь подобные предметы, то не потому, что нельзя сквозь нихъ видѣть, а лишь потому, что наше зрѣніе слишкомъ несовершенно, устроено такъ, что мы не можемъ видѣть сквозь нихъ. Если бы мы обладали совершеннѣйшимъ зрѣніемъ, если бы мы могли видѣть всѣ предметы и явленія не только на близкое разстояніе, но и на громаднѣйшія—безпредѣльныя, то несомнѣнно даже теперь видѣли бы не только то, что сейчасъ творится предъ нами, но и то, что дѣлалось вчера, недѣлю, мѣсяцъ и даже сотни и тысячи лѣтъ тому назадъ; однимъ словомъ, могли бы видѣть всѣ свои и чужія дѣла и движенія. Но наше телѣсное чувственное зрѣніе, разумѣется, не можетъ обладать такими свойствами; умственное же, или душевное зрѣніе можетъ обладать ими въ сильнѣйшей степени. Поэтому на страшномъ судѣ Христовомъ, когда будемъ смотрѣть и видѣть не телѣсными только очами, но и душевными, мы увидимъ всѣ свои и чужія дѣла, слова и мысли въ томъ видѣ, какъ онѣ были нами сотворены,—увидимъ ихъ, какъ видимъ сейчасъ себя въ зеркалѣ, только еще въ большей степени. Въ сказаніи о мытарствахъ преподобной Феодоры разсказывается, что на мытарствахъ, при обличеніи ея дѣлѣ, были представлены ей и лица, и мѣсто, и время, и обстоятельство, когда, гдѣ и какъ совершила она какой либо грѣхъ.

Такъ будутъ представлены и наши всѣ дѣла, какія мы сотворили въ теченіе всей своей жизни. Все что мы когда либо сдѣлали, или чувствовали: ходили, сидѣли, лежали, двигались, говорили, думали, раздражались, ненавидѣли, любили, молились, лѣнились—все это записано, снято, отпечатано натурально, какъ бы въ зеркалѣ, но неизгладимо на вѣчныя времена. Что мы сейчасъ дѣлаемъ—я стою, говорю, вы слушаете, все что мы сейчасъ думаемъ,—все это записывается, отпечатлѣвается сказаннымъ образомъ, и все это будетъ представлено на страшномъ судѣ, и все это мы тогда увидимъ, какъ видимъ сейчасъ, даже болѣе, потому что сейчасъ мы видимъ только наружныя дѣйствія

и движенія людей, а тогда увидимъ и самыя ихъ мысли и даже малѣйшія движенія сердца. И какой необычайный страхъ, какой ужасный стыдъ и какія внутреннія невообразимыя мученія охватятъ всѣхъ, кто дѣлалъ зло, жилъ распутно, лгалъ, обманывалъ, работалъ своимъ страстямъ, своимъ животнымъ влеченіямъ, стараясь въ то же время казаться предъ людьми благочестивымъ, или по крайней мѣрѣ, порядочнымъ человѣкомъ! Если и сейчасъ, когда узнаютъ хотя объ одномъ какомъ либо скрытомъ поступкѣ нашемъ, и то какъ тяжело намъ бываетъ. А когда все наше сокровенное будетъ явлено предъ всемъ міромъ и не на мгновеніе, но навсегда останется извѣстнымъ видимымъ для всѣхъ, что тогда мы почувствуемъ? Что почувствуютъ тогда грѣшники, когда сверхъ всего этого Самъ справедливый Судія отвратится отъ нихъ, какъ отъ проклятыхъ, какъ отъ отверженныхъ, недостойныхъ помилованія за ихъ злыя дѣла, за ихъ нечестіе, ожесточеніе, отчаяніе и нераскаяніе!

Но это же обстоятельство, что всѣ наши дѣла, слова и мысли будутъ представлены предъ очами всего міра, будутъ видимы и нами и всѣми разумными существами,—это обстоятельство, которое явится источникомъ страшныхъ мученій, страданій и стыда для нераскаянныхъ грѣшниковъ,—для чистыхъ сердцемъ, или совѣстью, для святыхъ явится источникомъ неизреченной радости и блаженства, несказаннаго веселія и славы. Если и въ настоящее время насъ радуешь, когда наши честныя намѣренія понимаютъ, когда наши чистыя дѣла видятъ и цѣнятъ, когда о нашихъ добрыхъ дѣлахъ знаютъ и прославляютъ Бога, то какую же радость, какое веселіе и блаженство должны чувствовать праведники, когда все это въ необычайной степени будетъ явлено предъ всѣмъ міромъ, предъ людьми и ангелами! А когда при этомъ всевышній и справедливый Судія прославитъ ихъ, какъ благословенныхъ Имъ, какъ достойныхъ наслѣдниковъ Его царствія, вѣчнаго и неизреченнаго, что тогда они почувствуютъ! Тогда они дѣйствительно „просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ“ (Матѣ. зач. 54).

Многіе любопытствуютъ, будутъ ли обнажены и явлены на страшномъ судѣ и тѣ дѣла, въ которыхъ принесено покаяніе?—Судя потому, что нѣкоторые грѣхи, даже святыхъ, и въ настоящее время извѣстны почти всѣмъ (напримѣръ прелюбодѣйство и убійство пророка Давыда, отреченіе ап. Петра), можно сказать, что и на страшномъ судѣ всѣ дѣла, какъ добрыя, такъ и злыя станутъ извѣстны всѣмъ. Но только тѣ грѣхи, въ которыхъ принесено истинное покаяніе, не будутъ являться грѣхами, а какъ бы простыми событіями, которыхъ преступность совершенно покрыта—заглажена, такъ что за нихъ не будетъ никакого ни страха, ни стыда, ни наказанія. Мы знаемъ напримѣръ, что апостоль Петръ отрекался отъ Христа, апостоль Павелъ былъ

гонителемъ, пророкъ Давыдъ совершилъ убійство и прелюбодѣйство, преподобная Марія египетская вела крайне распутную жизнь, однако же мы не стыдимся ихъ поступковъ и они также не могутъ стыдиться ихъ, потому что принесли въ нихъ истинное покаяніе и получили совершенное прощеніе.

Мы помнимъ убійство Давыда и убійство Каина, знаемъ гонителя Павла и гонителя Нерона, вспоминаемъ крестнаго разбойника, убившаго быть можетъ не одного человѣка, а многихъ, вспоминаемъ и Иуду предателя, не убившаго никого, а лишь указавшаго убійцамъ Христа о Его мѣстопробываніи,—и какая неизмѣримая разница между ними, какія противоположныя чувства они вызываютъ въ насъ! Вотъ что значить покаяніе и отчаяніе, любовь и жесточеніе, или ненависть.

Такъ и наши грѣхи на страшномъ судѣ, если мы въ нихъ принесемъ покаяніе, не будутъ страшны, и намъ за нихъ не придется стыдиться или мучиться, хотя бы о нихъ и узналъ весь міръ.

Зная все это, потщимся избѣгать творить злыя дѣла, чтобы намъ не постыдиться въ день страшнаго и справедливаго суда Христова, а если уже которыя содѣяли, принесемъ въ нихъ раскаяніе. Главнѣе же всего стяжемъ любовь, милосердіе, справедливость и прочія добродѣтели, чтобы и къ намъ Богъ былъ милосердъ и помиловалъ бы насъ Своею благодатію и человѣколюбіемъ. Аминь.

Епископъ Иннокентій.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ РАЗДѢЛЕНІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Старообрядческій вопросъ—большое мѣсто въ жизни вѣрующей части русскаго народа. Такъ или иначе его необходимо разрѣшить. Поэтому безусловно желательно внести какъ можно больше свѣта въ исторію возникновенія и развитія раскола русской православной церкви, происшедшаго въ 1653—1667 годахъ, такъ какъ этотъ вопросъ сознательно запутанъ наемными и добровольными апологетами и представителями государственной церкви, благодаря тому, что до самаго послѣдняго времени старообрядчеству были связаны руки и заткнутъ ротъ, что оно лишено было права пользоваться орудіемъ печати, что оно лишено было и тѣхъ мизерныхъ правъ, какія полагались прочимъ гражданамъ до 17 октября минувшаго года, при осужденномъ народомъ и самой верховной властью самодержавно-бюрократическомъ режимѣ. Общество всегда слышало только обвинителя и не могло, по чудовищнымъ цензурнымъ условіямъ, слышать обвиняемаго. Но такъ какъ въ либеральной печати иногда все таки проскальзывало сочувственное и болѣе или менѣе безпристрастное слово о старообрядствѣ, то часто простымъ административнымъ распоряженіемъ вопросъ старообрядческій былъ изъимаемъ изъ обсужденія печати. Враги не дремали,—они пользовались этимъ и лили ушаты помоевъ на беззащитное, многострадальное старообрядчество. Благодаря всему этому, старообрядческій вопросъ въ существующей литературѣ, особенно официальной, освѣщенъ крайне односторонне, пристрастно и тенденціозно, и общество вслѣдствіе этого не знаетъ настоящей фizioноміи сознательнаго старообрядчества, имѣетъ о немъ превратное понятіе. Армія наемныхъ миссіонеровъ казеннаго православія и полицейскаго благонравія, содержимая на послѣдніе гроши, такъ жестоко и безжалостно выколачиваемые съ темнаго и голоднаго мужика,—гроши, которымъ нашлось бы и лучшее примѣненіе, а также кучка мнимо-либеральныхъ ученыхъ, недоучекъ

и диллетантовъ, присосавшихся къ казенному пирогу, въ унисонъ поють, что старообрядцы незаконно и неправильно отдѣлились отъ русской церкви и ея духовенства, что какъ упорно ни занимайся этимъ вопросомъ, а основательныхъ причинъ раскола нѣтъ. И общество, съ легкой руки этихъ инсинуаторовъ, видитъ въ старообрядцествѣ лишь проявленіе дикаго фанатизма, порожденіе тупоумія и невѣжества, узости, буквоѣдства и обрядовой нетерпимости.

Не касаясь подробностей, мы здѣсь желаемъ только показать, что въ этомъ запутанномъ вопросѣ, въ этомъ печальномъ церковномъ раздорѣ, въ этихъ смутахъ въ русской церкви 2-й половины XVII вѣка изъ-за никоновской реформы, не гибельная по своимъ послѣдствіямъ реформа, а старообрядческій протестъ почтененъ и имѣетъ болѣе данныхъ на признаніе его правоты, какъ стоящій на почвѣ крѣпкихъ и здоровыхъ національно-историческихъ основъ, на почвѣ древнихъ церковно-каноническихъ завѣтовъ и преданій. Съ какой бы стороны ни разсматривать старообрядчество, съ точки ли зрѣнія извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ и фактовъ, или съ точки зрѣнія чистоформальной—извѣстныхъ канонически-дисциплинарныхъ постановленій,—мы находимъ старообрядчество правымъ и разумнымъ проявленіемъ здравого, сознательнаго отношенія къ вѣрѣ и іерархіи православныхъ людей, какъ живыхъ и дѣятельныхъ членовъ живаго организма церкви. Какъ бы старательно ни рылись наши противники въ священныхъ книгахъ, они не найдутъ тамъ того, что православная паства не имѣетъ права отдѣлиться отъ неправомудрствующаго паствыства. Церковное ученіе намъ говоритъ: „Не подобаетъ ни отъ благочестивыхъ отступати, ниже со злочестивыми сообщатися“¹⁾. И еще: „всякъ человекъ, силу разсужденія отъ Бога пріявый, мученъ будетъ, аще пастврю неискреннему послѣдуетъ и ложное его ученіе, яко истинное, приѣмлетъ“²⁾. И еще: „Знаю, это не малое зло (дурной начальникъ), и даже гораздо большее, нежели безначаліе, потому что лучше не управляться никѣмъ, нежели быть подъ управленіемъ дурного начальника. Въ первомъ случаѣ народъ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается, въ послѣднемъ же всегда находится въ опасности и увлекается въ пропасть“³⁾. И самъ Христосъ, основатель церкви, повелѣлъ намъ слушать пастврей не безусловно,

1) Игнатія Богонос. посл. къ филладелф.

2) Его же посл. ефес.

3) Иоан. Злат. бесѣд. 34 на посл. евр.

а ограничилъ послушаніе имъ тѣмъ, если они право учать и соблюдаютъ заповѣданный Имъ миръ и любовь; если же они учать ложно и не имѣютъ любви, то Онъ, предостерегая вѣрующихъ, „внемлите себе отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть волцы и хищницы“ ¹⁾, даетъ такое наставленіе: „Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе... уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ уды твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную“ ²⁾. Св. Афанасій Великій, уясняя это изреченіе, говоритъ: „Иди путемъ не погрѣшительнымъ и живоноснымъ, исторгнемъ у себя соблазняющее око, но не чувственное, а мысленное. Така напрымѣрь, если епископъ, или пресвитерь, какъ очи церкви, живутъ худо, и соблазняютъ народъ, то надлежитъ ихъ извергнуть. Ибо лучше безъ нихъ собираться въ молитвенный домъ, нежели съ ними, какъ съ Анною и Каіафою, ввергнуться въ геенну огненную“ ³⁾.

Согласно этому ученію и поступили старообрядцы: пока они были убѣждены, что пастыри проповѣдуютъ истину согласно Христову ученію, и твердо хранятъ священное преданіе, не отдѣлялись отъ нихъ; но когда пастыри, благодаря подстрекательству греческихъ архіереевъ-милостынесобирателей и авантюристовъ, въ лицѣ Никона, начали ломку св. древности, воздвигнувъ на справедливый протестъ противъ этой безумной ломки страшныя гоненія и папскую инквизицію, въ видѣ „тѣлесныхъ озлобленій“ и заклеивъ его безумными, чудовищными и отъ вѣка неслыханными клятвами, то этотъ вполне справедливый протестъ религиозно-національнаго самосознанія противъ пастырей, покусившихся подчинить его папскому гнету сторонняго и чуждаго авторитета— протестъ во имя духовной свободы и имѣлъ полное право отдѣлиться отъ пастырей, которые, вопреки наставленію апостола, „угашая духъ“ и возводя свою „букву“ въ непререкаемый догматъ, съ сознаниемъ своей непогрѣшимости, безразсудно проклинали и отлучали отъ Святой Троицы тѣхъ изъ православныхъ христіанъ, которые не принимали ихъ „буквы“.

Въ русской православной церкви, со времени просвѣщенія Руси св. крещеніемъ, въ 988 году при св. князѣ Владимірѣ, утвердилось грековосточное исповѣданіе и обрядовое благочестіе, которые и сохранились неизмѣнно, во всѣхъ подробностяхъ, почти 7 столѣтій, что показываютъ новѣйшія изслѣдованія болѣе без-

¹⁾ Матф. 7, 15.

²⁾ Матф. 5, 29—30.

³⁾ Часть 4, стр. 479. Никон. черн. гор. сл. 7 г. 48.

пристрастныхъ историковъ и ученыхъ. На всемъ этомъ семивъ-ковомъ пространствѣ было всего лишь два болѣе ощутительныхъ несчастія въ русской церкви.—Это ересь „жидовствующихъ“ и „стригольниковъ“, которыя однако не получили широкаго распространенія и вскорѣ совершенно утихли и исчезли. Не то было во всѣхъ прочихъ странахъ. Въ большей или меньшей мѣрѣ, но онѣ были повреждены въ своемъ православіи лжеученіями и заблужденіями, или добровольно, какъ римская церковь, или насильственно, какъ греческія церкви, благодаря гнету нечестивыхъ турокъ и проискавъ римской церкви. Профессоръ Н. О. Калте-ревъ, излагающій воззрѣнія древней русской церкви, говоритъ: „Старый Римъ палъ невѣріемъ аполинаріева ереси „греческое царство разорися и не соизидется, понеже они (греки) предаша православному греческую вѣру въ латынство“, „тамо бо вѣра православная испроказися махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ“, „а по инымъ всѣмъ странамъ правая вѣра съ ересими смѣсишася“: только въ русской землѣ... твердо хранятъ „истинную святую нашу вѣру ненарушимою“, только одна русская держава цвѣтетъ теперь „совершеннымъ благочестіемъ“ какъ свѣтъ солнечный. Вотъ на чемъ собственно основывается превосходство (русскихъ)... въ православномъ мірѣ,—только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣнная вѣра, изъ всѣхъ народовъ только у нихъ однихъ процвѣтаетъ истинное совершенное благочестіе. Пусть грекъ или кто-либо другой будетъ образованнѣе, развитѣе русскаго, пусть преимущественно образованія и развитія будутъ на его сторонѣ; но за то русскій твердо и право вѣритъ, хранитъ у себя истинное благочестіе, чего нельзя сказать и объ образованномъ грекѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, русскіе твердо держали знамя православія, и поэтому не нуждались ни въ чьей посторонней помощи, всякая реформа, а тѣмъ болѣе ломка ихъ благочестія были поэтому совершенно излишни и прямо бессмысленны. Тѣмъ болѣе было бессмысленно и опасно преклоняться предъ греками, къ которымъ было потеряно совершенно всякое довѣріе со времени флорентійскаго собора въ 1439 году, на которомъ они подписали унію съ папою. Русскіе съ тѣхъ поръ сильно остерегались ихъ, какъ потерявшихъ благочестіе и чистоту добрыхъ нравовъ, и не признавали уже греческаго авторитета въ дѣлахъ вѣры и церкви, такъ какъ въ греческой церкви царилъ нестроеніе, непрерывные раз-

¹⁾ „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку“, стр. 14—15.

доры, смуты, безпорядки. Многіе изъ греческихъ іерарховъ совершенно облатинились, благодаря тому, что у грековъ не было своихъ школъ, такъ что невольно приходилось учиться въ латинскихъ школахъ и академіяхъ, куда принимали подъ условіемъ отреченія отъ греческой вѣры; не было своихъ и типографій, такъ что приходилось печатать греческія книги въ латинскихъ типографіяхъ, при чемъ, благодаря проискамъ папъ и ихъ праваго ока—іезуитовъ, была масса искаженій и злоупотребленій. Поэтому „русскіе,—говорить проф. Каптеревъ,—не только не хотѣли, какъ прежде, принимать митрополитовъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, или посылать туда для посвященія своихъ выборныхъ, но и внесли въ свою архіерейскую присягу обязательство вообще не принимать на Руси поставленнаго въ Константинополь. Русскіе теперь боялись, какъ бы ихъ бывшіе учителя и руководители, греки, не заразили и ихъ своимъ нечестіемъ“¹⁾).

Такъ какъ древняя русская церковь всегда непоколебимо содержала православную вѣру и преданное ей при крещеніи Руси благочестіе, всегда давая сильный отпоръ предложеніямъ и ухищреніямъ еретиковъ и [неправомудрствующихъ, то вполне естественно, что въ ней до Никона не было ни раздоровъ, ни ересей, ни лжеученій. Да и совершенно было невозможно и немислимо, чтобы принявъ отъ грековъ вѣру, преданія, благочестіе и весь церковно-богослужебный чинъ вполне сформировавшимися, и въ то же время держась какъ мы видимъ строго-консервативнаго духа, она могла что нибудь изъ принятаго ею исказить и измѣнить. А если такъ, если русская церковь и до Никона была вполне православна во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, то къ чему же понадобилось потрясать ея историческими судьбами, къ чему была эта деспотическая и, можно сказать, самаго мелочно-примитивнаго характера реформа, проведенная неосмотрительно, въ папскомъ духѣ непогрѣшимости, нетерпящая ни малѣйшаго замѣчанія и протеста, не допускающая надъ собой совершенно никакого контроля, требующая безусловнаго послушанія, а за противленіе награждающая чудовищными, неслыханными клятвами и „тѣлесными озлобленіями“, равнoсильными папской инквизиціи?

Чтобы ближе видѣть, какъ зародился и въ чемъ собственно выразился папскій „непогрѣшимый“ духъ пастырей Никоновской эпохи, не допускающей надъ собой никакого контроля и протеста, подавляющей въ церкви Христовой свободу, необходимо выяснить,

¹⁾ Тамъ же стр. 7.

что за личность былъ Никонъ, своей реформой надѣлавшій столько бѣдъ и несчастій въ русской церкви, первый бросившій на чистое поле русскаго вѣкового благочестія ядро и мечъ раздора? Какими качествами онъ отличался?

Первыя же его реформаторскія попытки—попытки уничтожить древнѣе св. обряды и подчинить русскую церковь авторитету чуждой ей новогреческой обрядности уже показали, что онъ и его вклевреты пропитаны папскимъ духомъ „непогрѣшимости“, такъ какъ не могутъ терпѣть и даже слышать равнодушно никакихъ замѣчаній и протестовъ, никакого контроля надъ своими поступками, но требуютъ безусловнаго послушанія. Въ характерѣ Никона отсутствовали терпѣніе, кротость и христіанское смиреніе, а господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба, свирѣпость, звѣрство,—это былъ деспотъ-самодуръ, шедшій, какъ говорится, „на проломъ“, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся. По словамъ историка, „тотчасъ же послѣ своего восшествія на патриаршую кафедру Никонъ получилъ неограниченную власть. Всѣ испугались его и онъ... страшный тиранъ для архіереевъ, архимандритовъ и для всего священнаго чина, и даже для людей сильныхъ, состоящихъ на царской службѣ. На него не имѣетъ вліянія никакое ходатайство, кѣмъ бы оно ни было ему принесено“¹⁾. Онъ даже пошелъ дальше папъ римскихъ,—присвоенную себѣ неограниченную власть онъ возвысилъ еще больше; захвативъ въ свои руки правленіе и церковное и гражданское, достигнувъ апогея своей тираніи надъ церковью и государствомъ, этотъ надменный узурпаторъ церковной свободы и правъ народа сталъ относиться ко всѣмъ надменно, надъ всѣми превозносился, всѣхъ презиралъ. По свидѣтельству историка М. Макарія, „надъ духовенствомъ Никонъ властвовалъ съ неограниченною волею и деспотически. Онъ держалъ себя высоко и мало доступно по отношенію не только къ низшему клиру, но и къ самимъ архіереямъ; не хотѣлъ называть ихъ братіями, особенно тѣхъ, которые отъ него получили рукоположеніе; не уважалъ ихъ сана,... нарушалъ ихъ права,... съ безопадною строгостію и суровостію преслѣдовалъ всѣхъ, наполняя ими темницы. Всѣмъ страшились его, трепетали предъ нимъ“²⁾. Онъ до того расширилъ свой проклятый гнетъ, до того возвысилъ свое „безбожное право“, за которое признаны еретиками римскіе папы, что даже иноземныхъ митрополитовъ

1) Исторія руск. церк. Макарія митр. моск., т. XII, стр. 242.

2) Тамъ же, стр. 305.

признавалъ „только своими сынами, а не братьями“¹⁾. Онъ попраля даже и свѣтскую власть и уже царской власти въ Россіи стало не слышно²⁾. Въ присутствіи цѣлаго собора онъ открыто заявилъ: „Мнѣ и царская помощь не годна и не надобна, да такъ на нее и плюю и сморкаю“³⁾. Такъ не дѣлали кажется и римскіе папы, кромѣ развѣ Григорія VII, боровшіеся, въ своихъ усиленныхъ стараніяхъ основать всемирную теократію, съ императорами т. и. священной римской имперіи! Не даромъ близкій къ Никону священникъ Григорій однажды сказалъ ему: „Какая тебѣ честь, владыко святыи, что всякому ты страшень, и про тебя, грози другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютой, левъ, или медвѣдь, или волкъ“⁴⁾. Нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что, благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, Никонъ казался народу вторымъ папою, имѣющимъ такую же власть, какую имѣютъ папы въ католической церкви; и дѣйствительно онъ былъ папою, если не по имени, то во всякомъ случаѣ по своему характеру, власти и дѣйствіямъ.—„Есть (даже) положительныя извѣстія, что онъ хотѣлъ носить званіе папы, и что даже у него были готовы всѣ папскія регалии“⁵⁾. „Онъ напримѣръ,—какъ удостовѣрено на соборѣ 1667 года,—перемѣнилъ обычай прежнихъ московскихъ патриарховъ,—вмѣсто синихъ скрижалей, сталъ носить червленныя... переоблачался во время божественнаго тайно-дѣйствія и, имѣя восемьдесятъ сакосовъ, за одной обѣдной перемѣнялъ ихъ до двадцати; чтобы казаться подобнымъ Вышнему, назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами“⁶⁾.

Можно ли было отъ такого человѣка ожидать справедливости, безпристрастія, добросовѣстности и чего-либо добраго?! Если онъ покушался даже уподобиться Всевышнему, то могъ ли онъ дорожить истиной, миромъ и благоденствіемъ церкви?! Могъ ли онъ допустить надъ своими дѣйствіями контроль и терпѣть малѣйшій протестъ противъ нихъ, могъ ли спокойно выслушивать правду?!

И такой-то человѣкъ, о которомъ соборъ 1667 года засвидѣтельствовалъ, что онъ все дѣлать изступя ума, слѣдовалъ не

1) Тамъ же.

2) Тамъ же, стр. 310.

3) Тамъ же, стр. 307.

4) Тамъ же, стр. 215.

5) Расколъ и его значен. Андреева, стр. 51, Русскій расколъ старообр. Шапова, стр. 78.

6) Ист. руск. церк. М. Макарія, т. XII стр. 688.

Спасителю, а сатанѣ ¹⁾, былъ даже хуже сатаны ²⁾ взялся за переустройство и реформу русской церкви, бывшей и до него во всѣхъ подробностяхъ совершенно православной, иначе сказать, за ломку и коверканье святой древности, чтобы преобразовать русскую церковь по образцу современной ему греческой, подчинить ее, самъ того не сознавая, чуждому, стороннему греколатинствующему авторитету. Хотя рекламой его безразсудной реформы и было возвращеніе нашей церковной обрядности къ первоначальной чистотѣ и древности,—какъ нѣкогда, положимъ и не очень еще давно, увѣряли и усиливались доказывать наемные апологеты русской государственной церкви, чего нынѣ, при новѣйшихъ открытіяхъ и ученыхъ историческихъ и археологическихъ изысканіяхъ, пролившихъ свѣтъ на истинное положеніе старообрядческаго вопроса, они уже избѣгаютъ,—но сущность этой реформы была злостною попыткою наложить на великую русскую церковь иго греческой обрядности, т. е. обязательство рабски, безусловно подчиняться и слѣдовать грекамъ въ каждомъ измѣненіи ими церковныхъ обрядовъ. И нужно замѣтить, что это неслыханный отъ начала христіанства, единственный примѣръ въ исторіи, чтобы и свѣтская, и церковная власть рѣшились на такое постыдное дѣло, унижающее и церковь и народность!

И вотъ всѣми такими дѣлами, своей неразумной, безтактной реформой Никонъ, какъ говорить его же обновленецъ и современникъ Паисій Лигаридъ, „вмѣсто мира, бросилъ ножъ въ Христову церковь“ ³⁾.

Всесильное и могучее страшилище, нравственный извергъ и уродъ, деспотъ-самодуръ—Никонъ къ несчастію былъ окруженъ греками—латинистами и латинумудрствующими кievскими учеными, которые подчинивъ его своему вліянію, задумали сдѣлать его орудіемъ своихъ интригъ и продѣлокъ, воспользоваться имъ, какъ человѣкомъ недалекимъ, но огромной силы и вліянія, какъ машиной, которую можно заставить дѣйствовать, какъ угодно. Это имъ нужно было для того, чтобы надѣлавъ въ русской церкви смуть и беспорядковъ, удалить затѣмъ самого Никона отъ церковныхъ дѣлъ и правленія, явиться вершителями ея судьбы и подчинить ее навсегда своему вліянію, власти и авторитету. Но какъ все это привести въ исполненіе? Да лучше всего—провести

1) Историч. изслѣдованіе дѣла Никона, Гиббнета, прилож. ко 2 части, стр. 683 и 1051.

2) Ист. руск. церк. М. Макарія, т. XII стр. 736.

3) Богословскій вѣстн., октябрь 1892 г., отъ д. 2, стр. 55.

Никона, —этого самодура, —увѣрить его, что русская церковь не можетъ ни минуты существовать безъ руководства грековъ, что не успѣвъ еще вырваться изъ подъ ихъ опеки, она уже обдересилась, исказила, извратила весь церковный чинъ и обрядъ; затѣмъ льстиво внушить ему, что, какъ у выдающагося по своимъ способностямъ и качествамъ человѣка, у него хватить силъ, власти и умѣнья, чтобы немедленно же провести требующуюся церковную реформу. Они, конечно, видѣли и хорошо понимали, что Никономъ русскіе недовольны, значить изъ-за реформы тѣмъ болѣе произойдетъ вражда и смуты. Вотъ тогда-то низринувъ этого самодура съ высоты его величія, явиться судьями надъ нимъ и русской церковью, явиться авторитетными вершителями ея судьбы, и такимъ образомъ навсегда поработить ее и заглушить въ ней навсегда всѣ мечты и стремленія къ религіозно-національной самостоятельности и свободѣ.

Этотъ хитро-задуманный планъ они, какъ увидимъ, и выполнили блестящимъ образомъ. И нужно замѣтить, что это позорное дѣяніе ихъ не было просто случайнымъ единичнымъ примѣромъ въ исторіи; нѣтъ, —оно служитъ только однимъ изъ проявленій той исконной вражды грековъ къ славянамъ, ко всему славянскому, національному, которая издревле продолжается и донынѣ. Греки никогда не терпѣли и не терпятъ ни малѣйшаго проявленія самостоятельности славянъ, ни малѣйшей попытки освободиться отъ ихъ гнетущаго рабскаго руководства и опеки, но всегда стремились, заглушивъ въ славянахъ всякое проявленіе національнаго духа, неограниченно владычествовать, быть деспотами надъ ними въ ихъ религіозной духовной жизни. Примѣровъ этого, какъ въ древности, такъ и теперь, достаточно; крестивъ русскихъ, они нѣсколько столѣтій держали ихъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ, держали ихъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, не давали имъ митрополитовъ природныхъ русскихъ, —изъ всѣхъ бывшихъ на Руси митрополитовъ русскихъ было ничтожное количество, — не давали имъ потребное количество епископовъ, которыхъ въ періодъ нашей зависимости отъ грековъ у насъ никогда не бывало больше 5—6 на такомъ огромномъ пространствѣ; и все это, понятно, для того, чтобы не дать русскому народу, какъ можно дольше, развиться и освободиться отъ гнетущей кабалы и опеки. Такія же непохвальныя дѣйствія пускали они входъ и у южныхъ славянъ, сербовъ и болгаръ, —о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ вся ихъ исторія, —такъ же всегда старались заглушить, вырвать съ корнемъ всякій слѣдъ, всякое проявленіе національно-

славянскаго духа. Эта многовѣковая борьба славянъ съ духовнымъ игомъ грековъ не ослабѣваетъ и теперь. Не есть ли современная греко-болгарская распря плодъ такого отношенія грековъ къ славянамъ, распря съ 1872 года обратившаяся въ непримиримую схизму? Не есть ли и распря на счетъ антиохійскаго патриархата, происходящая въ настоящее время, проявленіе исконной вражды грековъ ко всякому обнаруженію національныхъ элементовъ, національнаго духа?

Прежде чѣмъ смутить нашу великую церковь, греки устроили смуту въ 1650 году на Афонѣ въ сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ. Это было одно изъ наиболѣе характерныхъ проявленій вражды грековъ ко всему славянскому.—Греки, скажемъ словами проф. Каптерева, „имѣли очень не высокое представленіе о русскомъ благочестіи. Кому,—говорили побывавшіе въ Москвѣ гречане Павлу александскому,—хочется сократить свою жизнь лѣтъ, на примѣръ, на пять—на десять, тотъ пусть ѣдетъ въ страну московскую и хоть по виду сдѣлается человѣкомъ благочестивымъ, соблюдая постоянно постъ, молитву, дневныя чтенія, обычай вставать на молитву въ полночь, и воздерживаясь при этомъ отъ всякаго проявленія радости и веселья и отъ громкаго смѣха и тихой улыбки, равно какъ и отъ употребленія табаку и опиума“. Ганскій митрополитъ Неофитъ, будучи въ Москвѣ въ 1628 году и насмотрѣвшись здѣсь на московское благочестіе, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: „только-де на Москвѣ и вѣры, что званіе въ колокола много, а иного вѣтъ ничего“. Въ письмахъ изъ Свіагска къ своимъ друзьямъ въ Константинополь онъ....пишетъ, что Богъ хочетъ избавить его „отъ сего грубовиднаго и варваровиднаго народа московскаго... Не суть сіи православніи христіане“. И сами русскіе подмѣчали иногда пренебрежительное отношеніе грековъ къ русскому благочестію. Клирошанинъ Чудова монастыря Пахомій въ 1650 году доносилъ Государю, что русскія богослужебныя книги, которыя царь посылаетъ въ разные Афонскіе монастыри, тамъ въ небреженіи бывають и въ передѣлкахъ текста, потому что въ нихъ находятъ (иноки-афониты), еретическое ученіе о перстосложеніи, „а которое жъ твое цареву жалованье даны греческимъ старцамъ въ разные палестинскіе монастыри иконы, и тѣ, Государь, иконы они, греческіе старцы, всѣ распродали и носятъ по торгамъ неподобно, будто простую дску,—тѣхъ иконъ они не почитають и въ церквахъ ихъ у себя не ставятъ“. Составитель русскихъ святцевъ, изъ второй половины XVII вѣка, въ послѣсловіи замѣчаетъ между прочимъ: „Грецы гордящися и возно-

сящесе глаголють, яко Русь отъ нихъ начало пріять, и невѣріемъ омрачаются, мнѣе русское благочестіе ничтоже есть, и о святыхъ угодившихъ Богу на Руси, усомнѣваются“.

„Греки и русскіе съ теченіемъ времени порознились между собою въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ. Русскіе объяснили себѣ это явленіе тѣмъ, что греки потеряли истинное благочестіе и привнесли въ свою церковную жизнь разныя новшества, заимствованныя ими у латинянъ. Съ своей стороны греки смотрѣли на особенности русскаго церковнаго обряда, какъ на искаженіе истинно-православнаго обряда, какъ на отступленіе отъ него, допущенное русскими по невѣжеству... И не прочь были заклеймить русскихъ за ихъ церковно-обрядовыя особенности именованіемъ еретиковъ, то раскольниковъ. Такое отношеніе грековъ къ русскимъ церковнымъ особенностямъ было подмѣчено и иностранцами. Олеарій говоритъ: „Русскіе во многихъ дѣлахъ, какъ въ основныхъ положеніяхъ вѣры, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и обрядахъ своихъ, уклонились отъ грековъ, такъ что эти послѣдніе считаютъ ихъ за раскольниковъ, хотя и не смѣютъ высказать это по причинѣ значительныхъ приношеній, которыя ежегодно получаютъ отъ нихъ“¹⁾. „Справедливость этого свидѣтельства Олеарія... подтверждается фактомъ сожженія въ концѣ первой половины XVII вѣка русскихъ церковныхъ книгъ на Афонѣ, какъ еретическихъ. Это въ высшей степени характерное событіе произошло такимъ образомъ.

„Русь, благотворя всему православному востоку, между прочимъ посылала въ славянскіе восточные монастыри цѣлыя круги богослужебныхъ книгъ московской печати. Эти посылки богослужебныхъ книгъ стали обычны собственно со времени патріарха Филарета Никитича, когда въ Москвѣ усилена была типографская дѣятельность. Получивъ въ Москвѣ богослужебныя книги, нѣкоторые славянскіе афонскіе монастыри стали отправлять по нимъ богослуженіе, причѣмъ сейчасъ-же обнаружилось, что между греческими и русскими церковными чинами и обрядами существуютъ нѣкоторыя несходства и разности. А такъ какъ на Афонѣ славянскіе монастыри находятъ буквально рядомъ съ греческими, и каждый монастырь отлично знаетъ все, что творится въ другомъ сосѣднемъ, то всякая малѣйшая разность въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ выдавалась здѣсь особенно замѣтно и рѣзко и невольно обращала на себя вниманіе всѣхъ иноковъ, которые къ тому же

1) Чтев. въ общ. исторіи и древн. 1868 г. кн. 4, стр. 387).

всегда сильно дорожили своей репутацией, какъ ревнителей и охранителей истиннаго православнаго благочестія. Тогда на Афонѣ немедленно, по поводу усмотрѣнныхъ разностей въ церковныхъ чинахъ греческихъ и русскихъ, возникли горячіе споры и препирательства: откуда произошла эта разность, кто отступилъ отъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, кто правъ—русскіе или греки? Весь Афонъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, отвѣтившія на постановленные вопросы прямо противоположно. На одной сторонѣ стояла тѣсно сплоченная, господствующая на всемъ Афонѣ греческая партія, на другой—сравнительно слабая партія иноковъ славянъ, состоявшая по преимуществу изъ сербовъ, у которыхъ особенно сильно развито было національное чувство и которые не хотѣли нести на себѣ тяжелое иго грековъ. Аeonиты греки съ своей стороны рѣшительно заявили, что греческія церковныя книги, чины и обряды во всемъ правы и согласны съ древними, а что въ московскія книги внесены позднѣйшія выдумки и измышленія, такъ что книги московской печати слѣдуетъ считать еретическими, достойными сожженія, а всѣхъ держащихся этихъ книгъ надлежитъ подвергнуть отлученію и тяжкимъ карамъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ пора были несогласны нѣкоторые старцы славянскихъ монастырей, употреблявшіе при богослуженіи московскія книги. Они съ своей стороны заявляли, что истина на сторонѣ московскихъ книгъ, а не греческихъ, такъ какъ греки уже давно потеряли у себя древнее истинное благочестіе, допустили у себя разныя новшества въ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, которые во всей своей чистотѣ и неизмѣнности сохранились теперь только у русскихъ, да у нихъ сербовъ... Они представили отъ себя одну старую рукописную сербскую книгу, написанную за 130 лѣтъ до этихъ афонскихъ споровъ, книга оказалась слово въ слово согласно съ Кирилловой книгой московской печати, въ ней также нашлось тоже самое ученіе о двуперстїи. Ясное дѣло, заключали отсюда сербскіе старцы, что русскія книги дѣйствительно согласны съ древними, что отступленія отъ древнихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ сдѣланы позднѣйшими греками, а не русскими. Поэтому славяне афониты не только не хотѣли подчиниться грекамъ, признать вмѣстѣ съ ними московскія книги еретическими, но нѣкоторые изъ нихъ и другихъ стали учить, чтобы они крестились по московски, т. е. двумя перстами, а не тремя. Это открыто выраженное славянами афонитами сомнѣніе въ правильности современнаго греческаго обряда, это отрицаніе ими авторитета современныхъ грековъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія и нескрываемое желаніе замѣ-

нить его авторитетомъ русско-славянскимъ должно было сильно встревожить всѣхъ истыхъ гречанъ и вызвать ихъ на самыя энергичныя мѣры противъ обнаружившагося антигреческаго направленія на Афонѣ. Въ это время случился на Афонѣ ахридскій архіепископъ Даниилъ, родомъ грекъ, какъ и всѣ ахридскіе архіепископы, но паства котораго состояла изъ славянъ—болгаръ по преимуществу. Даниилъ, какъ истый грекъ, презиравшій славянъ, глубоко былъ возмущенъ смѣлыми заявленіями славянъ афонитовъ и, чтобы сразу покончить съ неприятными и опасными для грековъ спорами, посовѣтывалъ афонитамъ грекамъ торжественно осудить книги московской печати, какъ еретическія, и какъ такія немедленно сжечь ихъ вмѣстѣ съ старинною рукописною сербскою книгою, подтверждающею правильность московскаго двуперстнаго перетосложенія. Въ то же время рѣшено было послѣдователей и защитниковъ московскихъ книгъ и московскаго обряда подвергнуть соборнымъ и несоборнымъ истязаніямъ, которыя бы заставили ихъ отказаться отъ всего московскаго, на случай же ихъ сопротивленія рѣшено было поступить съ упорными такъ же, какъ и съ московскими книгами, т. е. сжечь ихъ. Соборъ греческихъ афонскихъ старцевъ привелъ все это въ исполненіе. Очевидецъ старецъ Амфилохій рассказывалъ впоследствии предъ іерусалимскимъ патріархомъ Плисіемъ и Арсеніемъ Сухановымъ о сожженіи русскихъ богослужебныхъ книгъ на Афонѣ слѣдующее: „Онъ въ то время былъ на Афонской горѣ и то все видѣлъ: сошлись-де старцы святогорскіе всѣ, и надѣли на себя патрахили и привели старца съ московскими книгами, и облекли его въ ризы, и поставили его среди церкви, и называли его еретикомъ, и книги-де держать еретическія, и крестится не по гречески, и хотѣли-де его сожечь, и съ книгами, тутожде и турки стояли призваны. И по многомъ-де безчестіи тому старцу велѣли московскія книги на огонь положить самому, и онъ-де многое время не хотѣлъ на огонь класть, и за великую нужду, заплакавъ, положилъ, убоясь и самъ того огня. А сожгли-де московскихъ книгъ: двѣ въ десть, а третья въ поддесть, а иныхъ не помню каковы. А старца-де того заклиали, чтобъ ему впредъ такъ не креститься и никого не учить, и отдали его турку, и турокъ-де держалъ его у себя въ желѣзахъ многое время и, взявъ съ него (взятку), отпустилъ. А другого-де такого старца у нихъ нѣтъ во всей горѣ Афонской... имя ему Дамаскинъ—мужъ духовенъ и грамотъ ученъ, и то-де греки сдѣлали отъ ненависти, что тотъ старецъ отъ многихъ почитаемъ, сержилъ онъ, а не грекъ,

греки-де хотятъ, чтобы въѣми они сладъли⁴ 1). Последнія слова ясно показываютъ, какъ отлично понимали славяне истинный духъ и характеръ грековъ, по отношенію ко всему національно-славянскому,—недаромъ они греческій родъ называли „лукавымъ“. Григоровичъ, при посѣщеніи имъ Афона, на одной книгѣ Хиландарскаго монастыря, прочелъ замѣтку, что въ 1650 году, когда на святой горѣ происходили пренія о крестномъ знаменіи, „сожегоша московскія книги на карчіяхъ греци и духовника Дамаскина и поца Романа и ученика ихъ Захарію въ темницы затвориша и глобиха ихъ 6 гроши. „*Овде, бѣда отъ лукаваго рода греческаго! Мѣсяца Маія 28 оуле безчестіе сотвориша насамъ серблемъ и боларамъ*“ 2). „Такимъ образомъ,—продолжаетъ проф. Каптеревъ,—русскіе въ глазахъ грековъ были народомъ грубымъ и невѣжественнымъ, стоящимъ на низшей ступени христіанскаго пониманія и жизни, народомъ еще несовершеннолѣтнимъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, который, будучи предоставленъ въ церковной жизни только самому себѣ, исказилъ и извратилъ по своему невѣжеству и неразумію православный церковный чинъ и обрядъ... Греки были убѣждены, что для русскихъ еще необходимы опека и верховное водительство гречанъ, иначе русскіе... пожалуй окончательно исказятъ то православіе, которое они нѣкогда приняли отъ грековъ и въ которое они уже успѣли привести нѣчто ему чуждое.

„Естественнымъ слѣдствіемъ указанныхъ взаимныхъ отношеній между рускими и греками было неизбежное столкновение греческаго и русскаго каждый разъ, какъ только представлялся какой-либо случай къ обнаруженію національныхъ исторически сложившихся возрѣній одного народа на другой...

„Когда на Афонѣ русскія церковныя книги были сожжены, какъ еретическія, когда греческими старцами афонитами торжественно было заявлено, что служить по русскимъ церковнымъ книгамъ, слѣдовать имъ, составляетъ преступленіе, за которое всякій долженъ подвергнуться тяжелой карѣ, когда вѣсть объ этомъ необыкновенномъ событіи быстро распространилась вѣводу, возбуждая различныя толки, состязанія о вѣрѣ греческой и русской, тогда вопросъ о томъ, чей обрядъ правъ—греческій или русскій, потребовалъ своего окончательнаго рѣшенія. Толки о сожженіи русскихъ церковныхъ книгъ на Афонѣ особенно сильно были въ

1) Характ. отнош. Рос. къ правосл. востоку, Каптерева, стр. 330—335; Правосл. обозр. за 1887 г., т. I).

2) Очеркъ путеш. по европ. Турціи изд. 2, стр. 82; патр. Николь и его противники Каптерева, стр. 70; Правосл. обозр. за 1887 г. т. I.

Молдавіи, гдѣ сходились тогда всѣ православныя народности, откуда лежалъ тогда прямой и обычный путь въ Россію изъ разныхъ мѣстъ православнаго востока. Здѣсь въ Молдавіи можно было услышать и рассказы о сожженіи книгъ отъ самихъ очевидцевъ, здѣсь происходили и состязанія о вѣрѣ русской и греческой, здѣсь находились и защитники афонскаго самосуда и его противники. Невозможно было скрыть этого прискорбнаго событія отъ русскихъ. Дѣйствительно, когда Арсеній Сухановъ, сопровождавшій іерусалимскаго патріарха Паисія, возвратился въ Молдавію изъ Москвы, куда его посылалъ патріархъ съ особымъ порученіемъ, и остановился въ метохѣ Зографскаго афонскаго монастыря, то старцы славяне этого метоха поспѣшили сообщить ему, какъ царскому посланцу, что на Афонѣ греки торжественно провозгласили русскія церковныя книги еретическими, и какъ такія публично передали ихъ сожженію. Они постарались разъяснить Суханову, что это событіе не просто случайное и потому не имѣющее особой важности, но что оно служитъ только однимъ изъ проявленій той исконной вражды грековъ къ славянамъ вообще, которая началась еще со времени Кирилла философа и продолжается доселѣ, такъ какъ греки не терпятъ ни малѣйшей самостоятельности славянъ, но всегда хотѣли и хотятъ владычествовать надъ ними. Близко къ сердцу принявъ Сухановъ обиду русскихъ со стороны грековъ, „наругавшихся надъ государевыми книгами“, онъ собралъ о событіи точныя свѣдѣнія и пожаловался патріарху Паисію, который и заявилъ ему, что афониты „не добро учинили“... Но не одобряя поступка афонитовъ, патріархъ и всѣ другіе греки однако прямо и рѣшительно заявляли Арсенію, который вступилъ съ ними по этому случаю въ горячія пренія о вѣрѣ греческой и русской, что именно русскіе погрѣшаютъ въ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, которые во всей ихъ чистотѣ и неизмѣнности сохранились только у грековъ, почему русскіе должны признать грековъ учителями и руководителями въ своей церковной жизни...

„Въ Москвѣ такимъ образомъ узнали о томъ, что не только греки афониты признаютъ русскія церковныя книги еретическими, и какъ такія публично сжигаютъ ихъ, но что и іерусалимскій патріархъ, и другіе греческіе іерархи и учителя считаютъ русскій церковный обрядъ и чинъ, въ чемъ онъ не согласенъ съ современнымъ греческимъ, за искаженіе и извращеніе истинно-православнаго чина и обряда.

„Понятно, что въ Москвѣ не могли отнестись равнодушно къ происходившему на Афонѣ и въ Молдавіи, къ открытымъ обвине-

ніямъ русскихъ греками чуть не въ еретичествѣ. Сомнѣній въ томъ, какъ должны были посмотреть въ Москвѣ на эти обвиненія русскихъ греками въ еретичествѣ, казалось, не могло быть. Трудно было грекамъ нанести русскимъ болѣе сильное и кровное оскорбленіе, какъ провозгласивъ ихъ богослужебныя книги еретическими, достойными сожженія, ихъ церковныя чины и обряды не правыми, несогласными съ истинно-православными чинами и обрядами. Это значило не только въ слухъ всего православнаго востока заподозрить чистоту православія русскихъ, открыто объявить ихъ чуть не еретиками, но и назвать ихъ развратителями всѣхъ другихъ православныхъ народовъ, которымъ они посылали свои еретическія богослужебныя книги, вслѣдствіе чего еретическая зараза изъ Москвы проникла даже и на святой Афонъ и уже успѣла было пустить здѣсь свои корни, да къ счастью афониты греки во время замѣтили опасность и сожгли еретическія московскія книги“¹⁾.

Но справедливо ли было это жестокое и тяжкое обвиненіе русской церкви? Не сами ли греки страдали тѣмъ, въ чемъ обвиняли русскихъ, не у самихъ ли у нихъ были искажены книги церковныя, извращены церковныя чины и обряды? Не у самихъ ли у нихъ православію грозила большая серьезная опасность, не просто виѣшняя, но искаженіе самой сущности чистаго православнаго ученія?

„Опасность, грозившая восточному православію со стороны турокъ, говорить проф. Каптеревъ,—была чисто-виѣшняя, не касавшаяся самой его сущности—ученія, такъ что отъ господства турокъ православіе теряло только количественно, а не качественно. Но другія неблагопріятныя условія, по увѣренію самихъ восточныхъ патріарховъ, грозили православію на востокѣ уже не виѣшне только, но прямо искаженіемъ чистоты самаго его ученія, привнесеніемъ въ него чуждыхъ вѣрованій. Александрійскій патріархъ Мелегій Пигасъ въ своемъ посланіи къ православнымъ русскимъ и грекамъ, жившимъ въ Польшѣ, между прочимъ пишетъ, что у грековъ, со времени завоеванія ихъ турками „начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло просвѣщеніе, насталь для вселенной (духовный) голодь и жажда. И даже западь, т. е. греки, живущіе на западѣ, терпятъ необычайное несчастіе. Ибо тѣ, которые плѣнены, пришли въ такое несчастіе, что едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимую, и то съ боль-

¹⁾ Характ. отнош. къ вост. Каптерева. стр. 335—338.

шими опасностями и страданіями; тѣ же, которые, по челоѣколюбію Вожію, были свободными отъ этого пѣна и его бѣдствій, мало по малу попали въ другія затрудненія, вслѣдствіе того многобѣдственнаго раздѣленія церкви, которое приготовлено крайнимъ славолубіемъ желающихъ властвовать вмѣсто Христа; такимъ образомъ и эти послѣдніе страдаютъ, бывъ подвержены другимъ бѣдствіямъ“¹⁾. Русскіе имѣли полную возможность убѣдиться въ справедливости грустнаго заявленія Мелетія о плачевномъ состояніи православія на востокѣ. Послѣ завоеванія Константинополя турками просвѣщеніе у грековъ дѣйствительно почти окончательно упало. Школъ, гдѣ бы давалось научное образованіе, или вовсе не было, или онѣ были крайне рѣдки и притомъ, сравнительно съ западными школами, очень неудовлетворительны по своей постановкѣ. Поэтому всѣ греки, желавшіе получить высшее научное образованіе, по необходимости должны были учиться въ иноувѣрныхъ западныхъ школахъ, или въ протестантскихъ, или въ большинствѣ случаевъ, въ латинскихъ. Въ Римѣ, въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII была уже основана специальная греческая коллегія, гдѣ въ духѣ латинства, подъ руководствомъ отцовъ іезуитовъ, воспитывались молодые греки, которые потомъ должны были сдѣлаться поборниками и проводниками латинства среди православныхъ. Изъ этой Римской греческой коллегіи вышли между прочимъ и извѣстные дѣятели Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ²⁾. Даже тѣ ученые греки, которые оставались вѣрны православію, обучаясь въ латинскихъ школахъ, принуждены были временно отказываться отъ православія и принимать латинство. Да и вообще иноувѣрная школа, иногда даже неволью, должна была оказывать свое заражающее вліяніе на учащихся въ ней православныхъ; строгіе не замѣтно прививая къ нимъ или латинскія или протестантскія воззрѣнія, а между тѣмъ воспитанники иноувѣрныхъ школъ, получившіе высшее научное образованіе, стремились къ тому, чтобы учителя, профессоровъ и архіерейскія кафедры изъ этого мало не только умные греки заражались иногда въ иноувѣрныхъ школахъ чуждыми православію воззрѣніями, но и самозабвенно и даже иногда подвергаясь серьезной опасности, были въ состоянии самоотверженно стоять на латинявѣ, которые, кроме школы, въ иноувѣрныхъ школахъ, старались пропагандировать латинство и даже въ своихъ жилищахъ у себя дома своей типографіей издавали брошюры и трактаты свои

1) «Мелетій Пигаридъ», стр. 114.

2) Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ, стр. 114.

книги за-границей, преимущественно въ Венеціи. Попытка Константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса завести свою греческую типографію въ Константинополь, благодаря интригамъ іезуитовъ, потерѣла полную неудачу, и греки принуждены были по прежнему печатать свои книги въ латинскихъ земляхъ, что открывало возможность латинянамъ злоупотреблять греческими печатными книгами. При упомянутой выше коллегіи въ Римѣ печатались и греческія книги, прошедши предварительно чрезъ руки и цензуру отцовъ іезуитовъ. Сами венеціанскіе греки не прочь были ввести въ печатаемые ими греческія книги нѣкоторыя латинскія нововведенія. Такъ въ лицѣ своего митрополита Гавріила Севера они обращаются къ Константинопольскому патріарху Іереміи II, съ просьбою разрѣшить имъ ввести у себя, ради житейскихъ удобствъ, Григоріанскій календарь... Греки очень подозрительно относились особенно къ латинскимъ изданіямъ отеческихъ твореній въ виду того сложившагося у нихъ представленія, что латиняне, при изданіи отеческихъ твореній, дозволяютъ себѣ ихъ намѣренныя искаженія и даже прямо тенденціозныя подлоги. Русскіе хорошо знали, что греки черпаютъ свою ученость, которую они такъ гордятся и превозносятся предъ русскими, въ иностранныхъ иновѣрныхъ школахъ, что греческія книги печатаются въ иновѣрныхъ земляхъ, и что иновѣрцы вносятъ въ ихъ книги свои ереси. Все это русскіе знали изъ заявленій самихъ грековъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная Палеопатрскаго митрополита Теофана, поданная имъ Государю въ 1745 году, послѣ того, какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которыми онъ былъ посланъ въ Москву. Въ своей челобитной царю Теофанъ пишетъ: „Буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ, и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ папези и лютери греческую печать и печатаютъ повсядневно богословныя книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зеліе—поганую свою ересь. И клепятъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть недостаточно, потому что нынѣ есть древнія книги и библіи харатейныя рукописмены и богословныя святыхъ отецъ въ монастырѣхъ во святой горѣ Афонской и въ иныхъ древнихъ монастырѣхъ и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они которые книги печатали и составили, по своему обычаю и вымыслу, тѣми же книгами они борются во странахъ, а гдѣ древнихъ библій нѣтъ, и отпоясаютца оружіемъ нашимъ и яв-

лются они мужественны и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Цареградѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею злодою... Сердцевидецъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе, и вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ, и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ, и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ. Азъ прослезился и помыслилъ абіе, понуждая отъ глубины сердца своего извѣстити обо всемъ къ великому вашему царствію, а преблагій Богъ избралъ тя царемъ на земли, и есть ваше царское имя славно во всей земли. И будетъ извѣститъ въ сердце великому и державному царствію вашему къ надобю благочестивымъ и православнымъ христіаномъ: да повелиши быть греческой печати и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философія и богословія греческаго языку и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мирѣ православныя христіанскіе книги и не будетъ нужды тѣми составленными римскими и люторскими книгами; здѣсь исполнитца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво, и тогда будетъ великая радость во всемъ мирѣ, и во всемъ народѣ христіанскомъ"... Понятно, какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ русскихъ это заявленіе Палеопатрскаго митрополита Теофана. Оно вполне подтверждало уже давно сложившееся у русскихъ убѣжденіе, что греческія книги, печатаемыя въ иновѣрныхъ земляхъ, намѣренно искажаются тамъ еретиками, которые вносятъ въ нихъ свои ереси. Отсюда русскіе само собою сдѣлали прямое заключеніе, что довѣрять новопечатнымъ греческимъ книгамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ расходятся съ русскими книгами, никакъ не слѣдуетъ, ибо сами греки, и именно посолъ отъ константинопольскаго патріарха и собора, палеопатрскій митрополитъ торжественно заявляетъ царю, что для избѣжанія козней еретиковъ греческія книги необходимо печатать въ Москвѣ, такъ какъ только здѣсь будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво. Не вѣрять этому заявленію

Теофана русскіе не могли уже потому, что оно вполне подтверж-
 дало ихъ собственное, и ранѣе сложившееся мнѣніе о греческихъ
 новопечатныхъ книгахъ, да къ тому же и другія данныя подтвер-
 ждали заявленіе Теофана. Во время преній съ греками о вѣрѣ
 Сухановъ укорялъ ихъ, зачѣмъ они сожгли на Афонѣ русскія бо-
 гослужебныя книги, имъ бы слѣдовало лучше жечь свои греческія
 книги, которыя печатаются у латинянъ, такъ какъ въ этихъ кни-
 гахъ дѣйствительно находятся латинскія ереси. Для доказатель-
 ства Сухановъ принесъ и показалъ патриарху Паисію одну гре-
 ческую книгу, взятую имъ у греческаго учителя, въ которой сим-
 воль вѣры дѣйствительно былъ напечатанъ съ прибавленіемъ
 filioque (т. е. „и отъ сына“ въ 8 членѣ символа вѣры). Въ виду
 этой очевидной улики патриархъ Паисій объяснилъ Суханову, что
 они—православные греки—пользуются греческими книгами вене-
 цианскихъ изданій съ большою осторожностію, такъ какъ хорошо
 знаютъ, что латиняне намѣренно вносятъ въ греческія книги свои
 еретическія мнѣнія, которыя они—православные греки—и выма-
 рываютъ изъ этихъ книгъ, но самыхъ книгъ не сжигаютъ. Павелъ
 Алеппскій свидѣтельствуетъ, что онъ достовѣрно узналъ, будто
 франки запретили печатать въ греческихъ книгахъ многія вещи,
 и между прочимъ чинъ освященія церкви и приготовленія міра.
 Въ 1700 году наши послы въ Константинополь, Украинцевъ и
 Чередѣевъ, были у іерусалимскаго патриарха Досифея, который
 имъ показывалъ разныя купленные имъ греческія хроники, напе-
 чатанныя во Франціи по гречески и по латыни. Послы полюбо-
 пытствовались спросить Досифея: „Какъ они, французы, тѣ книги
 печатаютъ, понеже въ вѣрѣ и въ иныхъ церковныхъ догматѣхъ
 имѣютъ великое разнствіе и совершенно не знаютъ греческій
 языкъ?“ Патриархъ отвѣчалъ: „Печатаютъ всю старину правдою,
 развѣ малое что не печатаютъ, которое имъ что къ поношенію и
 ко укоризнѣ належитъ и еллиногреческій языкъ знаютъ достаточно“.
 „Такимъ образомъ, на основаніи тѣхъ заявленій, какія сами
 восточные іерархи постоянно дѣлали нашему правительству, у
 русскихъ естественно и само собою явилось такое представленіе,
 что „православіе повсюду на востокѣ гратуемо иноплемениными
 врагами, что находясь подъ игомъ турокъ, восточные христіане
 „едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою“,
 такъ какъ они „пребываютъ на всякій день въ великихъ печалѣхъ,
 нуждахъ и бѣдахъ, срамотахъ и поношеніяхъ, убиваемые и гони-
 мые“ ради сохраненія вѣры православной, которую „зловѣрные
 тщатся истребить“, почему православные постоянно опасаются,

какъ бы православная церковь на востокѣ, „порабощенная и разсѣянная среди ассиріянъ, вавилонянъ и египтянъ, не исчезла до конца“. Но этого мало. Отъ самихъ же греческихъ іерарховъ русскіе узнавали, что православіе на востокѣ испытываетъ не одни только внѣшнія притѣсненія и умаленія, но подвергается серьезной опасности „и отъ боренія еретиковъ, потому что имѣютъ папези и лютори греческую печать и печатаютъ по вседневно богословныя книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зелье, поганую свою ересь“, и это не остается безъ вреднаго пагубнаго вліянія на православныхъ, „ибо смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ, и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибають“. Самый простой и естественный выводъ, который русскіе логически необходимо должны были сдѣлать, на основаніи имѣвшихся у нихъ свѣдѣній о состояніи православія на востокѣ, былъ тотъ, что слова „грекъ“ и „православіе“ перестали уже быть синонимами, что русскіе должны крайне недовѣрчиво и опасливо относиться ко всему, что переходитъ на Русь отъ грековъ, иначе и на Русь можетъ проникнуть лютое зелье, поганая ересь папезей и люторей, какъ она уже успѣла проникнуть и все шире и глубже проникаетъ въ среду православныхъ грековъ. Внѣшнія гоненія на церковь и нападеніе на нее со стороны еретиковъ еще не даютъ однако права подозрительно и опасливо относиться къ гонимой церкви. Разныя гоненія и невзгоды нерѣдко только развиваютъ и закаляютъ высокія духовныя свойства въ гонимыхъ, доводятъ духовно-нравственную ихъ жизнь до высшаго возможнаго напряженія, ярко выставляютъ на видъ высокія качества пастырей и пасомыхъ, словомъ то духовное богатство, ту внутреннюю силу и мощь, которыя присущи гонимой церкви. Но вовсе не въ такомъ видѣ являлась предъ русскими жизнь православной греческой церкви на востокѣ. Начиная съ конца XVI вѣка русскіе получали очень подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія изъ разныхъ рукъ о всѣхъ событіяхъ и происшествіяхъ, особенно имѣвшихъ мѣсто въ константинопольской патріархіи, и на основаніи этихъ свѣдѣній имѣли полную возможность составить довольно ясное представленіе о жизни греческой церкви, о порядкахъ, царящихъ въ ней, о нравственныхъ качествахъ ея важнѣйшихъ и второстепенныхъ представителей и т. п. Нужно сознаться, что картина церковной жизни на востокѣ на основаніи идущихъ оттуда свѣдѣній получалась въ общемъ довольно мрачная, хотя эти свѣдѣнія шли отъ самыхъ достовѣрныхъ лицъ, такъ что за-

подозрѣть правдивость ихъ показаній русскіе ни имѣли никакихъ основаній... Изъ донесеній какъ самихъ патріарховъ, такъ и разныхъ агентовъ, московское правительство не только узнавало о томъ, что въ константинопольской патріархіи царятъ подкуны, интриги и всевозможныя неправды, но что тамъ для уничтоженія своего соперника практикуются и убійства, и что нѣкоторые патріархи дѣйствительно потеряли жизнь, благодаря проискамъ другихъ патріарховъ, ихъ соперниковъ... О дѣятельности и характерѣ вообще церковнаго управленія Константинопольскими патріархами въ Москвѣ получались тоже самыя неутѣшительныя вѣсти...

„Сильное и глубокое впечатлѣніе должны были произвести на русскихъ всѣ эти вѣсти о подкупахъ, интригахъ, порокахъ и даже преступленіяхъ, царящихъ въ константинопольской патріархіи, о тѣхъ тяжелыхъ недугахъ, которыми была заражена вся церковная жизнь греческаго народа. Русскимъ естественно должно было казаться, что греческая церковь при ви́шнемъ бѣдственномъ положеніи поражена еще и страшными внутренними недугами, которые дѣйствуютъ на нее разлагающимъ образомъ, такъ что она не только вслѣдствіе ви́шнихъ гоненій, но и по характеру своей внутренней жизни находится на краю пропасти. Въ виду этого, брать порядки греческой церкви за образецъ для себя, исправлять и перестраивать свою церковную жизнь по образцу греческой, по указаніямъ и подъ руководствомъ гречанъ, было бы, по мнѣнію русскихъ, не просто безуміемъ, но прямо злостнымъ покушеніемъ на чистоту ничѣмъ не затемненнаго русскаго православія, значило бы недуги и язвы греческой церковной жизни искусственно пересаживать на здоровую русскую почву.

„Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя русскіе получали отъ самихъ грековъ относительно печальнаго ви́шняго и внутренняго положенія ихъ церкви, они могли хорошо ознакомиться съ характеромъ греческаго благочестія черезъ постоянныя наблюденія надъ греками, пріѣзжавшими въ Москву за милостынею или остававшими въ Россіи на вѣчно житье. Всѣ бѣдные греки, начиная съ патріарха и кончая простымъ инокомъ, направлялись въ Москву съ единственною цѣлью получить здѣсь возможно щедрую милостыню. Чтобы достигнуть этой цѣли, они употребляли всѣ усилія понравиться русскимъ и во всемъ угодить имъ: дивились предъ русскимъ благочестіемъ и всячески восхваляли его, изъ угодливости подлаживались подъ русскіе релігіозные обычаи въ ущербъ своимъ греческимъ, даже, чтобы остаться въ Россіи, шли пред-

варительно подъ началъ для исправленія своей несовершенной вѣры и вообще вели себя относительно русскихъ льстиво, угодливо, поступаясь своими церковными особенностями и обычаями въ пользу русскихъ. При этомъ греки были корыстолюбивы, продажны, завистливы. Въ интересахъ наживы они готовы были пустить въ ходъ интригу, клевету, вѣдунство, всегда готовы были торговать всѣмъ, и совѣстью, и знаніями, словомъ за деньги, за шкурку соболя были готовы отдать русскимъ все, самое святое и заветное для православнаго христіанина. При созерцаніи этой корыстолюбивой продажной толпы всевозможныхъ гречанъ, готовыхъ всячески пресмыкаться и угодничать изъ-за полочки лишней пары соболей, невольно и естественно являлось у русскихъ сознаніе своего нравственно-религіознаго превосходства предъ ними, невольно слагалось убѣжденіе, что въ дѣлахъ вѣры и благочестія греку довѣрять никакъ не слѣдуетъ. Какъ-то невольно все въ грекахъ казалось русскимъ нетвердымъ, шаткимъ, подозрительнымъ, достойнымъ не подражанія, а рѣшительнаго осужденія. Не таковъ идеаль истинно-благочестиваго человѣка предносился русскому уму, какимъ былъ современный и знаемый ими грекъ.

„Наконецъ объ упадкѣ благочестія у грековъ свидѣтельствовали и тѣ русскіе люди, которые путешествовали по востоку и лично наблюдали и изучали всю религіозную жизнь грековъ на мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи особенно важно было путешествіе на востокъ Арсенія Суханова, который былъ официально уполномоченъ свѣтскимъ и духовнымъ нашимъ правительствомъ всесторонне и тщательно изучить православный востокъ и результаты своихъ изученій и наблюденій добросовѣстно и правдиво сообщить правительству. Въ лицѣ Суханова русскіе хотѣли, путемъ собственнаго наблюденія и изученія состоянія греческой православной церкви на востокѣ, окончательно рѣшить давно занимавшій ихъ вопросъ: дѣйствительно ли греки въ дѣлахъ вѣры и благочестія не остались во всемъ вѣрны истинному православію, или эти представленія русскихъ о грекахъ были ошибочны, не согласны съ дѣйствительностью? Сухановъ, въ качествѣ полномочнаго эксперта, изучилъ на мѣстѣ греческіе церковные чины и обряды и, хорошо познакомившись съ греческимъ благочестіемъ, не только не опровергъ ранѣе, сложившихся русскихъ воззрѣній на грековъ, но и вполне подтвердилъ ихъ, какъ несомѣнно справедливыя, какъ вытекающія изъ дѣйствительнаго положенія греческой церкви и греческаго благочестія. Голосъ Суханова, какъ эксперта, долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе для большинства русскихъ,

не имѣвшихъ причинъ заподозрить искренность и справедливость его отзывомъ о грекахъ и греческомъ благочестіи, тѣмъ болѣе, что Сухановъ только подтверждалъ то, что уже ранѣе думали о грекахъ всѣ русскіе, не исключая и самого правительства.

„Изъ всего сказаннаго нами само собою слѣдуетъ, что русскіе до второй половинѣ XVII вѣка имѣли... вполнѣ достаточныя и очень твердыя основанія думать, что послѣ паденія Константинополя истинное православіе и совершенное благочестіе отъ грековъ дѣйствительно перешло на Русь; что современные греки уже не могутъ болѣе считаться представителями и руководителями религиозной жизни православнаго міра; что греческая церковь, въ ея современномъ состояніи, не только не можетъ служить своими церковными порядками образцомъ для другихъ православныхъ церквей, но и сама настоятельно требуетъ серьезнаго врачеванія; что русскіе въ своей религиозной жизни уже переросли своихъ бывшихъ учителей и не только не нуждаются въ ихъ дальнѣйшемъ учительствѣ и въ какой бы то ни было опецѣ съ ихъ стороны, но кое въ чемъ уже могутъ поучить и самихъ грековъ, такъ какъ на Руси истинная правая вѣра все болѣе цвѣтеть и ширится, а у грековъ она все болѣе умалется и потемняется. Такъ думали русскіе, такъ они и относились къ грекамъ и вовсе не видѣли причинъ измѣнять эти отношенія, считать ихъ почему либо несправедливыми и ошибочными. Наоборотъ все, что только они знали о современныхъ грекахъ и ихъ церковно-религиозной жизни, все, что они сами могли видѣть и наблюдать изъ нея, все это только еще болѣе утверждало ихъ въ несомнѣнной правотѣ ихъ взгляда на грековъ и греческое благочестіе,—думать иначе о грекахъ они не имѣли никакихъ данныхъ“ 1).

Если уже таково было въ то время состояніе вообще церковной жизни на востокѣ, то что же можно подумать о тѣхъ совершенно облатинившихся грекахъ—бродягахъ, интриганахъ и корыстолюбцахъ, во множествѣ окружавшихъ Никона, которые, совмѣстно съ латинумудрствующими кievскими учеными, смутили Никона предпринять церковную реформу, которой сами же были исполнителями?

„Русское правительство,—говоритъ проф. Каптеревъ,—желало имѣть въ поселившихся въ Москвѣ греческихъ іерархахъ честныхъ, добросовѣстныхъ, свѣдущихъ посредниковъ въ своихъ сношеніяхъ

1) Харак. отношен. къ востоку, Каптерева, стр. 296—299, 300, 311, 312, 317, 318, 323,—326.

съ православнымъ востокомъ, но встрѣтило въ нихъ людей своекорыстныхъ, интригановъ, которые не только не содѣйствовали упорядоченію и правильной постановкѣ сношеній Россіи съ востокомъ, но еще вносили въ нихъ смуту, интриги, личное междоусобіе и самолюбіе. Правительство надѣлило этихъ лицъ своимъ полнымъ довѣріемъ, окружило ихъ своими заботами и попеченіями, но они обманывали его довѣріе самымъ грубымъ образомъ въ видахъ личной наживы; оно довѣрчиво дало имъ сильное вліяніе въ дѣлахъ по сношеніямъ съ востокомъ, оно прислушивалось въ ихъ голосу при раздачѣ милостыни просителямъ, ихъ рекомендація имѣла въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе, а они употребляли свое вліяніе на то, чтобы преслѣдовать ненавистныхъ почему либо имъ лицъ, такъ что русское правительство въ ихъ рукахъ являлось только орудіемъ или ихъ личной мести, или просто корысти. Самая русская милостыня направлялась ими не столько на лицъ дѣйствительно нуждающихся, требующихъ помощи, сколько на лицъ, находящихся съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, или успѣвшихъ приобрести ихъ расположеніе подарками. Призванные быть совѣтчиками и посредниками, они вступаютъ въ соблазнительную борьбу между собою изъ за вліянія при дворѣ, подбавываются другъ подъ друга, интригуютъ, стараются уронить одиъ другаго во мнѣніи царя и патріарха, пишутъ другъ на друга жалобы, обвиненія, такъ что правительству приходится умиротворять вздорящихъ, мелочно самолюбивыхъ іерарховъ. О возможности получать отъ нихъ истинныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи и нуждахъ востока, найти въ нихъ безпристрастныхъ, искренно преданныхъ интересамъ православія совѣтчиковъ и руководителей, невозможно было и думать... Но этого мало: русскимъ приходилось созерцать не только ссоры, интриги и разныя продѣлки поселившихся въ Москвѣ греческихъ іерарховъ, но и видѣть участіе въ этой борьбѣ своекорыстныхъ интригановъ самихъ восточныхъ патріарховъ... Недоброе мнѣніе о греческихъ іерархахъ составлялось у русскихъ, а думать иначе они не имѣли данныхъ¹⁾.

Тотъ же проф. Каптеревъ говоритъ: „Къ намъ очень нерѣдко являлись за милостынею различные самозванцы, поддѣлавшіе патріаршія подписки и печати, запрещенные и даже совсѣмъ лишенные сана архіереи, выдававшие себя за дѣйствительныхъ митрополитовъ или архіепископовъ, и всѣ вообще

1) Тамъ же, стр. 180, 181.

просители, ради получки болѣ щедрой милостыни, дозволяли себѣ прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ и даже прямо преступнымъ средствамъ. Боротся съ этими злоупотребленіями правительству было очень трудно, такъ какъ просители обыкновенно дѣйствовали за одно, дружно прикрывая свои плутни и обманы, всегда готовы были подтвердить любое показаніе своего собрата и всячески оправдать его. Только дѣлежъ полученной въ Москвѣ милостыни подавалъ нерѣдко поводъ къ ссорамъ и доносамъ просителей другъ на друга. Обыкновенно какой либо митрополитъ или архіепископъ, дѣйствительный или самозванный, направляясь въ Москву, подбиралъ свиту изъ всякаго случайнаго сброда и заключалъ съ набранными лицами условіе, сколько оны должны взять себѣ изъ полученной въ Москвѣ дачи, и сколько оны. Но въ Москвѣ, получивъ милостыню, одна изъ сторонъ выражала притязаніе на большій условленный пай, вслѣдствіе чего между ними возникали ссоры, всегда сопровождавшіяся доносомъ одной стороны на другую, при чемъ доносчики обыкновенно раскрывали весь тотъ рядъ обмановъ, съ помощью которыхъ получалась многими просителями щедрая русская милостыня... Все большинству русскихъ казалось въ нихъ подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ влияніемъ латинскаго воспитанія, ихъ частная и общественная жизнь, не согласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся нерѣдко самыми нечистыми побужденіями и вождельніями и почти совсѣмъ чуждая высшихъ и истинно нравственныхъ мотивовъ. Неудивительно поэтому, что подобныя выходцы—авантюристы, хотя бы въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно ученые и образованные, не могли однако поселить въ большинствѣ русскихъ уваженія и любви къ наукѣ и образованію, такъ какъ отдѣлать науку отъ личныхъ свойствъ и дѣйствій ея случайныхъ носителей и представителей, понять и оцѣнить великое значеніе образованія, только самого въ себѣ, безотносительно къ той или другой отдѣльной личности,—способны были тогда крайне немногіе русскіе“¹⁾.

Вотъ эти то бродячіе облатинившіеся греки-интриганы, клезуны, льстецы, клеветники, продажные, корыстолюбивые, завистливые, въ интересахъ наживы готовые торговать всѣмъ и знаніями, и совѣстью, и вѣрой, словомъ, за деньги, за лишнюю

1) Тамъ же, стр. 245, 246, 219.

шкурку соболя готовые отдать все самое святое и завѣтное, идти, пожалуй, если только выгодно, даже въ магометанство, эти греки воспользовались,—къ чему они стремились давно, но безуспѣшно, всесильнымъ, мощнымъ деспотомъ—самодуромъ Никономъ, котораго они, благодаря своей льстивости, угодливости, хитрости, проницательности, своими „зазираніями“ подчинили своему вліянію и сдѣлали орудіемъ своей наживы, корыстолюбія и интригъ въ русской церкви,—сдѣлали послушной машиной, которой легко управлять какъ угодно, по своей волѣ и желанію. Что инициатива всѣхъ церковныхъ дѣлъ Никона принадлежала именно грекамъ, въ этомъ онъ и самъ сознается.—Онъ говоритъ: „*Зазираху шюда нашему смиренію, мнѣ Никону патріарху, приходящии къ намъ въ царствующій градъ Москву, потребъ своихъ ради, святыя восточныя церкви, свѣтѣйшіе вселенстїи патріарси... и прочїи: и поношаху ми много въ неисправленїи божественнаго писанїа, и прочїихъ церковныхъ свѣтъ*“¹⁾.

Никонъ и самъ впоследствии понялъ всю неестественность, всю скверность того положенія, въ которое его поставили эти интриганы, праздношатающіеся милостынесобиратели, безмѣстные, лишенные сана греческіе архіереи авантюристы,—что ясно изъ отношеній его къ нимъ впоследствии; но было уже поздно, дѣла нельзя было воротить,—онъ уже до конца довелъ свою непохвальную роль реформатора церковнаго; разорвавъ св. церковь, онъ и самъ былъ уже безсиленъ, въ опалѣ, подъ судомъ.

„Въ то время,—говоритъ проф. Каптеревъ,—когда на Афонѣ греки жгли русскія церковныя книги, какъ еретическія, когда по этому поводу и на Афонѣ, и въ Молдавіи шли горячія пренїа о вѣрѣ греческой и русской... въ это время въ Москвѣ сдѣлался патріархомъ Никонъ, державшій въ своихъ властныхъ рукахъ и церковь, и государство... Еще будучи новоспаскимъ архимандритомъ, Никонъ уже близко сошелся съ разными греками, прїѣзжавшими въ Москву за милостыней, такъ какъ прїѣзжіе греки всячески старались заискивать у всемогущаго царскаго любимца, который былъ самымъ вліятельнымъ ходатаемъ за нихъ предъ царемъ. Сближеніе съ греками не прошло для Никона даромъ. Онъ скоро подчинился вліянію ловкихъ и угодливыхъ гречанъ, и, по ихъ собственному сознанію, сдѣлался самымъ завзятымъ грекофиломъ, какого ранѣе и не бывало на Руси. Греки умѣло и ловко воспользовались расположеніемъ къ нимъ Никона, возбу-

¹⁾ Предисловіе Скрижали.

деннымъ въ нихъ влеченіемъ ко всему греческому. Сблизившись съ нимъ и овладѣвъ его довѣренностью, они уже смѣло стали „зазирать“ предъ нимъ русскіе церковные чины и обряды, несходные съ современными греческими, какъ неправильные, какъ искаженные русскимъ невѣжествомъ и разуміемъ, и потому требующіе немедленнаго исправленія. Лъстиво выдѣляя Никона изъ ряда другихъ русскихъ іерарховъ за его выдающіеся качества, они внушали ему, что у него хватить и силъ, и власти, и умѣнья на то, чтобы немедленно произвести требуемую церковную реформу, не смотря на протесты и крики разныхъ невѣждъ, неспособныхъ вѣрно понять и оцѣнить относительное достоинство греческаго и русскаго обряда. Зазиравія и внушенія гречанъ произвели на Никона свое дѣйствіе: онъ сталъ смотрѣть на все глазами грековъ и, сдѣлавшись патрархомъ, рѣшился произвести церковную реформу, какъ она была внушена ему его друзьями и поклонниками греками. По самому своему характеру склонный къ увлеченіямъ и крайностямъ, мало способный соблюдать мѣру и осторожность, въ чемъ бы то ни было, Никонъ и въ своемъ грекофильствѣ доходилъ до крайностей, не зная мѣры. „Хотя я и русскій и сынъ русскаго, торжественно заявлялъ онъ, но моя вѣра и убѣжденія греческія“. Дѣйствительно, Никонъ такъ отнесся къ русской церковной старинѣ, какъ будто бы онъ былъ настоящимъ, завзятымъ грекомъ, для котораго все цѣнное было только у грековъ, а все русское не заслуживало ни малѣйшаго вниманія и уваженія. Рѣшивъ собственно привести въ полное соотвѣтствіе русскія церковныя книги, чины и обряды съ современными греческими, Никонъ кстаті уже переносить къ намъ и греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческія мантии и клобуки, греческіе напѣвы, приглашаетъ на Русь греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строить монастыри по образцу греческихъ и даетъ имъ греческія названія, приближаетъ къ себѣ безъ разбора всѣхъ грековъ, слушаетъ только ихъ, дѣйствуетъ по ихъ указаніямъ, по всюду выдвигаетъ на первый планъ греческій авторитетъ, отдавая ему рѣшительное преимущество предъ вѣковою русскою стариною, предъ русскими доселѣ всѣми чтимыми и признаваемыми авторитетами. Даже одного простаго указанія, подсказа какаго либо случайнаго заѣзжаго въ Москву греческаго іерарха — милостынесобирателя было вполне достаточно для Никона, чтобы передѣлывать русскую церковную старину на современный греческій ладъ. Вообще все русское, несогласное съ современнымъ греческимъ, торжественно и рѣшительно признано было Никономъ

порожденіемъ русскаго невѣжества и неразумія, отступленіемъ отъ истинной нормы православія, сохранившейся только у грековъ, которые должны служить образцомъ для русской церковной жизни⁴⁾.

Возненавидѣвъ такимъ образомъ русское благочестіе и старину, и рѣшивъ перемѣнить православныя древнія преданія на новогреческія, позаимствованныя отъ латинянъ, Никонъ взялъ изъ Соловецкаго монастыря въ Москву Арсенія грека, -- явнаго еретика, находившагося тамъ въ ссылкѣ, подъ началомъ, и поручилъ ему исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Въ чемъ же собственно состояло это исправленіе?—Профессоръ Е. Голубинскій говоритъ: „Большую часть дѣло понимается такъ, будто Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ состояло въ точномъ и настоящемъ воспроизведеніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей или было ничѣмъ инымъ, какъ этимъ точнымъ воспроизведеніемъ. Такое пониманіе дѣла, основанное на ошибочномъ толкованіи недостаточно опредѣленныхъ словъ предисловія къ „служебнику“, есть пониманіе совершенно неправильное, ибо представляемое въ подобномъ видѣ исправленіе богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе невозможнымъ и было бы со стороны Никона дѣломъ лишеннымъ смысла. Онъ захотѣлъ и предпринялъ исправить наши книги *по современнымъ книгамъ греческимъ*, дабы привести насъ относительно нихъ въ полное согласіе *съ современными собой греками*... Если Никонъ перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и началъ смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, то изъ этого само собою и необходимо слѣдовало, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ этими послѣдними греками, ибо иначе признавать чистоту православія позднѣйшихъ грековъ и не хотѣть того, чтобы быть въ согласіи съ ними относительно богослуженія было бы нелѣпостью, логическимъ *contradictio in adjecto*. Но и наконецъ, приступая къ исправленію книгъ, что провозглашалъ Никонъ на соборѣ 1654 года, въ своихъ извѣстныхъ „возглашеніяхъ“, какъ не то, что онъ желаетъ привести русскую церковь относительно обрядовъ и богослуженія къ согласію и единенію съ современной церковью греческой?..“

„Первоисправленный Никономъ „служебникъ“ и всѣ послѣдующіе новые „служебники“ вплоть до настоящаго не составляютъ какихъ нибудь книгъ секретныхъ, относительно которыхъ была

4) Характ. отнош. Канторовъ стр. 343—345. *Журналъ Византинской Археологіи*

ного образованія, скрывали въ себѣ самый грубый эгоизмъ, полное отсутствіе убѣжденій, продажность, готовность на все изъ за личной выгоды, изъ желанія играть видную роль. Обуреваемые нечистыми пожеланіями, беспокойно бродили они съ мѣста на мѣсто, предлагая всюду и всѣмъ свои продажныя услуги, готовые торговать и совѣстью, и религіею, и своими учеными знаніями; лишь бы только нашелся покущикъ, который бы хорошо платилъ за ихъ послуги. Понятно, само собою, что Никонъ поступилъ крайне неосторожно, когда взялъ Арсенія изъ Соловокъ съ собою въ Москву и поручилъ ему здѣсь исправлять русскія церковно-богослужебныя книги. Вѣдь самъ іерусалимскій патриархъ призналъ Арсенія еретикомъ, человѣкомъ, крайне опаснымъ для православія, и потому совѣтовалъ его, какъ зловредный тернъ, немедленно удалить съ православной русской нивы, чтобы не вышло отъ него какаго-либо „церковнаго разврата“. Само русское правительство официально признало Арсенія зловѣрнымъ еретикомъ, который „своимъ еретическимъ вымысломъ хотѣлъ и въ Московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввести и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плеве-лы сѣять“,—какъ же можно было подобному человѣку поручать исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ? Если Никонъ самъ лично увѣрился въ полной невинности Арсенія, въ его всегдашней строгой приверженности и преданности православію, въ его полной пригодности для книжныхъ церковныхъ исправленій, то онъ обязанъ былъ, въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ, руководствоваться не только личнымъ усмотрѣніемъ и личною увѣренностью, но и брать во вниманіе совѣсть немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патриарха къ уличенному въ неправославіи и за ересь сосланному на Соловки Арсенію. Если Арсеній открыто и официально былъ обличенъ въ ереси и за еретичество сосланъ, на Соловки, то Никону, прежде чѣмъ освобождать Арсенія изъ Соловокъ и поручать ему исправленіе русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, слѣдовало бы напередъ торжественно оправдать его отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, за которыя онъ былъ сосланъ, и только послѣ его полного и для всѣхъ убѣдительнаго оправданія, допустить его до участія въ работахъ по книжнымъ исправленіямъ, если уже онъ былъ такъ необходимъ для этого дѣла. Но Никонъ ничего не сдѣлалъ для оправданія Арсенія въ глазахъ русскихъ, считавшихъ его, и не безъ основанія, еретикомъ... Поэтому его участіе въ книжныхъ исправленіяхъ естественно послужило потомъ однимъ изъ главныхъ оснований для противниковъ реформъ

Никона признать новоисправленные книги еретическими, потому что Арсеній грекъ, завѣдомый еретикъ, внесъ въ нихъ при исправленіи свои ереси. Увѣренность противниковъ реформъ Никона въ еретичествѣ Арсенія поддерживалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что Арсеній, по возвращеніи изъ Соловокъ, продолжалъ однако оставаться подъ началомъ. Это видно изъ его собственной челобитной Государю въ 1666 году, въ которой онъ заявлялъ: „составь-де онъ въ Соловецкій монастырь и по правиламъ святыхъ отецъ урочные гѣта въ запрещеніи ему проши по второму помѣстному собору, и Государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ подя начала свободить, и быти въ монастырѣ, гдѣ Государь укажетъ“.

„Итакъ, Арсеній до 1666 года продолжалъ находиться подя началомъ „для исправленія его православныя христіанскія вѣры“, а между тѣмъ онъ, исправляемый въ православіи, въ это время занимался исправленіемъ московскихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ... несообразность слишкомъ очевидная.

„Вмѣстѣ съ Лигаридомъ и Арсеніемъ грекомъ дѣятельную роль, какъ по дѣлу Никона, такъ и по книжнымъ исправленіямъ игралъ еще иверскій афонскій архимандритъ Діонисій... Объ этомъ дѣятелѣ въ эпоху русскихъ церковныхъ замѣпательствъ ходили у насъ очень неслестные слухи; но для насъ особое значеніе имѣютъ не эти слухи о Діонисіи, а его собственная оцѣнка себя и своей московской дѣятельности, которую онъ сдѣлалъ въ челобитной Государю предъ своимъ отправленіемъ на Афонъ. Въ этой челобитной Діонисій обидчиво заявляетъ Государю, „что инымъ архимандритамъ, которые вовсе Государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священныя одежды, а ему Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишенъ званія своего 15 лѣтъ и работалъ великому Государю и святой соборной грекороссійской церкви столь многое время, всею душою и сколько было силы, и труды сіи вѣдомы Государю,—ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Приѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно, и не знаетъ онъ, съ какимъ лицемъ явится предъ братіей потому что, колко замѣчаетъ архимандритъ, еслибъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому Государю, и Мелетіи не малую работу несъ, но за то и получилъ царскую милостыню неизречно, а его, Діонисьева, работа не меньше“...

Эта откровенная оценка своей работы, „государю и святой соборной грекороссійской церкви“ количествомъ рублей, это откровенное признаніе, что за малую дачу не стоило бы собственно и служить государю и святой соборной грековосточной церкви, настолько ясно, опредѣленно рисуетъ характеръ дѣльца, гречанина, работавшаго на Руси, что всякая дальнѣйшая характеристика Діонисія уже будетъ излишнею¹⁾.

Болѣе замѣчательный и вліятельный дѣятель по дѣлу Никона и церковной реформы, прибывшій въ Россію немного позднѣе Арсенія грека, былъ Паисій Лигаридъ, о которомъ проф. Каптеревъ рассказываетъ слѣдующее: „Паисій принадлежалъ къ числу тѣхъ бродячихъ, не ужившихся дома архіереевъ, которымъ не подобаетъ возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора, которые, лишившись по какому либо случаю своихъ кафедръ, безпокойно переходятъ съ мѣста на мѣсто съ цѣлю пристроиться гдѣ либо новыгоднѣе и поудобнѣе. Но Паисій замѣтно выдѣлялся, по своимъ личнымъ качествамъ, изъ толпы другихъ греческихъ бродячихъ архіереевъ. Онъ былъ человекъ довольно образованный и даже ученый, человекъ ловкій, умный, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый гречанинъ, способный приладиться ко всякой данной средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, которые были нужны ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія либо выгоды для себя. Въ Москвѣ этотъ воспитанникъ іезуитовъ, этотъ бросившій свою епархію архіерей, равнодушный къ православію и его интересамъ, ловко умѣлъ разыгрывать роль строгаго поборника православія, ревнителя церковныхъ правилъ и постановленій, обличителя всякихъ уклоненій отъ строго православной жизни, при чемъ онъ искусно выдвигалъ на видъ ученый авторитетъ тамъ, гдѣ этого требовали его личные интересы, гдѣ ему нужно было произвести своею ученостію извѣстное впечатлѣніе на русскихъ. Вообще Паисій былъ довольно даровитый и образованный архіерей, авантюристъ, способный на всѣ руки и на всѣ послуги, за которыя ему хорошо платятъ. Какъ и большая часть подобныхъ выходцевъ, Паисій пріѣхалъ въ Москву съ цѣлю попытать счастья въ этой варварской, но богатой странѣ, гдѣ его умъ, ученость, іезуитская ловкость и изворотливость должны были обезпечить ему блестящую карьеру, уже болѣе невозможную для него на востокѣ. Паисій вѣхалъ въ Москву съ оп-

¹⁾ Характеръ отношений, Каптерева, стр. 214—218.

редѣленными цѣлями, общими впрочемъ ему съ другими выходцами: приобрести въ Россіи, какими бы то ни было средствами, побольше денегъ, заручиться расположеніемъ къ себѣ московскаго двора и, при его содѣйствіи, возстановить свое незавидное, совсѣмъ уже пошатнувшееся положеніе на востокъ. О средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, особенно о нравственномъ ихъ характерѣ, Паисій не задумывался. Онъ прибылъ въ Москву въ самое горячее время, когда дѣло Никона все болѣе и болѣе запутывалось, когда московское правительство чувствовало свое полное безсиліе такъ или иначе порѣшить это дѣло и потому крайне нуждалось въ человѣкѣ, который бы помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Паисій и былъ такимъ именно человѣкомъ, способнымъ взяться за всякое дѣло, особенно которое сулило ему всевозможныя выгоды, почетъ и вліяніе. Онъ сразу понялъ выгоду своего положенія... Пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроуміе и находчивость, весь запасъ своихъ научныхъ знаній...

„Паисій не замедлилъ воспользоваться расположеніемъ къ себѣ царя, чтобы извлечь отсюда всевозможныя для себя выгоды. Цѣлый рядъ челобитныхъ парю съ самыми разнообразными требованіями ярко рисуютъ намъ Паисія съ этой стороны. Немедленно по своемъ прибытіи въ Москву, Паисій проситъ государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми-де онъ уговорился давать имъ откупъ за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ, и проситъ вручить ему эту сумму, „чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моего нечестивые турки не обратили въ свою турецкую вѣру“. Чтобы понять истинный смыслъ этой челобитной, нужно знать, что Паисій въ это время не былъ дѣйствительнымъ газскимъ митрополитомъ, такъ какъ уже давно бросилъ на произволъ (судьбы) свою митрополію, за что, между прочимъ, и былъ лишень архіереяства іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ. Просьба со стороны Лигарида денегъ у государя на выкупъ его епархіи отъ турокъ была прямымъ обманомъ, безцеремонною, въ видахъ наживы, эксплуатациею довѣрія и расположенія къ нему государя... Особенно сильное вліяніе Паисій приобрѣлъ въ Москвѣ, благодаря своему вмѣшательству въ дѣло Никона, въ которомъ онъ принялъ самое живое и дѣятельное участіе, ставъ душою и руководителемъ всѣхъ враговъ этого патріарха, инициаторомъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ осужденію и конечному низверженію Никона... Здѣсь обратимъ вниманіе на то обстоятель-

ство, что Паисій, судившій и рядившій въ Москвѣ дѣло Никона, авторитетно трактовавшій и рѣшавшій запутанныя русскія церковныя дѣла, въ дѣйствительности былъ не болѣе, какъ лишенный сана архіерей и притомъ очень сомнительнаго православія. Никону отъ преданныхъ ему гречанъ удалось узнать прошлое Паисія, и онъ написалъ противъ него цѣлую книгу... Сущность обвиненій Никона противъ Паисія сводилась къ тому, что Паисій, какъ воспитанникъ иезуитовъ и латинскій ставленникъ, не можетъ считаться православнымъ, и его нельзя допускать, поэтому, къ участию въ дѣлахъ православной церкви; что Паисій не настоящій, а запрещенный архіерей, лишенный сана іерусалимскимъ патриархомъ. Паисій на первый разъ успѣлъ оправдаться отъ этихъ тяжелыхъ обвиненій противъ него Никона, благодаря главнымъ образомъ подложнымъ грамотамъ, написаннымъ отъ имени константинопольскаго патриарха Діонисія, которыми онъ успѣлъ раздобыться и успокоить встревоженнаго было царя. Но торжество Паисія въ этомъ отношеніи было непродолжительно. 29 іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамота іерусалимскаго патриарха Нектарія, въ которой онъ писалъ государю о Паисіи, что „тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ патриархомъ Паисіемъ, о чемъ была послана вѣсть и alexандрійскому патриарху Паисію, потому что Лигаридъ въ то время служилъ въ волошской землѣ, гдѣ тогда находился и alexандрійскій патриархъ. Когда Нектарій сдѣлался патриархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю, и тамъ писалъ грамоты ложныя, съ чѣмъ прійти къ тебѣ великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городахъ писалъ, тотъ нынѣ человекъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій“. Далѣе извѣщаетъ, что полученные отъ государя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ Паисій отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину о. Хіосъ, а вовсе не въ епархію, которую онъ уже бросилъ 14 лѣтъ тому назадъ. „Даемъ подлинную вѣдомость, говоритъ Нектарій, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишенъ, только именуется Паисій“. Затѣмъ Нектарій указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ „называется съ православными православнымъ“, а „ла-

твни свидѣтельствуяють и называютъ его своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣстѣ есимковъ“. Это говорить о Паисіи уже не Никонъ, а самъ іерусалимскій патріархъ. Личность Паисія теперь стала ясна: Это былъ лишенный сана архіерей—авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными грамотами и, выдавая себя здѣсь за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостивую для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которыя онъ получалъ отъ царя на покрытие долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало: являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, Паисій въ дѣйствительности сильно подозрѣвался въ латинствѣ,—латынникомъ Паисія призналъ и его собственный іерусалимскій патріархъ, а затѣмъ и патріархъ константинопольскій. Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ относительно Паисія іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, которыя показали русскимъ, какъ дерзко и нагло обманывалъ ихъ во всемъ Паисій, позволительно было ожидать, что онъ будетъ отправленъ за все свои продѣлки на Соловки подъ крѣпкой началъ, но въ дѣйствительности этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человѣкъ, отъ котораго исходили все совѣты и указанія по дѣлу Никона и его противниковъ, на котораго доселѣ смотрѣли какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя востока, въ мудрость и компетентность котораго все вѣрили, котораго самъ царь слушалъ „какъ пророка Божія“,--что этотъ человѣкъ былъ лишенный сана архіерей, обманщикъ и латынникъ, ловко разыгравшій передъ русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя чуждыхъ для него интересовъ православія... Алексій Михайловичъ, благодарный Паисію за его ревностную службу въ дѣлѣ Никона, питавшій, какъ видно, искреннее расположеніе къ Паисію и видѣвшій въ его осужденіи какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія,—рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи своего новаго друга въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита... Но увѣренность царя выхлопотать у патріарховъ чрезъ волошкаго воеводу разрѣшеніе для Паисія.. не оправдалась.

„Сказаннаго нами вполне достаточно, чтобы видѣть, что такое былъ Паисій. Это былъ запрещенный архіерей—авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ кафедры и сана, но съ замѣча-

тельной смѣлостью, благодаря подложнымъ грамотамъ, долго разыгрывавшій въ Москвѣ роль дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивавшій у царя значительныя суммы на уплату долговъ своей несуществующей епархіи. Въ одно время, опять благодаря подложнымъ грамотамъ, Паисій выдавалъ себя въ Москвѣ за экзарха константинопольскаго патріарха, уполномоченнаго для суда надъ Никономъ и рѣшенія русскихъ церковныхъ дѣлъ, хотя въ дѣйствительности какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ Константинополѣ его не считали даже православнымъ, а причисляли къ латынникамъ. Для тогдашняго времени Паисій былъ человѣкъ образованный и даже ученый, но образованность и ученость служили для него только эффектной декорацией, за которой постоянно скрывались самыя нечистыя побужденія и стремленія, порожаемые эгоизмомъ и корыстолюбіемъ. Его самомяніе и ученое самохвалство, его безпокойное стремленіе вмѣшиваться во все и во всемъ играть первую, рѣшающую роль,—роль инициатора и авторитетнаго совѣтника, его нечестность и интриги должны были, въ мнѣніи большинства русскихъ, ронять значеніе самой учености и образованности. Простымъ, необразованнымъ русскимъ, и сама ученость, представляемая такою во всѣхъ отношеніяхъ сомнительною личностью, какъ Паисій, естественно должна была показаться очень подозрительною¹⁾.

Итакъ, вотъ кто были инициаторами, дѣятелями и исполнителями никоновской реформы! Латинчики, бродяги, эгоисты, интриганы, корыстолюбцы, которымъ ничего не стоило „за шкурку соболя“ продать и совѣсть, и религію, и душу,—вообще люди, искалѣченные іезуитскимъ воспитаніемъ, или до мозга костей пропитанные латинствомъ, или же съ полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было убѣжденій, или даже прямо еретики, находившіеся подъ началомъ. Что же можно было ожидать отъ нихъ добраго? Могли ли они честно и добросовѣстно выполнить исправленіе на тѣхъ началахъ, на которыхъ должно основываться всякое разумное исправленіе, когда имъ вовсе нужна была не истина и справедливость, а золотой телецъ, мамона, за которую они не брезговали переходить даже въ магометанство? Очевидно, что они, ломая и коверкая св. древность, не исправили, а исказили церковно-богослужебныя книги, чины и обряды, такъ какъ это мнимое исправленіе произведено было небрежно и по современнымъ Никонову греческимъ книгамъ, печатаннымъ латинянами, или протес-

1) Харанг. отнош. Каптерева, стр. 181—184, 193—197, 201, 206.

тантами, обязательно прошедшимъ чрезъ руки и цензуру іезуитовъ и слѣдовательно искаженнымъ и весьма сомнительнаго православія, если не прямо еретическимъ.

Поэтому, весьма естественна и понятна та боязнь, та нервно-болѣзненная дрожь, тотъ неподдѣльный страхъ и ужасъ, то сильное негодованіе и ропотъ, которыми лучшая и большая часть православнаго глубоко-вѣрующаго народа дружно встрѣтила никоновскую грекофильскую реформу, выполненную бродягами греко-латинистами, воспитанниками іезуитовъ, и имѣвшую своей цѣлью искаженіе чистоты, неповрежденности св. древности и благочестія и подчиненіе нашей церкви игу греческой обрядности, т. е. чтобы она рабски безусловно слѣдовала за каждымъ капризнымъ, самовольнымъ измѣненіемъ греками своей обрядности! Мы не говорили, не будемъ и говорить подробно о всѣхъ неточностяхъ, промахахъ, недостаткахъ и погрѣшностяхъ никоновской реформы,—это не входитъ въ нашу задачу. Къ тому же все это во многихъ старо-обрядческихъ сочиненіяхъ основательно разобрано;—мы только старались показать, что самая сущность этой реформы погрѣшительна, бессмысленна, противна христіанской любви и духовной свободѣ! Если до этой реформы русская церковь во всѣхъ подробностяхъ была совершенно православна, то къ чему же была эта неразумная и гибельная реформа?—неужели она могла увеличить православіе русской церкви, прибавить къ нему еще сколько-то „православія“?! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, быть православною православною!

Да, бессмысленна, излишня, противна Христовой любви и духовной свободѣ была эта мелочная, мизерная реформа, породившая великій расколъ русской церкви! Поэтому-то она и вызвала столь сильный протестъ въ русскомъ православномъ народѣ, въ защитникахъ св. древности!

Но, спросить ктонибудь, вѣдь и раньше бывали исправленія, почему же они не вызвали протеста? Вся суть въ томъ, что тѣ исправленія были не на чуждыхъ началахъ и не въ духѣ папской непогрѣшимости, деспотизма, безусловности и безконтрольности, а въ духѣ Христовой любви и свободы! Но противъ никоновской реформы протестъ былъ поднятъ, протестъ не противъ всякаго вообще исправленія, а именно противъ сущности и погрѣшностей, безумія и грекофильства никоновской реформы!!!

Одинъ изслѣдователь этого вопроса говорить: „Реформы Никона возбудили къ себѣ ненависть во всѣхъ слояхъ русскаго народа. Онѣ казались ему несоответствующими его обычаямъ и

правамъ. Принципъ власти, который вносилъ Никонъ въ отношенія духовенства къ народу, былъ непривыченъ для обѣихъ сторонъ и считался принадлежностью „латинства“ и „папства“: „ничтоже тако расколъ творить въ церквахъ, пишетъ протопопъ Аввакумъ къ царю Алексѣю Михайловичу, яко любоначаліе во властѣхъ“¹⁾.

„Неудивительно,—говоритъ проф. Каптеревъ,—если многіе русскіе ко всей дѣятельности (Никона)... особенно, въ сферѣ церковной отнеслись крайне подозрительно, или и прямо отрицательно. Какъ было имъ не подумать, что эти пришельцы (греки), съ очень темнымъ и сомнительнымъ прошлымъ, не твердые въ православіи, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всѣмъ, лишь бы только имъ хорошо платили за ихъ службу,—что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, рѣшая у насъ разные церковные вопросы, тѣмъ самымъ не исправляли будто-бы затемнившееся православіе русской церкви, а только искажали его? Какъ русскимъ было не признать глубокаго униженія своей церкви и всего русскаго въ томъ обстоятельствѣ, что на святой Руси всѣми церковными дѣлами орудуеть и заправляетъ выходецъ изъ Турціи, запрещенный архіерей авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патріархами за православнаго? Какъ русскимъ было не заволноваться при видѣ того, что русскія церковно-богослужебныя книги, будто бы не во всемъ строго православныя, вслѣдствіе допущенныхъ въ нихъ искаженій, исправляются человѣкомъ, который съ дѣтства былъ воспитанъ и совращенъ въ униатство иезуитами, а потомъ принималъ мусульманство, а затѣмъ опять дѣлался то православнымъ, то униатомъ, который и въ то время, какъ (якобы) возстановлялъ истинно-православный характеръ русскихъ церковныхъ богослужебныхъ книгъ, самъ находился, однако, подъ началомъ „для исправленія его христіанскія православныя вѣры“... Поэтому тотъ не поддѣльный ужасъ, та боязнь за чистоту и неповрежденность русскаго православія и благочестія, которыя такъ сильно проявились въ русскомъ обществѣ при видѣ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, не были пустою, только русскимъ круглымъ невѣжествомъ измышленною болѣзною, созданиемъ невѣжественныхъ и фанатичныхъ поклонниковъ родной старины, порожденіемъ нѣсколькихъ интригановъ, сводившихъ съ Никономъ свои личные счета, но прямымъ, естественнымъ слѣдствіемъ исторически сложившихся

1) Расколъ и его знач. В. Андреева, стр. 58; Старовѣры, Юзова, стр. 13.

русскихъ воззрѣній на сравнительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, при чемъ эти воззрѣнія нашли себѣ полное подтвержденіе и оправданіе въ суммѣ тѣхъ свѣдѣній о православномъ востокѣ, какія имѣлись въ рукахъ русскихъ за XVI и XVII вѣка¹⁾. Въ никоновской реформѣ христіанскія начала, любви и свободы, были подавлены латино-римскими, національными особенностями не принимались во вниманіе,—она выражала собой презрѣніе русской народной жизни со всѣми ея чаяніями, завѣтами и преданіями, и любовь ко всему чужому, иноземному; при этомъ управляющіе слои, церковное водительство, состоя большее частью изъ чуждыхъ русскому духу элементовъ, и пропитавшись безбожнымъ папскимъ правомъ и духомъ „непогрѣшимости“, не имѣло и не хотѣло имѣть никакого понятія о характерѣ и міровоззрѣніи того народа, надъ которымъ оно властвовало и отъ котораго требовало безусловскаго рабскаго послушанія; эти пастыри новаторы не хотѣли понять народной души, муштровали народъ по своему, все хотѣли навязать ему вышними насиліями, все желали строить по своему произвольному плану, который не имѣлъ жизненныхъ разумныхъ основаній, никакъ не вязался съ думами, чувствами и стремленіями народными... На эту несправедливость, неестественность и ложь Никоновской реформы и начали указывать русскіе люди; во имя свободы они грудью встали на защиту св. древности и добрыхъ порядковъ старины, указывая вполнѣ справедливо, что всѣ нововведенія, весь вышній блескъ новизны заимствованы отъ латинскаго запада. Народъ защищалъ старину не потому только, что она старина и совершенно неприкосновенна, а потому, что старина эта родная, воспитавшая народъ, вполнѣ соотвѣтствующая его потребностямъ и національному духу, и потому, главнымъ образомъ, что въ церковной реформѣ въ то время не было особенной нужды и необходимости—она была просто результатомъ корыстныхъ происковъ грековъ и каприза Никона, что хорошо понималъ русскій народъ.

1) Характ. отнош. Каптерев. стр. 219, 220, 226.

Вл. М—въ.

(Продолженіе будетъ).

БЕСѢДА Ѳ. МЕЛЬНИКОВА ВЪ МОСКВѢ

(12 декабря 1893 года *).

Въ Москвѣ, на Таганкѣ, въ домѣ Касичкина, было назначено на 12 декабря сего 1893 года собесѣдованіе со старообрядцами „о единствѣ Христовой церкви“. Въ качествѣ собесѣдниковъ явились старообрядческій священникъ о. Димитрій Смирновъ и Ѳедоръ Мельниковъ. Къ пяти съ половиною часоѡ вечера залъ собесѣдованія былъ наполненъ народомъ. Старообрядцевъ было сравнительно мало. Ожидали вачала бесѣдъ. Вотъ явились и миссіонеры. Первымъ появился архимандритъ Іона, за нимъ Марковъ, Виноградовъ, Павелъ Прусскій и прочіе. Всѣ они были на готовѣ. Ожидали только предсѣдателя бесѣдъ, архіерея Тихона. Архимандр. Іона нѣсколько разъ всходилъ на кафедру и говорилъ усмѣхаясь слушателямъ, чтобы они дружиѡе и громче пѣли „Царю небесный“ и „исполлаѣти деспота“.

Если бы кто по ошибкѣ попалъ въ домъ Касичкина, не зная, что тутъ ведутся релігіозныя бесѣды, ему показалось бы, что онъ находится въ театрѣ. Вся обстановка тутъ пахла театральною. За входъ на бесѣды за послѣднее мѣсто берутъ по 20 коп. — цѣна немного не сходится съ столичными театрами.

Архіерей не заставилъ себя долго ждать. При появленіи его архимандр. Іона мментально вступилъ на кафедру, далъ сигналъ, и грянули „Царю небесный“ и „исполлаѣти деспота“. Пѣніе это ничуть не имѣло сходства съ пѣніемъ церковнымъ: это былъ крикъ нѣсколькихъ сотъ людей, напоминавшій собою что-то тоже театральное. По окончаніи этого вопля, архіерей Тихонъ, взошелъ на кафедру, прочелъ евангеліе отъ Матѡея (7, 12 - 20) и объяснилъ его по-своему. Объясненіе что-то не ладилось. Нужно было объяснять о тѣсномъ пути, вводящемъ въ царствіе Божіе. Между тѣмъ послѣдователи Никона съ его времени идуть не узкимъ путемъ, а широкимъ, размашистымъ, почему и приходилось объяснять прочитанное евангеліе вопреки и логикѣ и здравому смыслу,

*) Печатается съ гектографной рукописи. Описаніе этой бесѣды сдѣлано Ѳ. Е. Мельниковымъ вскорѣ послѣ того, какъ она была проведена.

а можетъ быть и вопреки совѣсти объяснявшаго, изображать себя идущими яко бы узкимъ путемъ. Послѣ сего опять затянули „Воскресеніе Христова видѣвше“ и „Воскресъ Іисусъ отъ гроба“.

Архіерей сошелъ съ кафедръ, и его мѣсто занялъ лекторъ о. Арсеньевъ. Чувствуя себя какъ бы не у мѣста, онъ робко началъ читать составленную, по всему вѣроятію, не имъ, а миссіонерами тетрадь „о единствѣ св. церкви“. Затѣмъ опять пѣніе, во время котораго о. Димитрій Смирновъ и Ѳ. Мельниковъ покинули свои мѣста, за которые уплатили уже вполнѣ по театральному 80 коп., и подошли къ кафедрѣ, на которую уже взобрался—безъ ошибки можно сказать—балаганный миссіонеръ о. Марковъ и заявили: „на основаніи читанной тетради, мы предлагаемъ старообрядцамъ вопросъ: состоятъ-ли они въ единеніи со святою Христовою церковію? Пусть намъ это докажутъ старообрядцы“.

Ѳ. Мельниковъ записалъ вопросъ Маркова и попросилъ его дать ему тетрадь, которая читана была о. лекторомъ Марковъ послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ и объясненій, что читанная тетрадь нейдетъ къ дѣлу, наконецъ подалъ тетрадь просителю.

Получивъ ее, Мельниковъ началъ говорить: Почтенныя слушатели! Намъ, старообрядцамъ, на настоящей бесѣдѣ поставленъ вопросъ: Состоимъ-ли мы въ единеніи со святою Христовою церковію? Но къ этому вопросу была прочтена „о единствѣ церкви Христовой“ цѣлая тетрадь, на которой основанъ и самый вопросъ. Поэтому надлежитъ намъ прежде всего высказать свой взглядъ на единство церковное. Въ тетрадѣ этой единство церковное выяснено только съ одной стороны, чтобы вѣрующіе находились съ епископомъ, съ трехчинною іерархіею и съ семью церковными таинствами. Но съ другой стороны,—чтобы бѣгать еретическихъ епископовъ, удаляться отъ нихъ, какъ отъ лжеучителей,—единство церковное въ этой тетрадѣ не выяснено. Почему оно не выяснено оо. миссіонерами—это мнѣ не извѣстно. Но думаю, потому, что его на ихъ сторонѣ нѣтъ. А что удаляющіеся отъ еретическихъ епископовъ не разсѣкаютъ единства церковнаго, но охраняютъ его, это видно изъ священнаго писанія и церковныхъ правилъ (15 прав. двукрат. соб.). Я приведу свидѣтельства только отъ тѣхъ святыхъ отецъ, на которыхъ ссылается и эта тетрадь. Въ ней имѣется ссылка на святого Игнатія Богоносца, что нужно пребывать съ епископомъ благочестивымъ. Но этотъ же святой отецъ въ томъ же самомъ мѣстѣ говоритъ такъ: „братіе не прельщайтесь! Аще кто отщепившемуся отъ истины послѣдуетъ, сей царствія Божія не наслѣдитъ. И аще кто не отступитъ отъ лжесловеснаго проповѣдателя, въ геенну

осужденъ будетъ“ (3 посл. къ филидел. лис. 19). Стало быть, если кто и отдѣлится отъ ложнаго проповѣдника, то таковой, какъ наследникъ царствія Божія, будетъ имѣть единеніе со Христомъ и Его святою церковію. Также пишетъ и святой Киприанъ карфагенскій, на котораго тоже здѣсь, въ этой тетрадь, сдѣлана ссылка. Онъ говоритъ: „да не обольщаетъ себя народъ мыслию, будто онъ можетъ быть свободнымъ отъ грѣховной заразы, имѣя общеніе съ священникомъ-грѣшникомъ, и своимъ согласіемъ способствуя неправедному и незаконному епископству своего предстоятеля... Народъ, повинующійся божественнымъ заповѣдямъ и боящійся Бога, долженъ отдѣлиться отъ грѣшника — предстоятеля и не участвовать въ жертвоприношеніи святотатственнаго священника, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ власть избирать священниковъ достойныхъ и низлагать недостойныхъ“ (твор. его, час. 1 стр. 315 — 316).

Марковъ. Позвольте мнѣ сдѣлать замѣчаніе на сказанное вами.

Мельниковъ. Мы еще не отвѣтили на вашъ вопросъ. Отвѣтимъ, тогда дѣлайте замѣчаніе, сколько вамъ будетъ угодно.

Марковъ. Я не имѣю столько памяти, чтобы помнить все то, что вы будете говорить.

Изъ публики замѣтили Маркову, чтобы онъ записывалъ то, что говорятъ его собесѣдники.

Мельниковъ же обратился къ епископу Тихону съ просьбою: „Ваше преосвященство! покорнѣйше прошу васъ поставить на каѳедру для собесѣдованія съ нами такого миссіонера, который помнилъ-бы сказанное нами. А этотъ не имѣетъ памяти и не можетъ помнить того, что мы говоримъ.“

Марковъ. Профессоръ казанской духовной академіи г. Ивановскій писалъ, что старообрядцы стараются заговорить зачитать и такимъ образомъ уклониться отъ вопроса и уйти съ бесѣды. Этимъ руководствуются и мои собесѣдники.

Мельниковъ. Такой приемъ — заговорить, зачитать практикуется не на нашей сторонѣ, а на вашей. Вы поете, да читаете болѣе часу, а я поговорилъ нѣсколько минутъ, и вы уже начинаете перерывать. Если вы не даете намъ говорить, то значитъ, вы сами уклоняетесь отъ своего собственного вопроса. Мы не уйдемъ съ бесѣды до самого свѣту, будемъ рѣшать вашъ вопросъ.

О. Димитрій. Давайте хотя цѣлую недѣлю бесѣдовать.

Марковъ, поддерживаемый криками своихъ единомышленниковъ, старался не допустить къ отвѣту ни о. Димитрія, ни Мельникова. Онъ началъ говорить: У старообрядцевъ нѣтъ единства церковнаго, такъ какъ они отдѣлились отъ нашей православной грегоросійской церкви.

Мельниковъ. А были-ли мы въ вашей никоновской церкви?

Марковъ. Не были.

Мельниковъ. Такъ какъ же мы могли отдѣлиться отъ той церкви, въ которой никогда не были? Это будетъ подобно тому, если бы кто меня сталъ обвинять, что я вышелъ изъ дому Маркова, а я въ немъ никогда и не былъ. Могъ-ли я выходить изъ того дому, въ которомъ не былъ? Не старообрядцы отдѣлились отъ вашей церкви, а Никонъ и его послѣдователи оторвались отъ древлерусской и древлегреческой церкви, къ которой мы принадлежимъ. Я прошу васъ, о. миссіонеръ не перебивать мнѣ: я еще не разобралъ вашей тетради „О единствѣ святой церкви“. Вы въ ней ссылаетесь на книгу о. Арсенія Швецова. Позвольте видѣть ее.

Марковъ. У насъ этой книги Швецова нѣтъ сейчасъ. Это его „исповѣданіе въ символную церковь“. Вы не отрицаете, что эта книга существуетъ?—обратился Марковъ къ о. Димитрію.

О. Димитрій. Да, эта книга существуетъ. Но у васъ въ тетрадѣ неправильно передано ученіе о. Арсенія о единствѣ Христовой церкви.

Марковъ. Такъ выясните, какъ-же онъ учить.

О. Димитрій. Онъ учить согласно писанію, что единство церковное есть путь къ вѣчной жизни. Но этотъ путь изображенъ намъ, вѣрующимъ въ евангельскихъ заповѣдяхъ, которыя приводятъ къ одному общему: любить Бога и ближняго своего. „Возлюбиши Господа Бога твоего,—говоритъ Христосъ,—отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоея и всею крѣпостію твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ: и ближняго своего, яко самъ себе“ (Лук. 10, 27). Кто сотворитъ эти заповѣди, тотъ живъ будетъ (Тамъ-же ст. 28). „Большая сею ина заповѣдь нѣсть“ (Марк. 12, 31). Въ этихъ заповѣдяхъ все содержится. „Въ сію обою заповѣдню весь законъ и пророцы висятъ“ (Мат. 22,—40). Слѣдовательно и единство церковное заключается въ любви къ Богу и ближнему. А „любовь Божія—говоритъ апостоль—сія есть, да заповѣди Его соблюдаемъ“ (1 Иоан. 5, 3). Разъ у насъ имѣется любовь и мы исполняемъ заповѣди Христовы, то чего же намъ не хватаетъ? По любви къ Богу мы имѣемъ и единеніе съ Нимъ и съ Его святою церковію. А по таинствамъ и трехчинной іерархіи нельзя познать единства, потому что эти вещи и еретики имѣютъ.

Мельниковъ. Слова о. Димитрія, что по таинствамъ и трехчинной іерархіи не познается единство, подтверждается книгою „О вѣрѣ“. Въ ней говорится такъ: „Нынѣ никаковымъ инымъ образомъ познати можемъ, какая бѣше истинная церковь, развѣ

точію отъ писанія. И сіе чесо дѣла? Понеже вся вещи, иже суть свойственнѣ, и истинно Христовы, и еретицы имуть въ раздравіи, подобныя имуть церкви, такожде святаго писанія, подобныя епископы, и иныя въ духовномъ чину клирики, подобное крещеніе, подобныя святости (безкровныя жертвы) и иныя вещи вся, паиначе же Самого Христа“ (кн. о вѣрѣ лис. 216 обор.). Изъ этого видно, что еретики имѣють и таинства и епископовъ, и Христа. Но кто же можетъ сказать, что они поэтому имѣють благодатное единеніе со святою церковію, и что они получаютъ спасеніе? Я думаю, съ этимъ не согласится и самъ о. Марковъ. Почему же познать единство церковное? Во-первыхъ, какъ выяснилъ уже о. Димитрій, по любви къ Богу и ближнему и по исполненію евангельскихъ заповѣдей, а затѣмъ „хотя же познати кто,—говорится въ этой же кн. „О вѣрѣ“—какая быше истинная Христова церковь? откуда познати ю имать въ таковѣмъ подобенствѣ мѣшани? Развѣ точію отъ писаній, къ сему же отъ обычаевъ и поступковъ“ (тамъ же лис. 216). Кто вѣруеть писанію, сохраняетъ апостольскія и церковныя преданія и не имѣеть еретическихъ мудрованій, тотъ находится въ Христовой церкви, тотъ имѣеть и единеніе съ нею. До лѣтъ Никона нашъ русскій народъ находился въ единой Христовой церкви. Не было тогда, какъ нынѣ, такихъ диспутовъ, споровъ и раздоровъ. Всѣ имѣли между собою евангельскую любовь и пребывали въ единеніи. Все было тихо, мирно и спокойно. Такъ было до 1652 года. Въ этомъ году умеръ патріархъ Іосифъ, и патріаршій престолъ занялъ новгородскій митрополитъ Никонъ. Во время его патріаршества въ русской церкви произошелъ расколъ. Главнымъ виновникомъ раскола былъ бывший патріархъ, а въ послѣдствіи—монахъ Никонъ. Онъ первый бросилъ ядро раскола въ русскую церковь и разорвалъ нешвенный хитонъ Христовъ (церковь) на двѣ части—на старообрядцевъ и новообрядцевъ. Значить вопросъ о единствѣ теперь сводится къ тому: на чьей сторонѣ осталось оно въ царствованіе Алексѣя Михайловича:—на сторонѣ нашихъ предковъ—старообрядцевъ, или на сторонѣ Никона и его послѣдователей? Если мы докажемъ, что единство церковное нарушено Никономъ и не осталось на его сторонѣ, такъ какъ онъ былъ неправомудрствующій, то, слѣдовательно, оно осталось на сторонѣ старообрядцевъ, отвергнувшихъ Никона, какъ еретика.

Послѣ этихъ словъ Мельникова оо. миссіонеры и ихъ единомышленники взбунтовались, подняли крикъ и шумъ. „Не давайте ему говорить!.. За молчи! замолчи!..“ раздавались со всѣхъ сто-

ронъ буйные крики разсвирѣпѣвшихъ чадъ господствующей церкви.

Марковъ. Вы уклоняетесь отъ вопроса. Вы доказывайте, составляютъ-ли старообрядцы символическую церковь?

Мельниковъ. Неправда. Какъ же мы уклоняемся отъ вопроса, когда мы хотимъ доказывать, что единство церковное во время Никона осталось у насъ, старообрядцевъ. Развѣ это уклоненіе? Мы не уклоняемся. Это вы уклоняетесь. Въ началѣ поставили вопросъ: „состоятъ ли старообрядцы въ единеніи со святою церковію?“ а теперь требуете отъ насъ другое, чтобы мы доказывали: „составляемъ ли мы символическую церковь?“ Мы и этотъ вопросъ запишемъ. Но только зачѣмъ же бѣжать отъ своего первого вопроса? Если вы не даете намъ отвѣчать на него, то значить вы своего вопроса боитесь. Зачѣмъ было и предлагать его.

Въ это время люди никоновскаго неблагочестія не переставали шумѣть. *Архіерей Тихонъ* взошелъ на кафедру. Всѣ успокоились, и онъ началъ говорить: Вы, господа собесѣдники, не пускайтесь во свои умствованія, вы должны сперва прямо отвѣтить на предложенный вопросъ, а не ходить кругомъ, да около него. Вы вотъ отвѣчайте, что такое единство церковное?

О. Димитрій. Этотъ вопросъ рѣшенъ въ вашей тетради.

Архіерей. Согласны-ли вы съ этимъ рѣшеніемъ?

О. Димитрій. Мы уже высказали, съ чѣмъ согласны и съ чѣмъ не согласны, и затѣмъ добавили съ своей стороны, что такое единство и въ чемъ оно состоитъ.

Мельниковъ. Намъ, преосвященнѣйшій владыко, совсѣмъ не этотъ вопросъ предложенъ: что такое единство? Марковъ въ началѣ потребовалъ отъ насъ доказать: „состоятъ ли старообрядцы въ единеніи со святою церковію?“ Мы прямо отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, что мы, старообрядцы, состоимъ въ единеніи съ Христовою церковію и хотимъ доказать, что дѣйствительно единство церковное въ царствованіе Алексѣя Михайловича осталось на сторонѣ нашихъ предковъ, а не на сторонѣ Никона.

Архіерей сошелъ съ кафедры. *Мельниковъ* началъ читать изъ „Исторіи“ Макарія слѣдующее: „когда возвратившіеся изъ Воскресенскаго монастыря власти и бояре представлялись государю, то онъ, взглянувъ съ улыбкою на Паисія, спросилъ: „ну что, видѣлъ Никона?“ „По истиннѣ, отвѣчалъ Паисій, лучше бы мнѣ было не видѣть такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать его циклопическихъ криковъ и громкой болтовни“. „Прежде чѣмъ пришлось мнѣ увидѣть пресловутаго Никона—говорить митрополиту Паисію Лигаридъ,—

точію отъ писанія. И сіе чесо дѣла? Понеже вся вещи, иже суть свойственнѣ, и истинно Христовы, и еретицы имуть въ раздраніи, подобныя имуть церкви, такожде святаго писанія, подобныя епископы, и инны въ духовномъ чину клирики, подобное крещеніе, подобныя святости (безкровныя жертвы) и ины вещи вся, наипаче же Самого Христа“ (кн. о вѣрѣ лис. 216 обор.). Изъ этого видно, что еретики имѣютъ и таинства и епископовъ, и Христа. Но кто же можетъ сказать, что они поэтому имѣютъ благодатное единеніе со святою церковію, и что они получаютъ спасеніе? Я думаю, съ этимъ не согласится и самъ о. Марковъ. Почему же познать единство церковное? Во-первыхъ, какъ выяснилъ уже о. Димитрій, по любви къ Богу и ближнему и по исполненіи евангельскихъ заповѣдей, а затѣмъ „хотя же познати кто,—говорится въ этой же кн. „О вѣрѣ“—какая быше истинная Христова церковь? откуда познати ю имате въ таковѣмъ подобенствѣ мѣшаніи? Развѣ точію отъ писаній, къ сему же отъ обычаевъ и поступковъ“ (тамъ же лис. 216). Кто вѣруеть писанію, сохраняетъ апостольскія и церковныя преданія и не имѣетъ еретическихъ мудрованій, тотъ находится въ Христовой церкви, тотъ имѣетъ и единеніе съ нею. До лѣтъ Никона нашъ русскій народъ находился въ единой Христовой церкви. Не было тогда, какъ нынѣ, такихъ диспутовъ, споровъ и раздоровъ. Всѣ имѣли между собою евангельскую любовь и пребывали въ единеніи. Все было тихо, мирно и спокойно. Такъ было до 1652 года. Въ этомъ году умеръ патріархъ Іосифъ, и патріаршій престолъ занялъ новгородскій митрополитъ Никонъ. Во время его патріаршества въ русской церкви произошелъ расколъ. Главнымъ виновникомъ раскола былъ бывшій патріархъ, а въ послѣдствіи—монахъ Никонъ. Онъ первый бросилъ ядро раскола въ русскую церковь и разорвалъ нешвенный хитонъ Христовъ (церковь) на двѣ части—на старообрядцевъ и новообрядцевъ. Значить вопросъ о единствѣ теперь сводится къ тому: на чьей сторонѣ осталось оно въ царствованіе Алексѣя Михайловича:—на сторонѣ нашихъ предковъ—старообрядцевъ, или на сторонѣ Никона и его послѣдователей? Если мы докажемъ, что единство церковное нарушено Никономъ и не осталось на его сторонѣ, такъ какъ онъ былъ неправомудствующій, то, слѣдовательно, оно осталось на сторонѣ старообрядцевъ, отвергнувшихъ Никона, какъ еретика.

Послѣ этихъ словъ Мельникова оо. миссіонеры и ихъ единомышленники взбунтовались, подняли крикъ и шумъ. „Не давайте ему говорить!.. Замолчи! замолчи!..“ раздавались со всѣхъ сто-

ронъ буйные крики разсвирѣпѣвшихъ чадъ господствующей церкви.

Марковъ. Вы уклоняетесь отъ вопроса. Вы доказывайте, составляютъ-ли старообрядцы символическую церковь?

Мельниковъ. Неправда. Какъ же мы уклоняемся отъ вопроса, когда мы хотимъ доказывать, что единство церковное во время Никона осталось у насъ, старообрядцевъ. Развѣ это уклоненіе? Мы не уклоняемся. Это вы уклоняетесь. Въ началѣ поставили вопросъ: „состоятъ ли старообрядцы въ единеніи со святою церковію?“ а теперь требуете отъ насъ другое, чтобы мы доказывали: „составляемъ ли мы символическую церковь?“ Мы и этотъ вопросъ запишемъ. Но только зачѣмъ же бѣжать отъ своего первого вопроса? Если вы не даете намъ отвѣчать на него, то значить вы своего вопроса боитесь. Зачѣмъ было и предлагать его.

Въ это время люди никоновскаго неблагочестія не переставали шумѣть. *Архіерей Тихонъ* взошелъ на кафедру. Всѣ успокоились, и онъ началъ говорить: Вы, господа собесѣдники, не пускайтесь во свои умствованія, вы должны сперва прямо отвѣтить на предложенный вопросъ, а не ходить кругомъ, да около него. Вы вотъ отвѣчайте, что такое единство церковное?

О. Димитрій. Этотъ вопросъ рѣшенъ въ вашей тетради.

Архіерей. Согласны-ли вы съ этимъ рѣшеніемъ?

О. Димитрій. Мы уже высказали, съ чѣмъ согласны и съ чѣмъ не согласны, и затѣмъ добавили съ своей стороны, что такое единство и въ чемъ оно состоитъ.

Мельниковъ. Намъ, преосвященнѣйшій владыко, совсѣмъ не этотъ вопросъ предложенъ: что такое единство? Марковъ въ началѣ потребовалъ отъ насъ доказать: „состоятъ ли старообрядцы въ единеніи со святою церковію?“ Мы прямо отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, что мы, старообрядцы, состоимъ въ единеніи съ Христовою церковію и хотимъ доказать, что дѣйствительно единство церковное въ царствованіе Алексѣя Михайловича осталось на сторонѣ нашихъ предковъ, а не на сторонѣ Никона.

Архіерей сошелъ съ кафедры. *Мельниковъ* началъ читать изъ „Исторіи“ Макарія слѣдующее: „когда возвратившіеся изъ Воскресенскаго монастыря власти и бояре представлялись государю, то онъ, взглянувъ съ улыбкою на Паисія, спросилъ: „ну что, видѣлъ Никона?“ „По истиннѣ, отвѣчалъ Паисій, лучше бы мнѣ было не видѣть такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать его циклопическихъ криковъ и громкой болтовни“. „Прежде чѣмъ пришлось мнѣ увидѣть пресловутаго Никона—говорить митрополитъ Паисій Лигаридъ,—

я чрезвычайно любопытствовалъ насладиться своими глазами его образомъ, и искалъ увидѣть его, хотя въ обманчивомъ портретѣ... И когда увидѣлъ портретъ его, написанный однимъ отличнымъ нѣмецкимъ художникомъ, Иоанномъ, моимъ пріятелемъ, то онѣмѣлъ, подумавъ, что вижу исполина или циклопа, и почелъ счастливыми слѣдующихъ за то, что они не могутъ видѣть такого звѣрообразнаго челоука. Если бы кто внезапно увидѣлъ Никона, ему почудилось бы, что видитъ дикаго волка“ (ист. руск. церкви Макара. москов., т. 12 стран. 461). Здѣсь митрополитъ грекороссійскій церкви признаетъ Никона дикимъ волкомъ. Можетъ ли единство церковное быть на сторонѣ волковъ? Самъ преосвященный Тихонъ читалъ сегодня изъ евангелія: „Внемлите же отъ живыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы: отъ плодъ ихъ познаете ихъ... не можетъ древо зло плоды добры творити“ (Матѣ. 7, 15—18). Если не можетъ злое древо производить добрыхъ плодовъ, то слѣдовательно, и не можетъ быть единства церковнаго на сторонѣ Никона—дикаго волка. Далѣе Паисій о Никонѣ пишетъ: „Посмотри, ради грацій, на голову Никона, какая она огромная и толстокожая! Кстати было бы надписать: какая голова, а мозгу въ ней нѣтъ!“.. (тамъ же въ истор. Макара. стр. 461 въ примѣчаніи).

Мельниковъ не дали дочитать. Красота Никона разозлила какъ оо. мисіонеровъ, такъ и всѣхъ ихъ единомышленниковъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались дерзости и ругательства на старообрядческихъ собесѣдниковъ.—„Замолчи, замолчи! Вывесть ихъ, забрать! Бери, бери, бери!“—кричали разсвирѣпѣвшіе никоніане.

Ужасно было находиться въ это время въ залѣ собесѣдованія. Бушевало нѣсколько сотъ челоуковъ. Крикъ и шумъ былъ невообразимый! Старообрядческіе собесѣдники стояли неподвижно. Имъ представлялась картина древняго евангельскаго событія, когда христуобійцы—жиды кричали: „возми Его! распни, распни Его!“ Самъ г. Шумовъ, хозяинъ квартиры, подбѣжалъ къ о. Димитрію и говоритъ: „Вась сейчасъ заберутъ административнымъ порядкомъ“. Въ это время въ дверяхъ показалась и полицейская власть.

Архіерей взошелъ на каедрю. Народъ немного пріутихъ. О. Димитрій обратился къ народу съ слѣдующими словами: Господа! насъ приглашаютъ на собесѣдованія, но тутъ же угрожаютъ намъ полицією. Какъ же мы можемъ при такихъ обстоятельствахъ отвѣчать на вопросы оо. мисіонеровъ? Согласно-ли это ученію Христа Спасителя, Который говоритъ: „Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Матѣ. 11, 29). Проповѣдали-ли апостолы съ полицією?

Архіерей. Не безпокойтесь, полиція вамъ ничего не сдѣлаетъ.

Подходить къ кафедрѣ архимандритъ *Павелъ Прусскій* и говоритъ: Старообрядцы читаютъ, что Никонъ былъ весьма некрасивъ. Значитъ они отдѣлились изъ-за портрета. При этомъ Павелъ Прусскій, по своему обычаю, разсмѣялся.

Мельниковъ. Какое сожалѣніе о Павлу. Онъ смѣется, а публика молчитъ, не помогаетъ ему хохотать.

О. Димитрій. Вы, о. Павелъ, скомандуйте, чтобы шишикали.

Павелъ прусскій что-то буркнулъ, отошелъ отъ кафедры и сѣлъ на стулъ. Архіерей тоже сошелъ съ кафедры.

Пользуясь тишиною и молчаніемъ народа, *Мельниковъ* продолжалъ прерванную рѣчь: отъ насъ потребовали рѣшить вопросъ: стоимъ ли мы, старообрядцы, въ единеніи со святою Христовою церковію? Но потомъ къ этому вопросу оо. миссіонеры прибавили еще нѣсколько вопросовъ: что такое единство? составляемъ-ли мы символическую церковь? изъ за чего отдѣляются старообрядцы? и проч. Всѣ эти вопросы предлагались съ тою цѣлю, чтобы затемнить предложенный намъ въ началѣ вопросъ. Но мы не отстанемъ отъ перваго вопроса и будемъ рѣшать его. Архим. Павелъ говоритъ, что старообрядцы изъ-за портрета отдѣлились. Неправда. Я вовсе не объ отдѣленіи читалъ. Я читалъ, что сами архипастыри господствующей церкви признаютъ Никона дикимъ волкомъ и что на сторонѣ этого волка нѣтъ единства церковнаго. Но если оо. миссіонерамъ не нравится личность Никона и пугаетъ ихъ своей „красотой“, то я прочту уже о томъ, что Никонъ есть еретикъ. Въ этой же исторіи Макарія на стр. 397 говорится: „такъ какъ Никонъ вмѣнилъ ни во что соборъ, бывшій на него въ Москвѣ, и назвалъ іудейскимъ сонмищемъ, то за такое неуваженіе къ собору долженъ быть проклятъ, какъ еретикъ“.

Марковъ. Это вы читаете сказки.

Мельниковъ. Я читаю изъ исторіи вашего московскаго митрополита Макарія. Такъ если ваши митрополиты, по словамъ вашимъ, говорятъ и пишутъ сказки, то что же послѣ этого мы услышимъ отъ васъ—поповъ? Вы говорите уже басни.

Марковъ. Зачѣмъ вы обращаетесь лицомъ къ народу? Вы со мною бесѣдуете, ко мнѣ и обращайтесь.

Мельниковъ. Мы бесѣдуемъ не для васъ, а для народа. Поэтому и обращаемся къ нему.

О. Димитрій. Да и сами вы, о. миссіонеръ, обращаетесь не къ намъ, а къ публикѣ.

П. Прусскій. Вы, гг. собесѣдники, сдѣлайте такъ: прочтите одно свидѣтельство, и сейчасъ его разобрать. Вотъ и хорошо будетъ.

О. Димитрій. Кто же будетъ контролеромъ надъ исполненіемъ вашего плана?

П. Прусскій молчитъ.

Кто будетъ контролеромъ?—повторилъ о. Димитрій.

Прусскій разсердился и, топнувъ ногою, плюнувъ въ сторону сидѣвшаго архимандрита Іоны, попалъ ему, кажется, въ бороду и отошелъ отъ каедры.

Марковъ начинаетъ читать изъ „Катихисиса“, прочелъ въ трехъ мѣстахъ и самъ не знаетъ къ чему—почему познати еретики и о необходимости церковныхъ таинствъ.

Мельниковъ. О. Павелъ! Куда же вы спрятались съ своимъ предложеніемъ? Вотъ о. Марковъ сразу читаетъ три свидѣтельства, и вы молчите. А намъ перебиваете, не даете рѣшить и одного вопроса.

Марковъ. Я читаю изъ одной книги.

Мельниковъ. И я читаю изъ одной: изъ исторіи Макарія, и вы мнѣ не даете докончить.

Марковъ. Я скажу только два слова. Въ старообрядческомъ обществѣ нѣтъ необходимыхъ признаковъ „единства церкви Христовой“: у нихъ нѣтъ единства ни въ ученіи, ни въ устройствѣ церковномъ. Со времени ихъ отдѣленія отъ церкви одна половина, безпоповцы, рѣшилась остаться вовсе безъ священства и устроить свое спасеніе собственными силами; другая—бѣглоповцы, сперва принимала бѣгствующихъ священниковъ, а потомъ приняла отъ греческой церкви и митрополита. Далѣе они раздѣлились на окружниковъ и неокружниковъ. Гдѣ же тутъ единство?

Мельниковъ. Почтенные слушатели! мы рѣшаемъ вопросъ: на чьей сторонѣ осталось единство церковное въ царствованіе Алексѣя Михайловича—на сторонѣ Никона и его послѣдователей, или на сторонѣ нашихъ предковъ—старообрядцевъ? Я уже вычиталъ изъ исторіи Макарія, что Никонъ есть еретикъ и долженъ быть проклятъ. Слѣдовательно, единенія со Христовою церковію у него нѣтъ. Это я читалъ слова Паисія лигариды, газскаго митрополита. Теперь прочту, какъ признавали Никона восточные патріархи. Скажутъ-ли они, что единство церковное осталось на сторонѣ Никона и его послѣдователей? На соборѣ 1667 г. „патріархи Паисій и Макарій сказали: въ царственныхъ книгахъ написано: кто обличится во лжи однажды и трижды, тому впрѣдъ

вѣрить ни въ чемъ не должно. А бывшій патріархъ Никонъ обличился во многихъ лжахъ, и ему не подобаетъ ни въ чемъ вѣрить⁴. „Иногда и сатана, по нуждѣ, говоритъ истину, а Никонъ истинны не исповѣдуетъ“ (истор. Мак. т. 12, стр. 726 и 736). Этимъ же патріархамъ царь Алексѣй Михайловичъ предложилъ слѣдующее: „Никонъ монахъ егда бѣ на патріаршескомъ престолѣ заповѣдалъ вслухъ всѣмъ, научая сие: отнюдъ да не попустится отнынѣ впредь священникомъ не токмо причащати разбойниковъ и татей пречистыхъ таинъ, но ниже исповѣдывати ихъ и въ послѣдній часъ казни ихъ, прилагая сие, яко кто мимо сей заповѣди что сотворить, и той противляющійся будетъ отвѣтъ давати Богу въ день страшнаго суда. Сія Никонъ и послѣдующи ему повелѣваху явственнѣ написанное же и писано. Восточные патріархи съ соборомъ по этому вопросу сдѣлали такое рѣшеніе: къ симъ же и мы глаголемъ, яко сія вся суть еретическая, и пребеззаконная, и виѣ церкви Христовы, елико убо во исповѣди является Никонъ и послѣдующи ему наватіане, и евстаіане, иже не приимаху кающихся отнюдъ, мудрствующе и глаголюще противно богоповѣдникомъ апостоломъ и богоноснымъ отцемъ... Въ сей статьѣ обрѣтаемъ зѣло виновна Никона и послѣдующихъ ему“ (дѣян. соб. 1666—67 гг., изд. братств. св. Петра, лис. 36 и об.). Изъ этого опредѣленія собора 1667 г. видно, что Никонъ проповѣдывалъ наватіанскую и евстаіанскую ересь и что онъ въ этомъ зѣло виновенъ. Послѣдователей же его отцы сего собора величаютъ наватіанами и евстаіанами. Но кто же послѣдователи Никона? Мы, старообрядцы, за нимъ не слѣдуемъ и просимъ Бога, чтобы никогда не быть его послѣдователями. А оо. миссіонеры и ихъ архипастыри съ своими пасомыми слѣдуютъ за нимъ, считаютъ его великимъ святителемъ. Значить они-то и есть наватіане и евстаіане. Но кто же это наватіане и евстаіане? Это еретики, проклятые вселенскою церковію. Первый вселенскій соборъ предалъ ихъ анаемѣ. Можетъ ли быть единство церковное на сторонѣ подобныхъ людей? Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же тутъ единство: Никонъ предастъ суду Божию тѣхъ, кто не слушаетъ его заповѣданія о разбойникахъ, и соборъ, судившій его, называетъ іудейскимъ сомнищемъ. Отцы же собора 1667 г. признаютъ въ свою очередь Никона виновнымъ и еретическую. Здѣсь единства церковнаго нѣтъ. Мало этого. Синодъ въ 1720 году издалъ „Чинъ како примати отъ раскольниковъ“, и въ этомъ Чинѣ сдѣлалъ такое постановленіе: „Проклинаю всѣхъ тѣхъ, которые святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и не православнымъ, да

будутъ прокляты и анаема⁴. А вы уже видѣли, слушатели, что Никона называетъ еретикомъ и неправославнымъ соборъ 1667 г. Слѣдовательно, онъ и подпалъ подь клятву и анаему русскаго синода. На сторонѣ же проклятыхъ единства церковнаго быть не можетъ. Въ господствующей церкви его тоже нѣтъ, потому что тамъ одинъ одного обозвали еретиками, другъ друга попредали проклятiю и анаемѣ. Такъ гдѣ же оно? Не пропало же оно въ царствованiе Алексѣя Михайловича и не уничтожилось. Оно осталось у нашихъ предковъ—старообрядцевъ, за которыми нѣтъ ни ересей, ни лжеученiй, и теперь находится у насъ. А что въ старообрядчествѣ появились нѣкоторыя раздѣленiя, то иза это насъ нельзя обвинять, потому что раздѣленiя предсказаны Христомъ и Его апостолами. Если взглянемъ на всю вселенскую церковь, на прошедшiя ея времена, то увидимъ, что въ ней появлялось безчисленное множество расколовъ и раздѣленiй. Еще съ первыхъ ея временъ успѣли отдѣлиться отъ нея николаиты, павликиане, фотиане, евтомiане, ариане, македонiане, наватiане, несториане и прочiе еретики и раскольники. Если обвиняють старообрядчество за появившiяся въ средѣ его раздѣленiя, то пусть обвиняють прежде всю вселенскую церковь за то же самое. Да если посмотрѣть на господствующую церковь, то и въ ней увидимъ массу сектантовъ и еретиковъ. У ней существуютъ и единовѣрцы, и штундисты, и пашковцы, и львовцы, и толстовцы, и баптисты и прочiе сектанты. При томъ у насъ, старообрядцевъ, если появится какой лжеучитель, то его извергаютъ, какъ гнилой удъ, по заповѣди Христа Спасителя: „аще око твое, или рука, или нога соблажняютъ, отсѣчь ю и оверзи отъ себе“ (Матѣ. 18, 8—9). У господствующей же церкви не такъ. У ней штундисты, пашковцы—это еретики, сектанты—гнилые уды, и они принадлежатъ къ церкви, числятся православными; ихъ соборне не предавали отлученiю и клятвѣ, и отдѣлиться отъ господствующей церкви имъ не дозволяютъ. А Павелъ апостоль пишетъ: „аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди“ (1 коринѣ. 12, 26). Пашковцы, штундисты у ней страждутъ—гниють: съ ними вмѣстѣ страдаетъ и гниетъ и вся господствующая церковь. Ясно, что единство церковное пребываетъ у насъ, старообрядцевъ, а не у господствующей церкви.

Противъ сказаннаго Марковъ ровно ничего сказать не могъ. На другихъ миссионеровъ тоже нельзя было надѣяться. Поэтому онъ рѣшился на постыдное бѣгство; но предварительно, чтобы какъ нибудь прикрыть свою несостоятельность, счелъ нужнымъ еще разъ повторить то, что уже было опровергнуто.

Бесѣда у насъ затянулась,—сказалъ онъ,—поэтому я буду кратокъ. Г. Мельниковъ читалъ, что Никонъ былъ сужденъ. Вѣрно. Но судилъ его нашъ соборъ, наши пастыри. Самъ же Мельниковъ говорилъ, что нужно низвергать гнилые уды. Вотъ Никона и низвергли, какъ гнилой удъ. Стало-быть это не доказательство. Наконецъ, пусть отдѣляются отъ насъ штундисты, пашковцы, толстовцы. Вѣдь дѣло не въ ихъ отдѣленіи. Вотъ у старообрядцевъ какая перемѣна: прежде были бѣглопоповцы, принимали нашихъ поповъ, бѣжавшихъ отъ нашей церкви, а потомъ эти бѣглопоповцы сдѣлались бѣлокриницкими. У этихъ уже имѣется и трехчинная іерархія и семь таинствъ, и они уже не принимаютъ бѣглыхъ поповъ.

Не услѣлъ Марковъ убѣждать съ каеодры, какъ на нее вскочилъ архим. Іона, по знаку котораго всѣ миссіонеры поспѣшили за пѣть „Достойно есть“. Когда перестали пѣть, Мельниковъ обратился къ архіерею Тихону съ просьбою, дозволить ему, Мельникову, сейчасъ опровергнуть пустословіе Маркова.

Архіерей отвѣтилъ: Нельзя, нельзя. Бесѣда кончилась: „Достойно“ пропѣли.

Мельниковъ. Бесѣда кончается не „Достойною“, а рѣшеніемъ вопроса. Можно пропѣть и въ другой разъ „Достойно“.

Архіерей. Нельзя.

Мельниковъ. Въ такомъ случаѣ позвольте вашимъ миссіонерамъ открыть бесѣды въ понедѣльникъ и вторникъ.

Архіерей. У насъ бесѣды ведутся только по воскреснымъ днямъ.

Мельниковъ. Если вы не хотите настоящую бесѣду болѣе продолжать, и не соглашаетесь открыть бесѣды въ понедѣльникъ или во вторникъ, то мы можемъ напомнить вамъ слова Господа: „наемникъ бѣжитъ, яко наемникъ есть, иже нѣсть пастырь“ (Іоанн. 10, 13).

Архіерей промолчалъ, чѣмъ далъ знать, что онъ съ этимъ согласенъ.

Закончилось это около 10 часовъ вечера.

БЕСѢДА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

11-го Декабря 1905 года въ Печерскомъ монастырѣ въ Н.-Новгородѣ съ 5-ти часовъ вечера была назначена бесѣда съ старообрядцами на тему: „справедливо ли поповцы утверждаютъ, будто первонасадители старообрядчества отступили не отъ Христовой церкви, а отъ ересей патріарха Никона?“

Со стороны правительственной церкви выступилъ миссіонеръ Николай Павловичъ Башляевъ. Со стороны старообрядцевъ Вѣлориницкой іерархіи—Иванъ Васильевичъ Шурашовъ.

Собесѣдники условились говорить по 20 минутъ.

Г. Башляевъ въ первой рѣчи настаивалъ на томъ, что церковь и таинства пребудутъ до втораго прісшествія Христова и что безъ оныхъ спасенія души и царствія небеснаго получить нельзя.

Согласившись съ сказаннымъ миссіонеромъ, что церковь и таинства вѣчны и безъ нихъ спастись не возможно, *г. Шурашовъ* замѣтилъ, что миссіонеръ уклонился отъ предмета бесѣды: отъ церкви или отъ ересей Никона отдѣлились предки старообрядцевъ? Приступая къ этому вопросу,—говорилъ Шурашовъ,—я отвѣчу, что предки наши отдѣлились отъ ересей Никона и совершенно справедливо. Вотъ доказательства на это. Въ „Православномъ Обзорѣнн“ за 1888 годъ (т. I, стр. 62) читаемъ слѣдующее: „Борьба между Никономъ и кружкомъ ревнителей началась немедленно по вступленіи на патріаршій престолъ Никона. Первое открытое и рѣшительное столкновение между ними произошло по поводу слѣдующаго распоряженія Никона, которое онъ разослалъ по всѣмъ московскимъ церквамъ, предъ наступленіемъ великаго поста 1653 года: „по преданію св. апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя бы персты есте крестились“. Это единоличное неожиданное распоряженіе новаго патріарха, покушавшееся измѣнить старый привычный церковный чинъ и обрядъ, должно было крайне смутить совѣсть всѣхъ благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ преданности наличнымъ церковнымъ

чинамъ и обрядамъ, не допуская и мысли, чтобы въ нихъ нужны и возможны были какія либо измѣненія и передѣлки. Тѣмъ болѣе должны были многіе смутиться по поводу распоряженія Никона, что у русскихъ существовало прямое и вполне опредѣленное относительно перстосложенія постановленіе Стоглаваго собора: „иже кто не знаменаетъ двѣма персты якоже и Христось, да естъ проклятъ“. Въ виду этого постановленія Стоглаваго собора первое реформаторское дѣйствіе Никона необходимо ставило русскаго благочестиваго человѣка въ очень затруднительное положеніе: подчиниться распоряженію своего новаго архипастыря,— значило пренебречь яснымъ и опредѣленнымъ соборнымъ постановленіемъ, значило подвергнуть себя страшной соборной клятвѣ“ (Правосл. обзор. за 1888 г. т. I, стр. 62). Итакъ, кому же повиноваться: святому собору или Никону? Само собою разумѣется, что собору, на которомъ былъ предсѣдателемъ „блаженный и достовѣрный“ (Мин. Чет., Синодальной типогр. изд. 1897 г. Москва, ноябрь мѣсяцъ, стр. 289 и 299). Макарій митрополитъ московскій, „съ знаменитымъ россійскимъ духовенствомъ“ (полн. истор. извѣстіе о древн. стриг. и новыхъ раск., такъ назыв. старообр. А. Журавлева, час. I стр. 33 изд. 1890 г.). Итакъ, на Стоглавомъ соборѣ присутствовали лица, заслуживающія довѣрія даже отъ враговъ старообрядчества.

Патріархъ Никонъ въ своей „Памяти“ распорядился еще не класть въ церкви земныхъ поклоновъ. А въ гл. четвертой „Устава соборныя и апостольскія церкви“ читаемъ: „Проклято бо естъ, и съ еретики отвержено таковое злочестіе, еже не творити поклоновъ до земли въ молитвахъ нашихъ къ Богу во уреченныя дни“ (Предисл. учебн. псалт. л. 22).

Ясно, какъ Божій день, добрые слушатели, что патріархъ Никонъ ввелъ еретическое ученіе. А „ересь отдѣляетъ отъ церкви всякаго человѣка“ (т. VII Дѣян. Всел. Соб. стр. 48). Такимъ образомъ Никонъ сбился съ прямого пути. Архіепископъ господствующей церкви Амвросій харьковскій говоритъ: „Предки наши по простотѣ своей этого не замѣтили, но намъ-то, теперь-то и грѣшно и стыдно не понять этой грубой несправедливости, по отношенію къ нашей церкви. Вотъ гдѣ первый пунктъ, съ котораго мы пошли кривымъ путемъ. Остановимся на немъ“. Для многихъ изъ нашихъ мыслящихъ людей вопросъ объ отношеніи церкви нашей къ государству рѣшается, какъ было и при Петрѣ Великомъ, однимъ несчастнымъ примѣромъ патріарха Никона... Какъ мы до этого дошли? Тѣмъ же путемъ, какъ пошли сначала,

т. е. рабскимъ послѣдованіемъ за протестантами“. Далѣе этотъ же архипастырь говоритъ: „Поищемъ и мы того пункта, гдѣ сбились съ дороги, или постараемся отыскать причины, сбившія насъ съ прямого пути, по которому тысячу лѣтъ шель нашъ великій православный народъ. Глубоко лежатъ эти причины, и потому именно мы въ свое время и не досмотрѣли ихъ гибельнаго вліянія на наше образованіе. Ихъ надобно искать въ исторіи нашихъ реформъ за два послѣднія столѣтія“ (О причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества, изд. 1891 г. С.-Петербург.). Итакъ послѣдователи Никона сбились съ истиннаго пути; слѣдуя за вожаками-протестантами, забрели въ такую тупую, что никогда имъ изъ нея не выбраться, если не послѣдуютъ древнимъ преданіямъ Христовой церкви.

Епископъ Исидоръ Колоколовъ, только что прибывшій на бесѣду, перебивая Шурашова, громко сказалъ: понимаютъ-ли собесѣдники, что читаютъ? Это къ дѣлу не относится, и публику обманывать не слѣдуетъ. Амвросій харьковскій писалъ о дѣлахъ политическихъ.

Шурашовъ, обратясь къ еп. Исидору, сказалъ: Ваше Преосвященство! Развѣ ваши архіепископы и епископы политиканы? Въ такомъ случаѣ и вы политиканъ.

Епископъ Исидоръ изрекъ: я хозяинъ здѣсь, а ты молчи!

Шурашовъ отвѣтилъ, что молчать не будетъ, такъ какъ теперь дана свобода. Я вамъ не подчиненный,—сказалъ онъ,—и потому буду говорить. А вы, владыко, помолчите, потому что я бесѣдую не съ вами, а съ Николаемъ Павловичемъ.

Но епископъ Исидоръ не унимался

— Владыка! Крикнулъ одинъ изъ слушателей: Вы давно потеряли довѣріе въ глазахъ всего народа. Вы отобрали нашъ старообрядческій монастырь на Кавказѣ, и при помощи казаковъ захватили его въ свои руки. Отдайте его намъ обратно!..

Еп. Исидоръ сказалъ: просите, можетъ и отдадутъ.

— Мало того,—продолжалъ тотъ же слушатель,—вы въ томъ же монастырѣ вырыли изъ земли тѣла умершихъ старообрядцевъ, почивавшихъ въ ней десятки лѣтъ и, обливъ керосиномъ, сожгли (гражданинъ № 48 16-го іюня 1896 г.).

— Гробокопатель!—послышались голоса изъ толпы.

Въ послѣдующихъ рѣчахъ г. Башлаевъ силился доказать, что патр. Никонъ своимъ распоряженіемъ отмѣнилъ не всѣ земные поклоны, а только двѣнадцать при молитвѣ св. Ефрема Сирина. Въ подтвержденіе этого прочиталъ изъ ист. Рус. цер. Макарія митр. московскаго т. XII стр. 118 и 119: „Никонъ, въ чемъ мы

убѣдимся въ послѣдствіи,—указывалъ вовсе не то, чтобы православные не клали вообще земныхъ поклоновъ въ церкви, а то лишь, чтобы въ св. четыредесятницу, при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, не клали православные однихъ земныхъ многочисленныхъ (числомъ до 17-ти) поклоновъ, какъ дѣлалось у насъ тогда, но клали поклоны поясные, кромѣ только четырехъ земныхъ“ (стр. 118—119). Также старался Башляевъ по своему истолковать 4-ю главу изъ устава собор. и апост. церкви (Пред. къ учеб. псал. л. 22), говоря, что кто отмѣнить безусловно всѣ поклоны, только тотъ подпадаетъ подъ клятву и есть еретикъ. Но Никонъ четыре поклона при молитвѣ св. Ефрема Сирина не отмѣнилъ, и поэтому приведенное мѣсто (изъ 4-й гл. уст. соб. и апост. цер., предис. къ учеб. псал. л. 22), къ нему не подходитъ.

Шурашовъ изъ той-же исторіи прочиталъ (стр. 118 и 119), что Никонъ въ „Памяти“ писалъ слѣдующее: „по преданію св. апостоль и св. отецъ, не подобаеъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны“. Ясно сказано, что не подобаеъ метанія творити на колѣну, т. е. земныхъ поклоновъ не класть всѣхъ безусловно. Что же касается приведенныхъ Николаемъ Павловичемъ словъ митр. моск. Макарія, (исторія его стр. 118, 119 т. XII), что Никонъ отмѣнилъ якобы только двѣнадцать земныхъ поклоновъ при молитвѣ св. Ефрема Сирина, то это совершенная неправда. Патр. Никонъ въ разо-ланной „Памяти“, повелѣвая отмѣнить поклоны, говоритъ: „по преданію св. апостоль, не подобаеъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны“. А митр. Макарій говоритъ, что поклоны отмѣнялись не всѣ, а только при молитвѣ св. Ефрема Сирина. Желательно знать, какъ это могло случиться, что поклоны при молитвѣ св. Ефрема Сирина преданы отъ св. апостоль, когда этотъ св. отецъ скончался 28-го января 379 года отъ Рождества Христова, т. е. спустя почти четыре столѣтія послѣ св. апостоль. Да и самъ патр. Никонъ сознавалъ, что протестъ противъ „Памяти“ былъ справедливъ (Правосл. обзор. 1888 года т. I стр. 77).

Башляевъ послѣ этого сталъ уже настаивать, что раздѣленіе въ церкви произошло изъ-за личной вражды, прочиталъ изъ исторіи Рус. цер. митр. моск. Макарія (томъ XII стр. 136): „Никонъ патр. оправдываетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него, ожидаетъ отъ него (Неронова) и друзей его истиннаго покаянія и готовъ простить ихъ. Но неукротимый Нероновъ съ укорами отвѣчалъ (отъ 27 февраля 1654 г.) Вонифатьеву: зачѣмъ ты оскор-

билъ меня?... Я не могу принять твоего совѣта; мы ни въ чемъ не согрѣшили предъ отцемъ твоимъ Никономъ патриархомъ... твой же отецъ Никонъ патриархъ напрасно оправдывается: онъ смиряетъ насъ неправильно, не по писанію, но страсть свою исполняетъ и мучитъ насъ за правду... Онъ ждетъ, чтобы мы попросили у него прощенія: пусть и самъ онъ попроситъ у насъ прощенія и покается предъ Богомъ, что оскорбилъ меня туне... и проч.“

Шурашовъ: Посмотримъ, справедливо-ли вы говорите. Прочтемъ изъ той же исторіи митр. Макарія: „онъ (Никонъ) смиряетъ насъ неправильно, не по писанію, но страсть свою исполняетъ, и мучитъ насъ за правду“. Что Никонъ и его послѣдователи мучили старообрядцевъ за правду, за правую вѣру, этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ книгѣ „Расколъ и сектанство въ русской народной жизни“, читаемъ слѣдующее: „При самомъ появленіи раскола власть захотѣла покончить съ нимъ крутыми, суровыми мѣрами. И вотъ, кровь полилась рѣкой. Всѣ первые вожаки и предводители раскола умерли на плахѣ, сгорѣли въ срубахъ, изчахли въ заточеніяхъ. Безпощадныя пытки, безчисленныя, мучительныя казни слѣдуютъ длиннымъ, непрерывнымъ рядомъ. Раскольниковъ ссылали, заточали въ тюрьмы, казематы и монастыри, „пытали и жгли огнемъ накрѣпко“, сбѣли плетями „нешадно“, рвали ноздри, вырѣзывали языки, рубили головы на плахахъ, клещами ломали ребра, кидали въ деревянные клѣтки и, заваливъ тамъ соломою, сожигали, голыхъ обливали холодною водою и замораживали, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, выматывали жилы... словомъ, все, что только могло избрѣсти человеческое звѣрство для устрашенія, паники и террора,— все было пушено въ ходъ. Населеніе, исповѣдывавшее „старую правую вѣру, пришло въ ужасъ“.

Развѣ Христосъ такъ заповѣдывалъ, развѣ такъ учили св. апостолы и св. отцы? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Св. апостоль Павелъ во второмъ посланіи къ Коринфянамъ гл. 3 ст. 17 говоритъ: „Идеже духъ Господень, ту свобода“. Но какъ показано, тогда была не свобода, а какъ будто возвратились времена Диоклитіана и Нерона. А если не было свободы, то не было и духа Господня съ Никономъ и его новшествами и со всѣми его послѣдователями. Если же съ ними не было духа Господня, то самъ собою является вопросъ: какой-же съ ними былъ духъ и отъ кого они научились гнать? Послушаемъ, что скажетъ св. Афанасій Великій: „Таковы заповѣди Спасителя, таковы дѣянія святыхъ! Пусть эти, доселѣ

ни отъ кого еще не слышавшіе себѣ достойнаго имени, скажутъ: у кого научились они быть говителями? Не могутъ сказать, что научились у святыхъ, и остается признаться развѣ, что научились у діавола, который говоритъ: гнать постигну (псх. гл. 15 ст. 9). Убѣгати повелѣлъ и Господь, и святые бѣгали; а гнать есть діавольское предпріятіе и діаволь просить, чтобы дозволено ему было гнать всѣхъ. Пусть скажутъ еще: съ чѣмъ должно согласовать себя, съ Господними ли словами или съ ихъ баснословіемъ? Чѣмъ дѣяніямъ должно подражать: дѣяніемъ ли святыхъ, или тому, что они умыслятъ? Но, можетъ быть, и этого разсудить они не въ состояніи, потому что ослѣплены умомъ и совѣстію, какъ сказалъ Исаія, горькое почитаютъ сладкимъ и свѣтъ тьмою (прор. Исаія гл. 5 ст. 20)“ (твор. св. Афанасія Великаго час. 2 стр. 94 и 95).

И такъ, добрые слушатели, гнать научаются у діавола. Если у такой особы научаются, то и пропитываются его духомъ. Упаси и сохрани Господи каждаго человѣка, сотвореннаго по образу и по подобію Божию, слѣдовать за такими пастырями, которые вмѣщаютъ въ себѣ такой духъ, содеража притомъ ереси въ родѣ триперстія, за которое святыми отцами положена клятва.

Башляевъ просилъ показать гдѣ троеперстіе названо ересью и гдѣ оно проклято?

Шурашовъ сказалъ: вы развѣ не знаете? Извольте, къ вашимъ услугамъ. Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, издающемся при московской духовной академіи, читаемъ слѣдующее: „Такимъ образомъ, въ пользу двоеперстія у насъ явилось цѣлыхъ четыре свидѣтельства и во главѣ ихъ грозное проклятіе на крестящихся не двоеперстно, а въ пользу троеперстія, по передѣлкѣ слова Феодоритова, не было ни одного свидѣтельства. Естественно, что при устахъ болѣе чѣмъ трехъ свидѣтелей въ пользу двоеперстія и при совершенномъ отсутствіи свидѣтелей въ пользу троеперстія, споръ между двумя перстосложеніями былъ рѣшенъ у насъ въ пользу перваго (т. е. двоеперстія). По старымъ взглядамъ нашимъ на обычаи церковные, о чемъ нарочито говорили мы выше, рѣшеніе спора о двухъ перстосложеніяхъ имѣло для предковъ нашихъ тотъ смыслъ, что двоеперстіе есть перстосложеніе единственно истинное и единственно православное, а что троеперстіе есть еретическая новизна. Какъ латыне крестились и крестятся, это мы указали выше. Что касается до благословенія, то оно совершалось и совершается у нихъ посредствомъ троеперстія“ (апр. 1892 г., стр. 48—49). Вотъ гдѣ триперстіе названо еретическою новизною и

латинскою ересью. А вы, Николай Павловичъ, до сихъ поръ и не знали, гдѣ находится такая аттестація вашему триперстію. А вотъ извольте и вторую подобную аттестацію. Въ „Исторіи Христіанской православной церкви“, составленной протоіереемъ вашей церкви Александромъ Рудаковымъ (изд. XIX стр. 152) читаемъ. „Въ опредѣленіи того-же столпаго собора внесено о знаменіи себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами, а на троеперстіи наложено проклятіе“ (изд. 19, стр. 152). Теперь спорить не о чемъ: троеперстіи имѣть въ свою пользу проклятіе и названіе ересью. А „при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей да станеть всякъ глаголь“ (Мате. зач. 75). Но миссіонеры и послѣ этого не перестаютъ спорить, возставая противъ очевидной истины. Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ сущности представляютъ изъ себя миссіонеры? Послушаемъ, что скажутъ восточные патріархи. „Мы признали долгомъ для церковнаго благоустроенія возвысить голосъ церкви... и торжественно возвѣстить, — говорятъ они, — каковы эти волки (миссіонеры) во одеждахъ овчихъ, хитрые и коварные, которые появились, какъ денницы мрака, въ предѣлахъ горъ ливанскихъ и, подобно черной, тяжелой, нависшей и непроницаемой тучѣ, сдавливающей воздухъ, покрыли тьмою всѣ области Сиріи, Египта и Палестины, изрыгая хулу на евангельскую истину и лукаво уча тому, что противорѣчить православной вѣрѣ“ (лѣтоп. церк. соб. и гражд., поясн. церк., епископа Арсенія, лѣто отъ Р. Хр. 1837-е). Итакъ, восточные патр. миссіонеровъ сравниваютъ съ денницею мрака, т. е. съ сатанюю; но отъ этого послѣдняго ничего быть не можетъ, кромѣ зла, и участь его — вѣчная мука.

Послѣ этого вступилъ въ разговоръ миссіонеръ **В. Д. Кругловъ**, который относительно гоненій высказался такъ: Да, это дѣйствительно несправедливо, за это похвалить нельзя, что гнали старообрядцевъ. Но что же подѣлаешь? Теперь это прошло.

Шурашовъ. Правда, что избіенія и гоненія пока миновали. Но г. Кругловъ долженъ имѣть въ виду то, что кровь, пролитая отцами и дѣдами, взыщется отъ рукъ потомковъ ихъ, по реченному. „Горе вамъ, что строите гробницы пророкамъ, которыхъ избіили отцы ваши: симъ вы свидѣствуете о дѣлахъ отцовъ вашихъ и соглашаетесь съ ними, ибо они избіили пророковъ, а вы строите имъ гробницы. Потому и премудрость Божія сказала: пошлю къ нимъ пророковъ и апостоловъ, и изъ нихъ однихъ убьютъ, а другихъ изгонять; да взыщется отъ рода сего кровь всѣхъ пророковъ пролитая отъ созданія, отъ крови Авеля до крови Захаріи, уби-

таго между жертвеникомъ и храмомъ. Ей, говорю вамъ, взыщется отъ рода сего“ (Луки гл. 11, ст. 47—51). Это слова божественнаго учителя и Господа нашего Иисуса Христа, которыя ясно научаютъ, что если вы не сознаете гнуснаго звѣрства отцевъ своихъ и не покаетесь въ нихъ, то кровь невинная взыщется отъ васъ, послѣдователей Никона.

Бесѣда кончилась. При выходѣ съ бесѣды хулиганы открыто говорили, что старообрядческихъ защитниковъ нужно побить. Ожидавшій ихъ извозчикъ попросилъ какъ можно поскорѣе укладывать книги и уѣзжать, чтобы не избил... И не удивительно. Мѣстность около Печерскаго монастыря глухая и опасная.

Присутствовавшій на бесѣдѣ.

**БЕСѢДА І. К. ПЕРЕТРУХИНА СЪ НѢТОВЦЕМЪ
А. А. КОНОВАЛОВЫМЪ (слѣпцомъ) О КРЕЩЕНІИ
ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И МИТРОПОЛИТА АМВРОСІЯ.**

Въ селѣ Березовѣ Николаевскаго у. Самарской губ. происходили бесѣды въ мартѣ 1905 г. Бесѣды эти были вызваны тѣмъ, что безпоповцы названнаго села, убѣждаясь изъ священнаго и святоотеческаго писанія, что безъ истиннаго священства и таинствъ спастись не возможно, стали постепенно принимать старообрядческое священство, какъ единственно истинное и спасительное. Этому не мало способствовалъ мѣстный старообрядческій священникъ о. Памфилъ. Будучи самъ изъ безпоповцевъ, и потому зная всѣ ихъ слабыя стороны, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ имъ о ихъ заблужденіи. Безпоповщина въ Березовѣ таяла съ каждымъ днемъ. Старообрядчество начинало спланиваться соединяться во единое цѣлое подъ сѣнію старообрядческаго священства, которое называется иногда австрійскимъ, или бѣлокриницкимъ. Разумѣется, это было не по душѣ миссіонерамъ правительственной церкви. Чтобы помѣшать соединенію старообрядчества — отвратить безпоповцевъ отъ ненавистнаго имъ старообрядческаго священства, которое они называютъ „австрійщиной“, они рѣшили вызвать въ с. Березово слѣпца Коновалова, наставника безпоповщины, стяжавшаго себѣ печальную извѣстность кощунника и ругателя

старообрядческаго священства, чтобы онъ помогъ имъ получше высмѣять и выругать сіе хриstopреданное священство и тѣмъ посѣять вражду между старообрядцами и на вѣки закрѣпить здѣсь безпоповщину, которая для миссіонеровъ не опасна. Зная, что Коноваловъ не любитъ даромъ „трудиться“, миссіонеры собрали солидную сумму съ мѣстнаго сельскаго причта и вручили ему впередъ, лишь бы онъ, „батюшка Андрей Афанасьевичъ“, не отказался отъ бесѣды съ „австріяками“. Получивши авансомъ за „трудъ“, г. Коноваловъ не замедлилъ прибыть къ обозначенному въ приглашеніи числу съ своимъ поводыремъ—помощникомъ.

По прїѣздѣ Коновалова съ 6 марта открылись бесѣды. Одну изъ нихъ, какъ наиболѣе интересную не для однихъ только жителей с. Березова, мы рѣшили предать печати. Предметъ этой бесѣды: „о крещеніи греческой церкви и м. Амвросія“. Бесѣда происходила въ мѣстномъ обширномъ храмѣ, въ присутствіи съѣхавшихся со всей епархіи миссіонеровъ и со всего округа духовенства. Слушателей было не менѣе полторы тысячи. Обширный храмъ едва могъ вмѣстить присутствующихъ. Бесѣда открылась часовъ въ 7 вечера послѣ пѣнія молитвы „Царю Небесный“.

Первымъ, по уговору, началъ говорить Коноваловъ: Добрые слушатели! Прошу вниманія! Сегодня у насъ назначена по условію бесѣда объ обливаніи въ греческой церкви, въ которой былъ обливанъ м. Амвросій—родоначальникъ нынѣшней заразы—австрійскаго священства. Что греки еретики обливанцы и что Амросій обливанъ, я сейчасъ докажу. Арсеній Сухановъ, посланый царемъ батюшкой, Алексѣемъ Михайловичемъ въ Грецію, чтобы описать, какова вѣра у грековъ, въ своей книгѣ говоритъ, что греки при крещеніи обливаютъ. А было это дѣло въ 1650 году. Вотъ съ какого времени Греція начала крестить обливаніемъ. Вотъ что говоритъ старецъ Сухановъ объ этомъ.

Помощникъ читаетъ: „Арсеній говорилъ: какъ вы то говорите, что будто вы вѣру держите, которая отъ Сіона изыде? Писано въ 50 мѣ правилѣ святыхъ апостолъ—велѣно крестить въ купели въ три погруженія, и вселенскіе соборы такожъ велѣли, а святіи апостоли то правило въ Сіонѣ сирѣчь во Іерусалимѣ, и у насъ то апостольское правило твердо хранить, а вы въ купели въ три погруженія не креститесь, но обливааетесь и то знатно, что вы не тое вѣру держите, которая отъ Сіона изыде... (ниже). Такожъ у насъ Богу угодившихъ много, что и у васъ было, а се вы вѣру приняли отъ апостолъ, а мы такожъ отъ апостола Андрея, а хотя бѣ

и отъ грекъ, но отъ тѣхъ которые непорочно сохранили правила святыхъ апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ правилъ святыхъ апостолъ: въ крещеніи обливаются вси и покропляются, а не погружаются въ купели, и книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ, но отъ нѣмецъ пріимають⁴ (проскинитар. и слѣдов. Н. Ивановскаго стр. 333 и 340).

Коноваловъ: Теперь, по крайней мѣрѣ, мы видимъ, слушатели, что греки обливали еще во времена благочестія на Руси, когда жилъ Іосифъ патріархъ. Вонъ еще когда они были еретиками обливанцами. Но они съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени не оставили своего паскуднаго обливанія. Свидѣтель этому ученый профессор г. Голубинскій. Прочитаемъ объ этомъ въ его книгѣ: „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“.

Помощникъ читаетъ: „Указывали еще дониконовскіе русскіе, а за ними указываютъ старообрядцы, будто греки заимствовали отъ латинянъ обливаніе въ таинствѣ крещенія. Но это есть недоразумѣніе; греки не заимствовали отъ латинянъ обливанія, а при крещеніи младенцевъ употребляютъ такое погруженіе, которое можетъ быть смѣшиваемо съ латинскимъ обливаніемъ и принимаемо за послѣдніе. Греки всегда твердо учили, какъ и до сихъ поръ учатъ, что крещеніе должно быть совершаемо черезъ погруженіе. Но черезъ настоящее или полное погруженіе они крестили и крестятъ только взрослыхъ. Что же касается до младенцевъ, то въ виду опасности утопленія, или, какъ выражаются наши славянскіе служебники, залитія, они большею частію крестили, какъ и до сихъ поръ крестятъ ихъ, чрезъ погруженіе не полное, или не совсѣмъ настоящее: младенецъ поставляется въ купели, погруженный въ воду по шею, а на голову его священникъ трижды возливаетъ воду горстью правой руки“... (къ нашей полемикѣ со старообрядцами стр. 25).

Коноваловъ. Слышали, что говорить ученый человѣкъ. Онъ говорить, что и теперешніе греки обливають, но только не такъ, какъ латинцики, а поставляютъ въ купель младенца и льютъ ему на магушку воды. Такимъ вотъ крещеніемъ и окрестили Амвросія. Значитъ онъ обливанецъ. Обливанецъ съ крещеной магушкой пришелъ въ Австрію. Тамъ его въ Бѣлой Криницѣ приняли вторымъ чиномъ чрезъ миропомазаніе—это обливанца-то, нехристя. Онъ имъ наставилъ архіереевъ и поповъ. А какіе могутъ быть попы отъ обливанца, посмотримъ. Прочитаемъ-ко 50 пр. св. апостолъ,—что оно говорить.

Помощникъ читаетъ. „Аще который епископъ или презвитерь не крещаетъ въ три погруженія единѣмъ глашеніемъ, но въ едино погруженіе, въ смерть Господню даемо, да извержется таковин. Не рече бо Господь въ смерть Мою крестите, но шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа (кормчая слав. пер.).“

Новаловъ. Такъ вотъ какъ повелѣваетъ правило св. апостолъ поступить съ тѣмъ, кто не крещенъ въ три погруженія—извергнуть таковаго. Изверженный наставилъ поповъ вамъ, да архіереевъ. Амвросія тоже поставилъ изверженный патріархъ. Ну какое священство? Мужиковъ вамъ простыхъ надблалъ Амвросій, да еще проклятыхъ. Вотъ что „Большой Потребникъ“ говорить объ обливаніи.

Помощникъ читаетъ: „проклиная скверное крещеніе ихъ обливаемое, а не погружаемое по Господню образу, иже во Иорданѣ, и святыми апостолами намъ преданное въ три погруженія во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Больш. Потреб. л. 603 об).

Новаловъ: Вотъ, по крайней мѣрѣ, видно, что Амвросій проклятый. Но мало того, что онъ проклятый—онъ хуже татарина. Вотъ отъ кого получено священство-то австрійцами. Ну какъ-же онъ, Амвросій, хуже татарина. Татаринъ имѣетъ одну скверну—не крещенъ; а Амвросій двѣ скверны—одну, что онъ не крещенъ, а другую—обливательное крещеніе. И священство ихъ поэтому хуже татарскаго. Вотъ какаѣ эта зараза „австрійщина“. Бѣжать надо отъ нея. И такъ, я ясно показалъ, что греки обливанцы и М. Амвросій обливанецъ. Этимъ и кончаю свою рѣчь.

Теперь потрудись, Перетрухинъ молодой, оправдать, что Амвросій не обливанъ.

Перетрухинъ: Христіане!—мы собрались сюда на настоящую бесѣду для того, чтобы обсудить совмѣстно вопросъ: какое совершаетъ крещеніе греческая церковь и какъ крещенъ митр. Амвросій—православнымъ крещеніемъ или еретическимъ. Вопросъ этотъ очень важный для насъ, старообрядцевъ, и для васъ, безпоповцевъ. Важенъ для насъ, старообрядцевъ, потому, что мы приняли отъ греческой церкви м. Амвросія, потому, что твердо увѣрены, что церковь греческая совершаетъ крещеніе въ три погруженія и что блаженной памяти митр. Амвросій дѣйствительно крещенъ православнымъ апостольскимъ крещеніемъ—трехпогружательно. Посему и священниковъ, получившихъ хиротонію чрезъ м. Амвросія, признаемъ вполне православными, законными и спа-

сительными. Для васъ, братіе безпоповцы, вопросъ этотъ также важенъ, ибо вы думаете, что церковь греческая обливаешь при крещеніи, и м. Амвросія признаете поэтому обливанцемъ, а посему и отвергаете нашихъ священниковъ, какъ неистинныхъ. Итакъ важность вопроса очевидна. Чтобы обсудить этотъ вопросъ совмѣстно и показать, на чьей сторонѣ истина,—мы и назначили сію бесѣду съ защитникомъ вашего упованія, А. А. Коноваловымъ. Сейчасъ мы выслушали рѣчь г. Коновалова, въ которой онъ постарался привести данныя, на основаніи которыхъ и обвинялъ греческую церковь и митр. Амвросія въ обливаніи, говоря, что разъ митр. Амвросій обливанъ, то онъ хуже татарина, и священство наше также хуже татарскаго, какъ получившее начало и власть чрезъ м. Амвросія. Но вѣрны ли тѣ данныя, на которыхъ обосновалъ свой взглядъ г. Коноваловъ, что церковь греческая обливаешь. Справедливъ ли этотъ взглядъ и истинны ли свидѣтельства, по которымъ вычитывалъ судъ нашъ собесѣдникъ изъ 50 пр. св. апостолъ и Большаго Потребника? Справедливо ли все это?—мы сейчасъ увидимъ. Первое и кажется самое главное свидѣтельство, представленное г. Коноваловымъ, что греки обливаютъ, это—сказанія старца Арсенія Суханова о греческомъ крещеніи. Но сказаніямъ Арсенія довѣряться не слѣдуетъ, какъ сказаніямъ живымъ и недостоувѣрымъ: ибо въ то время, когда Арсеній писалъ, что будто бы греки обливаютъ, сама греческая церковь положительно и опредѣленно утверждаетъ, что крестить она въ три погруженія. Беремъ книгу „Скрижалъ“, утвержденную греческими патриархами соборно въ 1667 г. (соборное дѣян. 25 пр., гл. 2), въ которой читаемъ: „Крещеніе глаголется (по гречески): апо ту вапто то итаісма, сирѣчь погружаю прегрѣшенія. Ибо якоже нѣкто, аще гнусное тѣло нося, погрузитъ е въ воду, скверну убо весьма отлагаеть тѣла, тѣло же очищаетъ отъ нечистоты: тако и крестивыйся въ святой и православной христіанской вѣрѣ, отлагаеть убо аки нѣкую скверну душевную и тѣлесное прегрѣшеніе, сирѣчь праотчій грѣхъ, погруженіемъ воды и очищенъ бывъ и убѣленъ, ризою боготканною одѣвается, благодатію, глаголю, божественною и живнію“ (ниже): „Елма убо предвожденія живота нашего смерть есть подземная... тако всякъ, соединенный оному по тѣлесному естеству, въ тоежде исправленіе зря, иже по животу, глаголю, конецъ вмѣсто земли водою погружаемъ, и вшедь въ (сію) стихію трети обходы тридневную воскресенія благодать подража“ (скриж. л. 51 и 70—71 третьяго счета). Сверхъ этого, греческіе патриархи во всеуслы-

шаніе заявили устами собора 1666 г., бывшаго въ Москвѣ: „дожь есть и неправда (что греки обливаютъ), развѣ аще случится по нуждѣ, по ней же и закона бываетъ измѣненіе“ (дѣян. его 6. л. 22 об.). Соборъ 1667 г. это утвержденіе принялъ, засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ, что въ греческой церкви обливательнаго крещенія не допускается, исключая только крайней нужды. Но ради такой нужды и въ Россіи дозволялось крестить обливательно до Никона патріарха, какъ на примѣръ въ „Службникѣ“ патр. Іова. Кому же вѣрить, почтенное собраніе, самой церкви греческой, которая рѣшительно заявляетъ, что крестить въ три погруженія, или разсказу Арсенія Суханова, который въ то время въ Греціи еще и не бывалъ, а лишь на основаніи вымышленныхъ слуховъ писалъ, что греки обливаютъ. Но вѣдь свидѣтели отъ слуха да не свидѣтельствуютъ (Кормчая л. 375 об.). Арсеній не провѣривъ слуха о крещеніи въ Греціи, взялъ да и помѣстилъ въ своихъ преніяхъ. Таково первое свидѣтельство, приведенное г. Коноваловымъ. Но не лучше и второе послѣднее доказательство,—это мнѣніе г. Голубинскаго о крещеніи грековъ. Мнѣніе свое г. Голубинскій основываетъ на письмѣ патріарха Григорія Маммы, который будто бы писалъ Марку Евесскому, что греки крестятъ чрезъ неполное погруженіе. Но когда, спрашивается, было это?—Въ 1440 годахъ; т. е. болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до стоглаваго собора и болѣе чѣмъ за двѣсти до патріарха Никона. Между тѣмъ мы видимъ, что въ продолженіе этого времени греческіе патріархи неоднократно совершали рукоположеніе въ русской православной церкви. Такъ 1589 г. греческій патріархъ Іеремія константинопольскій рукоположилъ перваго для русской церкви Іова въ званіе патріарха. Въ 1618 году Теофанъ патріархъ іерусалимскій рукоположилъ въ патріархи Филарета московскаго, отца Михаила Теодоровича, перваго царя на Руси изъ дома Романовыхъ. (Лѣтоп. церк. событ. епис. Арсен.). Коновалову, обвиняющему, на основаніи мнѣнія Голубинскаго, митр. Амвросія въ обливаніи, должно признать, что и патріархи Іовъ и Филаретъ, какъ рукоположенные обливанцами,—суть самозванцы, прокляты, еретики, имѣющіе двѣ скверны и хуже татаръ. Но кто и изъ безпоповцевъ рѣшится, кромѣ Коновалова, на такое нечестіе и злохуленіе.

А что въ то время греческая церковь содержала православное трехпогружательное крещеніе, объ этомъ находимъ ясное свидѣтельство у того-же Голубинскаго. Какъ и у всякаго лживаго свидѣтеля, у него находятся противорѣчія самому себѣ. Онъ гсво-

рить: „въ книгѣ Христофора Ангела, напечатанной въ первый разъ въ Кембригѣ въ 1619 году, говорится, что греки крестятъ младенцевъ чрезъ полное погруженіе именно: „береть священникъ (греческ.) младенца въ свои руки держитъ его обѣими руками за плечи и погружаетъ въ воду всего младенца съ головой, говоря: крещается рабъ Божій такой-то во имя Отца, и воззываетъ (возводитъ) младенца потомъ опять,—глава 24* (къ нашей полемикѣ со старообрядцами стр. 27 въ прим.). И такъ, братіе, приведенныя г. Коноваловымъ доказательства относятся только къ древней Греціи, что она обливаетъ. Но какъ мы видѣли, они оказались неистинными, подозрительными, не заслуживающими никакого довѣрія.

Утвержденіе же Коновалова, что нынѣшніе греки обливаютъ, ни на чѣмъ не основано и есть чистѣйшая ложь. Если г. Голубинскій и сказалъ, что современные греки крестятъ чрезъ неполное погруженіе, но мы видѣли, что этотъ писатель обосновывалъ свой взглядъ на письмахъ древнихъ грековъ, а не современныхъ. Что современная греческая церковь послѣ Никона патріарха строго соблюдала и соблюдаетъ трехъпогружательную форму крещенія, на это у насъ имѣется масса свидѣтельствъ. Но за краткостью времени*) приведу хотя два доказательства въ этой рѣчи. Въ 1756 году въ г. Константинополь собрался соборъ греческихъ іерарховъ. На этомъ соборѣ было постановлено перекрещивать латинянъ и строго заповѣдано крестить въ три погруженія. Сіе соборное опредѣленіе гласитъ: „Изъ многихъ средствъ, чрезъ которыя мы удостоиваемся спасенія, первое есть богопреданное святымъ апостоламъ крещеніе... Слѣдуя Господу нашему Іесусу Христу, повелѣвшему ученикамъ своимъ крестить во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, и святымъ апостоламъ (слѣдуя), заповѣдавшимъ крестить приходящихъ въ три погруженія и при каждомъ погруженіи произносить одно изъ именъ Пресвятыя Троицы: слѣдуя святому и равноапостольному Діонисію, который говоритъ, что крестить надлежитъ приходящаго по совлеченіи всякой одежды въ купели, имѣющей освященную воду и елей, призывая три Ипостаси Блаженнаго Божества и немедленно помазывать крещеннаго богодѣйственнымъ миромъ и затѣмъ приобщать его священносовершительной евхаристіи,—слѣдуя второму и пятошестому святымъ вселенскимъ соборамъ, повелѣвшимъ всѣхъ крещенныхъ не въ три погруженія и безъ призыванія имени одной изъ Божественной Ипостасей при каждомъ погруженіи, но крещенныхъ какъ нибудь

*) Говорили по минутамъ. (Дом.)

иначе, когда приходятъ они къ православію признавать некрещенными“. „И симъ общимъ нашимъ признаніемъ и приговоромъ, утверждаемъ сіе наше опредѣленіе, согласное съ постановленіями апостольскими и соборными, скрѣпляя его нашими подписями въ лѣто спасенія 1756-е. Подписались подъ симъ опредѣленіемъ: Кириллъ (патріархъ) Константинопольскій Матѳей (патріархъ) Александрійскій и Пареней (патріархъ) Іерусалимскій“ (смотр. о правилахъ и чинопослѣдованіяхъ присоединенія неправославныхъ христіанъ въ православную церковь, изд. Вятка стр. 102—9).

Вотъ какое ясное свидѣтельство о крещеніи греческой церкви. Она учитъ, что кромѣ трехпогружательной формы крещенія ни какая другая форма у ней не допускается, и если кто крещенъ „какъ нибудь иначе“, а не въ три погруженія, такового вновь крестить, какъ еретика 1-го чина. Замѣчу между прочимъ Коновалову, что такое соборн. опредѣленіе всего за нѣсколько лѣтъ было до рожденія м. Амвросія и несомнѣнно объ этомъ опредѣленіи зналъ его отецъ, который какъ священникъ, да при томъ городской (митр. истор. Бѣлокр. іер., субб. стр. 365 пер. изд.), обязанъ знать такія важныя опредѣленія собора. А изъ этого слѣдуетъ, что если бы даже въ Греціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и обливали, какъ напримѣръ у насъ въ Россіи, въ Господ. церкви, то и тогда немыслимо предполагать, что М. Амвросій обливанъ, ибо отецъ, когда крестить свое дитя, то дѣлаетъ это не небрежно, не кое какъ, а исполняетъ всѣ требованія святоцерковныхъ правилъ со тщаніемъ. Извѣстно, что св. правила предоставляютъ священникамъ право крестить своихъ родныхъ дѣтей. Пользуясь этимъ, несомнѣнно М. Амвросія крестилъ самъ его, отецъ, священникъ. Но греческая церковь вся крестить въ три погруженія: объ этомъ свидѣлствуютъ греческіе потребники, по которымъ греческое духовенство руководствуется при крещеніи. Въ этихъ потребникахъ излагается православная форма крещенія. Что дѣйствительно это такъ, беремъ греческій потребникъ и на стр. 142 (изданномъ въ Венеціи 1851 г.) читаемъ слѣдующее (русскій переводъ): „и когда помажетъ все тѣло, погружаетъ его іерей прямо его держа, зряща на востокъ, говоря: погружается (крещается) рабъ Божій (имя рекъ) во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святого Духа, аминь (смотр. о крещеніи греческой церкви и М. Амвросія изслѣдов. преосвящен. Иннокентія стр. 6). Но что дѣйствительно греческіе потребники всѣ и во всѣ времена учатъ крестить именно такъ, какъ мною прочитано, это подтвер-

ждаеть другой изслѣдователь о крещеніи въ греческой церкви. Въ книгѣ „Исторія чинопослѣдованій крещенія и муропомазанія“ написано: „Начиная съ VIII вѣка и до настоящаго времени въ восточной церкви, всегда существовала практика троекратнаго погруженія (въ водѣ при крещеніи). Относительно греческой церкви въ данномъ случаѣ мы имѣемъ ясныя свидѣтельства въ древнихъ и позднѣйшихъ чинопослѣдованіяхъ этой церкви; подѣ нашими руками находятя греческіе крещальныя чины съ VII—XI вѣка и съ XIII—XIX (включительно); нечего и говорить, что во всѣхъ нихъ, какъ истинная форма крещенія, всегда трактуется троекратное погруженіе въ водѣ (крещаемаго) (смот. Исторія чинопослѣдов. крещенія и муропомазанія, Алмазова казанск. изд. 1884 г. стр. 300).

Вотъ какія ясныя доказательства представлены мною, что въ Греціи совершаютъ православное крещеніе. Но какъ не стыдно г. Коновалову, который прекрасно знаетъ все это и однако старается, ни на чемъ не обосновавъ свои слова, утверждать, что греки обливаютъ. Стыдно и грѣшно предъ Богомъ. Приводилъ Коноваловъ еще 50 пр. св. апостоль и Большой Потребникъ, изъ которыхъ вычитывалъ судъ митр. Амвросію. Въ этихъ мѣстахъ отвергается обливательное крещеніе и предается проклятію, какъ еретическое. Согласно этому такъ-же учитъ и повелѣваетъ наша церковь. Но для чего Коноваловъ вычитывалъ ихъ—не вѣдаю. Не выслушавши защиты обвиняемой стороны, вычитывать осужденіе обвиняемому по меньшей мѣрѣ нелѣпо. Мы ясно видѣли, что Коноваловъ не привелъ тѣхъ истинныхъ и правдивыхъ данныхъ, по которымъ можно бы было судить м. Амвросія судомъ 50 пр. св. апостоль и 603 изъ Большаго Требника. Скорѣе эти мѣста подходятъ къ самому Коновалову, ибо онъ крещенъ въ господств. на Руси церкви. А извѣстно что господствующая русская церковь признаетъ обливательное крещеніе равносильнымъ трехпогружательному и ругаетъ сумазбродами, аеенистами прямыми безбожниками, кто не пріемлетъ обливательное крещеніе за православное (см. оправданіе поливател. крещенія издани. прав. синодомъ въ 1724 г. ст. 5, 24, 58). (Скорѣе и вѣрнѣе всего Коноваловъ хуже татарина, какъ имѣющій двѣ скверны, но ни въ какомъ случаѣ нельзя даже подумать это о м. Амвросіи. Итакъ, время мое кончается. Разобравши всѣ доказательства, приведенныя г. Коноваловымъ и показавши ихъ лживость и несостоятельность, я прошу моего почтеннаго собесѣдника показать хотя одного истиннаго свидѣтеля, который бы говорилъ, что греки обливаютъ и что м. Амвросій обливанъ?

Коноваловъ. Выслушали мы рѣчь Перетрухина. Пледъ-пледь онъ тутъ — бѣда. Я, по крайней мѣрѣ, ясно показаль, что ихъ шатающійся Амвросій обливанъ. Я вѣдь прочиталь слова-то ни кого нибудь, а царскаго посланника — старца Суханова, а онъ прямо говорить, что греки обливанцы. А Перетрухинъ ему не вѣрить. Знамо, будешь не вѣрить, когда нечѣмъ оправдать своего митрополита Амвросія. Прочтемъ еще разъ это мѣсто.

Помощникъ читаетъ то же, что читаль и въ первой рѣчи изъ „пренія съ греками о вѣрѣ“ Арсенія Суханова.

Коноваловъ. Не ясно ли тутъ, что греки обливанцы; пожалуй ни не вѣрь. Ну если не вѣришь Суханову, повѣрь самимъ грекамъ, которые ясно сами о себѣ говорятъ, что они обливають.

Помощникъ читаетъ изъ книги „Арсеній Сухановъ“, Сергѣя Бѣлокурова II части: „Иосафъ (греческій священникъ) говорилъ: (Арсенію): да что насъ грековъ не крестятъ? А мы обливаемся же, а не погружаемся въ купели, мы тагъ изначала приняли“ (стр. 83).

Коноваловъ. Вотъ, по крайней мѣрѣ, сами ужъ теперь греки свидѣтельствуютъ, что они обливають. Вотъ какъ я ясно показываю, что греки обливають. Что Перетрухинъ мнѣ привелъ книгу „Скрижали“? Тамъ помѣщены слова Гавриила Филадельфійскаго, который жилъ въ 1577 году — за 75 лѣтъ до изданія „Скрижали“. Ну, гдѣ дѣлу ли онъ привелъ? Мы и безъ него знаемъ, что тогда греки не обливали. Патріарховъ привелъ. Мало ли что они наврутъ. Вотъ въ „Исторіи Русской Церкви“ въ XII т. м. Макарія прямо сказано, что греки младенцевъ обливають.

Помощникъ читаетъ: „Старца Серапіона симоновскаго уставщика предварительно призываль къ себѣ, 15-го мая, митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ и допрашиваль: когда находился въ симоновскомъ монастырѣ подъ началомъ иконійскій митрополитъ Афанасій (выдавшій себя за племянника цареградскаго патріарха), спрашиваль ли ты его, какъ у грековъ крестятъ младенцевъ... Серапіонъ сказалъ, спрашиваль, и Афанасій мнѣ отвѣчалъ, что у нихъ крестятъ чрезъ обливаніе“... (Истор. Русск. Цер. М. Макар. т. XII стр. 659).

Коноваловъ: Вотъ самъ митрополитъ греческій говорилъ, что крестятъ греки чрезъ обливаніе, когда его спрашиваль старецъ Серапіонъ объ этомъ. Приводилъ я еще Голубинскаго о нынѣшнихъ грекахъ, что они и до нынѣ не оставили обливанія. Но и

ему Перетрухинъ не вѣрить! Арсенію Суханову не вѣрить, Голубинскому не вѣрить; да что за такой за собесѣдникъ—невѣрующій. У Голубинскаго ясно сказано, что греки современные обливають. Читай!

Помощникъ читаетъ то-же самое мѣсто, что имъ прочитано было въ первой рѣчи Коновалова. (Къ нашей политикѣ со старо-обрядцами, 26 стр. въ примѣч.)

Коноваловъ. По моему и бесѣдовать больше нечего. Ясно, какъ Божій день, что греки еретики обливанцы. Толковалъ онъ тутъ все про Григорія Мамму. Голубинскій вовсе не на Мамму ссылается,—а на Номоканонъ греческій одесск. изд. Тамъ въ 206 пр. велить обливать при крещеніи, а не погружать. Укорялъ меня Перетрухинъ, что я не дочитывалъ у Голубинскаго. Я ждалъ, когда онъ прочтетъ. Вотъ прочиталъ, а мы, по крайней мѣрѣ, разберемъ Голубинскій пишетъ, что Христофоръ Ангелъ свидѣтельствуетъ, что греки крестятъ въ три погруженія. А было это дѣло въ 1619 году. Ну, а въ 1618 г. у насъ рукоположень въ патріархи, греческимъ патріархомъ Теофаномъ, Филаретъ. Что ты плетешь, что въ то время греки обливали. Договорился Богъ знаетъ до чего; греки у Перетрухина были обливанцы при патріархѣ Филаретѣ. Эка что выдумалъ. Тогда по Перетрухину и іерархія была обливанской.

Помощникъ въ это время дернулъ Коновалова за рукавъ его полукафтана.

Коноваловъ остановился и сообразилъ, что говорить нельзя, но тутъ-же оправившись отъ минутнаго смущенія, началъ говорить о другомъ: Приведемъ еще свидѣтельство, что греки обливають. Это ихъ „Кормчую Пидаліонъ“, гдѣ прямо говорится, что у нихъ, грековъ, ноги только крестятъ. Сама ихъ „Кормчая“ это говоритъ. А что онъ мнѣ читалъ ихъ Соборъ 1756 г., да потребники. Соборъ-то ничего не говоритъ, какъ крестить, велѣлъ только латинъ перекрещивать. А въ потребникахъ у нихъ вѣрно есть писано крестить въ три погруженія, да не больно слушаютъ этихъ потребниковъ-то греческіе попы. Вонъ что говоритъ „Кормчая“ то ихъ.

Помощникъ читаетъ: „Обличаютъ современные отступленія отъ правилъ въ греческ. церкви: а) относительно крещенія. 50 пр. Апос. Отвергая латинское крещеніе, не имѣющее погруженій, какъ еретическое, мы, православные, должны быть внимательны къ собственному нашему крещенію, должны позаботиться, чтобы наши купели не были такъ малы, что въ нихъ едва можетъ быть

погружена только нѣкоторая часть ногъ крещаемыхъ дѣтей. Не стану говорить, какъ часто опрокидываются у насъ самыя купели и разливается освященная вода“ (Пидаліонъ стр. 261).

Коноваловъ. Вотъ какъ крестятъ попы-то у грековъ; по крайне мѣрѣ, сама ихъ церковь говоритъ, что только ноги крестятъ греческіе священники. А „Пидаліонъ“ за два года составленъ до рожденія м. Амвросія (смотри Пидаліонъ стр. 39), который родился въ 1791 году (истор. Бѣл. Іер. Суб. ч. I. стр. 223). У Амвросія ноги только помочили. Значитъ моченогій вашъ Амвросій. А вы моченогаго то и приняливъ Бѣлую Криницу—а! Магушку-то, и то ему бѣдному не помочили. Пропащая ваша вѣра—зараза австрійщина. Чѣмъ вы докажете, что Амвросій крещень въ три погруженія? Я ясно показалъ, что греки обливаютъ а поэтому и бесѣдовать больше не буду. Говорите, Осипъ Климычъ, послѣднюю рѣчь, и будетъ бесѣдовать. Толки пожалуй воду—вода и будетъ.

Перетрухинъ: Что вы, Андрей Афанасьевичъ! Мы не успѣли сказать и двухъ рѣчей, а вы уже и не желаете вести далѣе бесѣду. Время за нами—побесѣдуемъ. Чѣмъ больше будемъ разъяснять народу за тронутый нами вопросъ, тѣмъ лучше уяснится истина.

Присутствующіе настойчиво поддерживали Перетрухина, прося Коновалова не отказываться отъ бесѣды. Видя, что публика смотреть недоброжелательно на его отказъ отъ дальнѣйшаго веденія бесѣды, Коноваловъ согласился сказать еще одну только рѣчь. Перетрухинъ сталъ было съ этимъ не соглашаться, требуя продолжать бесѣду далѣе, но Коноваловъ заявилъ, что если Перетрухинъ на это не будетъ согласенъ, то онъ забираетъ съ собою свои книги и уходитъ съ бесѣды, не выслушавъ и этой рѣчи Перетрухина. Угроза подѣйствовала, Перетрухинъ согласился.

Перетрухинъ началъ говорить. Братія! Истина непобѣдима. Коноваловъ начинаетъ чувствовать трудность своего положенія, а посему требуетъ прекратить бесѣду, чтобы слушатели не уразумѣли правды. Но да Богъ ему судья, истина всегда останется свѣтлой, къ какимъ бы уловкамъ ни прибѣгали ея враги съ цѣлю затемнить ее. Приступимъ къ разбору того, что сказалъ намъ г. Коноваловъ. Во второй рѣчи онъ кромѣ двухъ старыхъ, читанныхъ имъ въ первой рѣчи, привелъ три новыхъ доказательствъ въ обвиненіе греческой церкви, будто она обливаетъ. Свидѣтельства имъ приведены изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Изъ Арсенія Суханова II части Сергѣя Бѣлокурова; 2) Исторіи Русск. Церкви м. Макара. XII тома и 3) Пидаліона греческой Кормчіи. Какъ и въ первой рѣчи, доказательства Коновалова оказались

ложными, такъ и теперь. Что дѣйствительно это такъ, вы, слушатели, сейчасъ увидите. Первое въ этой рѣчи свидѣтельство, что греки обливають, Коноваловъ указалъ того же Суханова, но только не тѣ слова, которыя читалъ въ своемъ вступленіи, а другія. Суханову будто-бы говорили греки, что они обливають, а не погружаютъ при крещеніи и удивляются тому, что русскіе перекрещиваютъ латинь. Но это требуетъ провѣрки, ибо писалъ эти слова не кто либо изъ грековъ, а все тотъ же Сухановъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуемъ ученый изслѣдователь Сергій Вѣлокуровъ: „Сухановъ велъ съ греками свои знаменитыя пренія о вѣрѣ. Свѣдѣнія объ этихъ преніяхъ его мы получаемъ изъ записи о нихъ, сдѣланной самимъ Сухановымъ... Многого Арсеніемъ и не было говорено во время преній, а прибавлено имъ послѣ... Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого другого источника, которымъ могли бы провѣрить разсказъ Суханова о преніяхъ, и потому принуждены излагать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ онъ самъ“ (Арсен. Сухановъ, изслѣд. Сергѣя Вѣлокурова, ч. I стр. 210—211). Такимъ образомъ Коноваловъ привелъ не слова самихъ грековъ, а слова Суханова. А Суханову довѣрить, какъ мною уже доказано, въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ. Собесѣдникъ укорялъ меня, что я не вѣрю старцу Арсенію, но не вѣрить ему у меня были основанія: свидѣтельство греческой церкви въ то время, что она крестила въ три погруженія, читанное мною изъ книги „Скрижалъ“. Коноваловымъ была сдѣлана слабая попытка подорвать довѣріе къ этому свидѣтельству, что приведенныя мною слова изъ „Скрижали“ писаны за 75 лѣтъ до изданія сей книги. Какое наивное опроверженіе! Да развѣ важно, когда и гдѣ написано это ученіе? Важно то, что ученіе это принято и утверждено. А мы видѣли, что „Скрижалъ“ принята и утверждена греческими патриархами (см. Собор. Дѣян. 25 пр., гл. 2). Если думать, какъ думаетъ Коноваловъ, то тогда придется намъ отказаться отъ имени христіанъ, ибо Христось основалъ свою церковь не въ наши времена, а за 19 вѣковъ до сего времени. Кромѣ представленныхъ мною доказательствъ, заставляющихъ не вѣрить Суханову, у меня есть другія. Арсеній писалъ свои пренія тогда, когда еще въ Греціи и не бывалъ. Преніямъ его русское правительство свѣтское и духовное не имѣло вѣры, находя въ нихъ много ложнаго. „При отъѣздѣ изъ Москвы, читаемъ у Вѣлокурова, думнымъ дьякомъ посольскаго приказа Михаиломъ Волошениномъ были еще сказаны Арсенію отъ имени царя Алексѣя Михайловича

слѣдующія напутственныя слова: „чтобы онъ, будучи въ греческихъ странахъ, помня часъ смертный, писалъ правду, безъ прикладу“. Можно думать, что это наставленіе Волошенинова Суханову о точномъ исполненіи возложеннаго на него порученія имѣло отношеніе къ предшествующему его путешествію въ 1649—1650 гг. Ему напоминалось, чтобы онъ представилъ полный и вѣрный отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ, достовѣрное „описаніе святыхъ мѣстъ и греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ“, безъ прикладу; слѣдовательно его *прежними донесеніями и записками* московское правительство было *не совсемъ довольно*, находя въ нихъ лишнее, „прикладъ“, т. е. его собственные разсужденія (Серг. Вѣлокур. стр. 246—247 ч. I.) Изъ прочитаннаго видно, что русское правительство, не повѣривъ первому описанію Суханова о греческихъ церковныхъ чинахъ, послало его вторично въ Грецію для болѣе правдиваго и достовѣрнаго описанія ихъ. И замѣчательно. Отправившись съ такимъ наказомъ въ Грецію, Сухановъ пробылъ тамъ два года и неединымъ словомъ не обмолвился во второмъ своемъ описаніи „Проскитариѣ“, что греки обливаютъ. Неужели въ теченіе такого, сравнительно, продолжительнаго времени своего пребыванія въ Греціи Сухановъ не могъ замѣтить ни одного случая обливанія при крещеніи младенца, если бы въ самомъ дѣлѣ греки обливали. Послѣ изложеннаго—вопросъ, на какомъ основаніи я отвергаю достовѣрность мнѣнія Суханова о крещеніи грековъ, думаю теперь ясенъ для каждаго слушателя. Мое утвержденіе безусловно справедливо, что Сухановъ наклеветалъ на грековъ, что они обливаютъ. Не ограничиваясь уже приведенными мною фактами, изъ которыхъ можно видѣть ложь Суханова, представлю еще одно свидѣтельство, которое также показываетъ, какъ несправедливъ былъ Сухановъ, а вкупѣ съ нимъ и Коноваловъ, увѣряя, что церковь греческая не креститъ въ три погруженія. Безпоповскій инокъ Варнава, бывшій въ Греціи въ 1867—8 годахъ, имѣлъ слѣдующій разговоръ съ Александрийскимъ патріархомъ Никаноромъ: „Инокъ Варнава спросилъ патріарха: какая разнища между вами и западными, сирѣчь римлянами?—Патріархъ отвѣчалъ: какъ же? большая разнища! Они еретики; вотъ они въ крещеніи не погружаютъ, а обливаютъ... Инокъ Варнава при этомъ спросилъ патріарха: а вы развѣ не поливаете?—Патріархъ ему отвѣчалъ: какъ можно поливать! У насъ первый доводъ на римлянъ къ обличенію служитъ то, что обливаютъ, а не погружаютъ.—Варнава продолжаетъ спрашивать: какъ же у насъ слышно, что у васъ безъ зазору поливаютъ?—

На это патріаршій эконоомъ сказалъ: вотъ за это ты и страдаешь, что вѣришь разнымъ клеветамъ.—Варнава на это возражалъ, говоря: въ въ исторіи Арсенія Суханова я читалъ, что въ его бытность въ Іерусалимѣ поливали. Эконоомъ сказалъ: это ложь! У насъ терпѣть не могутъ поливанія, и кто полетъ, того изъ сана извергнутъ“ (Изслѣдован. о греческомъ православіи ин. Варнавы л. 4 обор., издан. въ Псковѣ К. Голубева). Своему-то безповоцу Коноваловъ долженъ повѣрить, который приводитъ слова греческаго патріарха, утверждавшаго, что Сухановъ жетъ, будто греки обливають.

На приведенное мною заявленіе собора 1666 года, бывшаго въ Москвѣ, что греки крестятъ въ три погруженія, Коноваловъ замѣтилъ, что онъ этому заявленію не вѣритъ, и привелъ въ подтвержденіе своего „невѣрія“ изъ исторіи русск. церк. М. Макарія слова старца Серапіона, который передавалъ, какъ слухъ, митроп. Павлу, что будто бы греки крестятъ чрезъ обливаніе. Но самъ этотъ Серапіонъ въ Греціи никогда не былъ, а слышалъ о семъ отъ какого-то проходимца Афанасія, выдававшего себя за племянника цареградскаго патріарха. Впослѣдствіи самъ Серапіонъ отъ этихъ своихъ мнѣній о греческой церкви отказался и принесъ покаянную грамоту въ этомъ. „А что прежде,—пишетъ Серапіонъ,—имѣлъ подъ сомнѣніемъ или считалъ невѣрнымъ по своему неразумію, или кого изъ православныхъ христіанъ въ чемъ соблазнялъ, во всемъ томъ каюсь предъ соборомъ и прошу прощенія“ (истор. русск. цер. М. Макарія, XII т. 659 стр.). И какъ не стыдно Коновалову приводить слова старца Серапіона, отъ которыхъ онъ впослѣдствіи отказался, признавая ихъ соблазнительными, неразумными? Что же за лицо, которое передавало Серапіону, что греки обливають? Это нѣкто Афанасій, жившій въ Симоновскомъ московскомъ монастырѣ. Онъ выдавалъ себя за митрополита иконійскаго и племянника патріарха константинопольскаго. Но когда наведены были справки, Афанасій оказался вотъ кѣмъ.—Въ приказѣ тайныхъ дѣлъ сохранилась слѣдующая грамота патріарха Діонисія къ царю: „Проклятый тотъ Афанасій, движимый отцемъ лжи, безъ всякой нужды пришелъ къ вамъ, *лжесвидѣтельствова* на свитки и правильныя главы. Онъ ложно говорилъ, будто посланъ отъ насъ и единокровный съ нами. Знай, что онъ сосудъ *злосрадный* и много уже лѣтъ отлученъ отъ церкви, и потому да будетъ онъ сосланъ въ какое либо мѣсто, чтобы плакать о душѣ своей, и да не возвратится въ наши страны до конца своей жизни“ (истор. русск. цер. М. Макарія XII т. стр. 517).

Удивляюсь г. Коновалову. Большому московскому собору, бывшему въ 1666—67 гг. не вѣрить, на которомъ присутствовали греческіе патриархи, которые рѣшительно о себѣ заявили, что они не обливають. А какому-то проходимцу, бродягѣ вѣрить, да и другихъ заставляють вѣрить. Есть на этотъ счетъ мудрая русская пословица, которая вполне приложима къ настоящему случаю: „Рыбакъ рыбака видитъ издалека“.

Разбирая приведенное мною свидѣтельство изъ Голубинскаго, Коноваловъ до того дошелъ, что меня сталъ упрекать, будто я грековъ называю обливанцами. Что вы, А. А. опомнитесь?! Не вы ли всю бесѣду ругаете грековъ обливанцами, а тутъ уже меня вините, что я грековъ считаю обливанцами. Чудеса! Вотъ до чего доводитъ ратованіе противъ истины. Сами себя, какъ говорятъ, начинаете съчь. Но какое свидѣтельство вы привели про современныхъ грековъ, что они обливають? Кромѣ личнаго и ни на чемъ не основаннаго мнѣнія о крещеніи современныхъ грековъ Голубинскаго, которое даже не стоитъ и разбора, вы привели Кормчую греческую, „Пидаліонъ“; ту Кормчую, которая положительно утверждаетъ, что церковь греческая крестить въ три погруженія; ту Кормчую, которая и написана съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ руководствоваться правилами св. апостолъ и св. отецъ.

Мѣсто, приведенное г. Коноваловымъ изъ этой Кормчей— Пидаліона, показываетъ только то, что греческая церковь такъ строго смотрѣла за тѣмъ, чтобы не было отступленій отъ правилъ относительно крещенія въ три погруженія, что если гдѣ окажутся сравнительно малыя купели, то повелѣваетъ выбросить ихъ и уничтожить. Какимъ образомъ отсюда Коноваловъ ухитрился вывести, что греки обливають, или, какъ онъ выражается, ноги мочать,—прямо-таки непонятно. Если слѣдовать подобнымъ разсужденіямъ г. Коновалова, то придется признать обливанцами, „моченогими“ и всѣхъ древнихъ святителей и угодниковъ Божіихъ, самой нашей русской церкви, какъ напримѣръ преп. Сергія радонежскаго чудотворца и другихъ. Въ 13 вѣкѣ во Владимірѣ состоялся соборъ, на которомъ было постановлено: „болѣе да не обливають никого, но да погружаютъ, ибо—говорить онъ,—нигдѣ не предписано обливаніе, но погруженіе въ особо назначенномъ соудѣ“ (истор. русск. церкви Е. Голубинск. т. II стр. 73—74). Соборъ этотъ былъ въ 1224 г. Онъ ясно указалъ, что въ Россіи было обливаніе, и однако никто изъ насъ не станетъ утверждать, что въ то время русская церковь повелѣвала обливать. Зачѣмъ

же обвинять греческую церковь въ этомъ же самомъ? А что въ греческой „Кормчей“ строго заповѣдуются крестить въ три погруженія, объ этомъ вотъ что читаемъ въ ней: „Для того, чтобы было въ насъ подобіе смерти и трехдневнаго погребенія Христа, необходимо должны быть въ крещеніи три погруженія... неизмѣнно должны быть соблюдаемы въ крещеніи три погруженія, по уставу восточной церкви“ (248 стр. Пидаліона). А объ обливаніи вотъ каково ученіе той-же, книги: „латине суть не крещенные, потому что не дѣлаютъ при крещеніи трехъпогруженій, что принято въ православной церкви“ (тамъ же стр. 241). „Итакъ латинское окропленіе, чуждо нисхожденій и восхожденій, чуждо слѣдовательно и изображенія трехдневной смерти и воскресенія Господа и слѣдовательно чуждо всякой благодати освященія и отпущенія грѣховъ“ (тамъ же стр. 249). Нужно замѣтить, церковь греческая руководствуется этой книгой „Пидаліономъ“. „Книга сія (Пидаліонъ) необходимая и полезнѣйшая для всѣхъ православныхъ христіанъ“, пишетъ патр. Неофитъ константинопольскій (Пидаліонъ стр. 66). Итакъ изъ „Пидаліона“ видно, что современная греческая церковь твердо учитъ крестить въ три погруженія и отвергаетъ обливаніе. Если-же въ этой книгѣ и указываются недостатки или отступленія отъ правилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то это, какъ сказано раньше, еще тверже показываетъ намъ о строгомъ соблюденіи правилъ въ греческой церкви, что она не терпитъ недостатковъ въ крещеніи, требуя непременно исправлять ихъ.

Въ доказательство того, что греческая церковь не только не обливаетъ, но даже повелѣваетъ перекрещивать таковыхъ и строго заповѣдуетъ совершать крещеніе въ три погруженія, я сослался на соборъ греческихъ іерарховъ бывшій въ 1757 году.— Коноваловъ ничего не возразилъ на это, а только голословно замѣтилъ, что на этомъ соборѣ не сказано, какъ крестить, а постановлено перекрещивать латинъ, и больше ничего. Но неужели мой собесѣдникъ не слышалъ, что мною было читано изъ сего соборнаго опредѣленія? Прочитаю еще разъ то мѣсто, гдѣ прямо заповѣдано совершать крещеніе въ три погруженія: „Слѣдую Господу нашему Іесу Христу, повелѣвшему ученикамъ Своимъ крестить во имя Отца и Сына и святаго Духа, и святымъ апостоламъ (слѣдую) заповѣдавшимъ крестить приходящихъ въ три погруженія, (далее) повелѣваемъ всѣхъ крещенныхъ не въ три погруженія и безъ призванія имени одной изъ божественныхъ Ипостасей при каждомъ погруженіи, но крещенныхъ какъ нибудь иначе, когда приходятъ они къ православію—признавать некрещенными“ (смотр. собор. опр.). Не ясно-ли въ этомъ соборномъ

опредѣленіи повелѣніе крестить въ три погруженія и перекрещивать крещенныхъ какъ нибудь иначе? Нужно быть Коноваловымъ, чтобы не находить въ немъ повелѣнія о крещеніи въ три погруженія.

Что возразилъ Коноваловъ на свидѣтельства греческихъ потребниковъ о совершаемомъ въ Греціи трехпогружательномъ крещеніи? Да ничего. Онъ даже подтвердилъ, что въ потребникахъ написано крестить въ три погруженія, да священники греческіе, говоритъ онъ, не исполняютъ этого.

Удивительно, какъ разсуждаетъ Коноваловъ! Греческая церковь учить крестить въ три погруженія; греческая церковь велитъ перекрещивать, кто не крещенъ трехпогружательно; греческая церковь укоряетъ латинъ, что они обливаютъ, называя обливаніе гнусѣйшимъ „исчадіемъ“ (смотри. *окруж. посл. греческ. патр.* 1854 г. изд. Петер.); греческая церковь не терпитъ и малѣйшаго нарушенія въ совершеніи трехпогружательнаго крещенія (Пидаліонъ стр. 261); греческую церковь латине укоряютъ, что она перекрещиваетъ ихъ за то, что они обливаютъ (см. *Христ. чт. за 1868 г.* стр. 873); греческая церковь издастъ потребники, въ которыхъ заповѣдуетъ крестить въ три погруженія;—и наконецъ сама же греческая церковь обливаетъ. Такъ разсуждаетъ Коноваловъ. Нелѣпѣ этого кажется ничего и быть не можетъ. Если бы даже какой греческій священникъ и ослушался своей церкви, окрестивъ поливательно, то въ этомъ виновата-ли вся греческая церковь или всѣ крещенные въ ней трехпогружательно? Конечно, нѣтъ. Священникъ, какъ нарушившій повелѣніе своей церкви, подлежитъ изверженію, а крещеннаго обливательно вновь окрестить. Таково ученіе церкви греческой, какъ нами указано выше изъ разговора инока Варнавы съ патріархами и собор. опред. 1757 года.

На просьбу моего собесѣдника, гдѣ сказано о крещеніи самаго м. Амвросія, сейчасъ отвѣчу. Въ исторіи бѣлокриницкаго священства на стр. 463-ей читаемъ: „Митрополитъ Амвросій по долгу присяги, съ цѣлованіемъ святаго образа и своеручнымъ подписаніемъ, завѣрилъ ихъ—Павла и Алимпія, что крещенъ въ три погруженія“. Можетъ быть Коноваловъ скажетъ, что свидѣтельству м. Амвросія довѣряться нельзя, какъ свидѣтельству о самомъ себѣ. Но вотъ что сказано въ древнихъ старопечатныхъ книгахъ о такомомъ свидѣтельствѣ. „А иные иноземцы сказываютъ про себя сами же, что они въ греческую вѣру крещены въ три погруженія и миромъ и масломъ помазованы, или еще будетъ и свидѣтелей нѣтъ, а самъ про себя сказываетъ, яко крещенъ въ

три погруженія и миромъ и масломъ помазыванъ и тѣхъ крестити не подобаетъ“ (соборное уложеніе въ Большомъ Потребн. л. 573). Вотъ какъ велитъ поступать патріархъ Филаретъ, съ тѣми, которые сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они крещены въ три погруженія: велитъ таковыхъ вновь не перекрещивать. Но и опять нужно замѣтить, что патріархъ Филаретъ говоритъ это про тѣхъ иноземцевъ, у которыхъ совершается форма крещенія чрезъ обливаніе, и только въ видѣ исключенія какой либо иноземецъ крещенъ погружательно. Греческая-же церковь безусловно строго заповѣдуетъ крестити въ три погруженія, а посему и просьба Коновалова не имѣетъ смысла. Но снисходя къ этой его просьбѣ, я указалъ на такое свидѣтельство, которое говоритъ уже про самого м. Амвросія, что онъ крещенъ въ три погруженія.

Приходя къ заключенію своей рѣчи, напомню еще разъ Коновалову, что онъ крещенъ въ господств. церкви, гдѣ прямо поливательное крещеніе признается православнымъ, равносильнымъ трехпогружательному крещенію. И однако Коноваловъ вновь не перекрещенъ и считаетъ себя не хуже татарина, а христіаниномъ.

Коноваловъ, обращаясь къ Перетрухину. Ну я, значитъ, Осипъ Климычъ, скажу послѣднюю рѣчь. Говоритъ много не буду. И кончимъ бесѣду. Будетъ, потолквали.

Въ голосъ Коновалова слышались слезливыя нотки. Миссіонеры и въ особенности о. Александровъ поддакивали Коновалову.

Перетрухинъ: Говорите послѣднюю рѣчь, Андрей Афанасьевичъ! Насильно удерживать васъ я не имѣю права.

Коноваловъ: Слушатели, я вотъ говорю послѣднюю рѣчь. Обращаться къ вычитаннымъ свидѣтельствамъ больше не буду. Кто ихъ какъ понялъ, такъ пусть и понимаетъ. Скажу только про Номоканонъ, на который Голубинскій ссылается, что нынѣшніе греки крестятъ обливательно. Значитъ ученый профессор не отъ себя говоритъ, что греки обливаютъ, а основывается на ихъ „Номоканонѣ“. Вотъ что читаемъ въ немъ:

Помощникъ читаетъ 200 пр. изъ Московск. изданія кн. Номоканонъ, изд. профессор. Павловымъ: „Отроча же оно, еже крещашеши, да имаши купель, или ночвицы, или блюдо, сирѣчь миса, или инъ сосудъ“.

Коноваловъ: Вонъ въ чемъ повелѣваетъ крестити-то греческій Номоканонъ, въ ночвицѣ!—А что такое ночвица? Да такой сосудъ, въ которомъ малину продаютъ. Вонъ въ чемъ у нихъ крестятъ. А еще въ чемъ?

Помощникъ отвѣчаетъ: „или блюдо, сирѣчь мисѣ“.

Коноваловъ. Въ мискѣ? Да въ мискѣ-то щи только хлебають. Ну какъ тамъ окрестить? Амвросій вонъ гдѣ крещень, гдѣ и ложкѣ утонуть негдѣ (Коноваловъ думалъ этимъ возбудить смѣхъ въ присутствующихъ, но никто не засмѣялся). Читалъ Перетрухинъ еще изъ соборнаго уложенія, что кто сказываетъ изъ иноземцевъ, что онъ крещень въ три погруженія, того патріархъ не велитъ перекрещивать. А дальше, что сказано, того не дочиталъ. Дочитаемъ мы.

Помощникъ читаетъ: „И о томъ его допрашивать зѣло на рѣчко, правду-ли онъ сказалъ про себя, что крещень въ три погруженія, и миромъ и масломъ помазыванъ, и аще будетъ скажетъ въ исповѣданіи тоже яже и въ распросѣ сказывалъ и о томъ разсудити отцу духовному и доложить о томъ святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Россіи или митрополита или архіепископа, которые онъ святыни достойнъ будетъ, того и сподобити и имѣти его христіанина (Большой Потреб. л. 589 об.).“

Коноваловъ. Вонъ велитъ патріарху или епископу докладывать о иноземцѣ, правду-ли онъ крещень въ три погруженія. А у нихъ какому патріарху исповѣдовался? Какому патріарху давали извѣщеніе? Чего въ этой заразы австрійщинъ искать? Хуже муллы татарскаго ваши попы!

Сказавши это, Коноваловъ съѣлъ, утирая рукавомъ потъ, крупными каплями падавшей съ его лица.

Перетрухинъ. Итакъ, почтеннѣйшее собраніе, настоящею рѣчью и заканчиваю бесѣду. Изъ этой бесѣды, думаю и даже увѣренъ, что благоразумные слушатели вполне убѣдились, что г. Коноваловъ не привелъ ни одного истиннаго свидѣтеля, который подтвердилъ бы обвиненіе, возводимое имъ на греческую церковь, будто она повелѣваетъ обливать при крещеніи. Въ продолженіе всей бесѣды мы слышали отъ г. Коновалова одну только площадную ругань на м. Амвросія и на старообрядческое священство. Но руганью не докажешь истины. Ругань показываетъ только безсиліе собесѣдника, который за невозможностью доказать своего мнѣнія прибѣгаетъ къ крайнему средству,—къ ругани. Но этимъ дѣлу не поможешь. Скорѣе произведешь отталкивающее впечатлѣніе, что и случилось съ моимъ собесѣдникомъ г. Коноваловымъ.

Приступимъ теперь къ разбору доводовъ, которыми онъ въ послѣдней своей рѣчи тщился обвинить греческую церковь и м. Амвросія. Доводы его не многочисленны, всего только два: 1) греческ. Номокан. 200 пр. 2) Соборное уложеніе патр. Филарета.

Только первое свидѣтельство приведено по вопросу, а второе вовсе не относится къ дѣлу. Но разъ онѣ приведены, мы должны разобрать ихъ. Указанное г. Коноваловымъ 200 правило греческаго Номоканона говоритъ какъ разъ противъ того, что онъ хотѣлъ имъ доказать. Оно и написано съ тѣмъ, чтобы въ крещеніи не обливали, а погружали. Прочитаемъ его. „О еже како подобаетъ крещати: Отроча же оно еже крещаеши, да имаша купель, или ночвицы или блюдо, сирѣчь миса, или инъ сосудъ разлученъ: и егда влѣши елей въ купель, якоже повелѣваетъ послѣдованіе, возми отъ блюда елея трети персты и помажи отроча по всѣхъ удѣхъ, якоже сказуетъ уставъ, и тогда вземлѣши его нага и ставъ просто, крещаеши *въ три погруженія*, глаголя сице: крещается рабъ Божій имя рекъ, во имя Отца, аминь, и низводиши въ купель, и погружаеши, сирѣчь мочиши его. И паки станѣши мало просто, возводи отроча, и низводиши его вторицею въ воду и мочиши е, глаголя: и Сына, аминь. И паки станѣши просто и низводиши е третицею и погружаеши е подобнѣ, глаголя: и Святаго Духа, аминь, и куплѣши конечнѣ“ (Номоканонъ Павлова москов. издан. 200 пр.).

Ну гдѣ же здѣсь повелѣніе, чтобы обливали? Правило ясно свидѣтельствуетъ о трехпогружательномъ крещеніи: „крещаеши его *въ три погруженія*“. Коновалова смутили слова въ этомъ правилѣ: „ночвица“ и „миса“. Напротивъ, слова эти еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что церковь греческая очень строго заботилась о православнои трехпогружательномъ крещеніи. Правило гласитъ „да имаша купель, или ночвицы, или блюдо, сирѣчь миса“, — т. е. если нѣтъ купели, то въ крайнемъ случаѣ возьми ночвицу—корыто; если и этого не случится, то возьми блюдо, но такое которое свободно вмѣщало бы крещаемого младенца, какъ и говорится въ греческомъ текстѣ—*большое*, а на славянскій переведено „миса“. Миса—по-русски большой сосудъ. Церковь греческая, какъ видите, слушатели, такъ строго заботилась о трехпогружательномъ крещеніи, что за неимѣніемъ купели велитъ окрестить въ какомъ либо другомъ сосудѣ, но только не обливать. Если же разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Коноваловъ, то придется опять признать всѣхъ благочестивыхъ патріарховъ крещеными въ „мискахъ“, ибо Номоканонъ, изъ котораго Коноваловъ прочиталъ 200 прав., очень древній. Онъ написанъ въ 15 столѣтіи (смотри пред. къ Номоканону москов. изд. Павл. стр. VI), т. е. за много лѣтъ до стоглаваго собора и русскихъ благочестивыхъ патріарховъ. Во времена благочестія этимъ Номоканонѣмъ

наши предки руководствовались. Такъ въ Номоканонѣ, изданномъ съ благословенія Іосифа патріарха въ 200 правилѣ находимъ тоже самое, что и въ греческомъ: „О еже како подобаетъ крестити іерею: Отроча идѣже крещаеши, да имаши тамо купель покровенну и чисту, или инъ сосудъ разлученъ. И егда вліеши елей въ купель, яко же повелѣваетъ послѣдованіе, и возьми масла стопкою тремя персты, и помажи отроча по всѣхъ удвхъ, яко же скажетъ уставъ, и тогда вземлеши и наго, и ставъ просто, крещаеши въ три погруженія, глаголя сице: крещается рабъ Божій во имя Отца, аминь; и погружаеши и въ купель; и паки станеши просто, возводя отроча, и погружая вторицею въ водѣ, и омочая подобнѣ и глаголя: и Сына аминь. И паки станеши просто, погружаеши третицею, такожде глаголя: и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь. Да и куплеши конечнѣ. Таже вземъ отъ купели, даеши и примцу“ (л. 48).

Обвиняя грековъ, что крестить въ мискахъ, Коноваловъ долженъ обвинить и п. Іосифа, что и онъ велитъ крестить въ какомъ нибудь другомъ сосудѣ, если не найдется купели. Придираясь къ словамъ, какъ это дѣлается всегда Коноваловъ, мы даже болѣе можемъ обвинять іосифскій Номоканонъ, чѣмъ Номоканонъ греческій, а именно: въ греческомъ сказано, чтобы крестили въ большомъ сосудѣ, за неимѣніемъ купели; въ іосифскомъ же не сказано, что въ большомъ, а только „сосудъ“: „или инъ сосудъ разлученъ“. Выходитъ, съ точки зрѣнія Коновалова, патріархъ Іосифъ повелѣвалъ крестить не исключительно въ большихъ сосудахъ, но вообще во всѣхъ большихъ и малыхъ, какой бы ни попался, т. е. не только въ „мисѣ“, но и въ тарелкѣ. Но пусть такъ разсуждаетъ Коноваловъ: оно только ему одному и свойственно. Замѣтимъ наконецъ, что греческій Номоканонъ не только не повелѣваетъ обливать, но даже и священниковъ, дерзнувшихъ окрестить не въ три погруженія, извергаетъ изъ сана. Слѣдующее 201 правило гласитъ: „глаголетъ 50 правило святыхъ апостолъ, яко священникъ не крещая въ три погруженія, яко же предписася, едино Отчее, другое Сыновнее, и третіе Святаго Духа и сице не творая во единой тайнѣ да извержется“.

Коноваловымъ было прочитано изъ Соборнаго Уложенія, чтобы тѣхъ лицъ, которыя сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они крещены въ три погруженія, допрашивать „накрѣпко“ отцу духовному и передать отвѣтъ патріарху или митрополиту.

А когда къ нѣтовцамъ присоединяются отъ великороссійской церкви, въ которой по нѣкоторымъ мѣстамъ допускается облива-

ніе, какого патріарха они спрашиваютъ, какому митрополиту докладываютъ? Зачѣмъ же искать сучка въ глазу брата, когда у самихъ торчатъ громадныя бревна? У насъ митрополита Амвросія при присоединеніи исповѣдывалъ священноинокъ Іеронимъ, согласно требованію патріарха Филарета. А у васъ кто исповѣдуетъ? кто присоединяетъ? *)

Этимъ я и заканчиваю свою рѣчь.

Послѣ этого миссіонеры пропѣли „Достойно есть“ и объявили бесѣду закрытой.

Видя, что столь знаменитый хулитель старообрядческой іерархіи, какъ А. Кионовъ, совершенно провалился по вопросу о крещеніи греческой церкви и митрополита Амвросія, присутствовавшій здѣсь миссіонеръ о. Д. Александровъ задумалъ поправить проигранное г. Кионовымъ дѣло очерненія старообрядческой іерархіи. Онъ крикнулъ народу: „Хотя г. Перетрухинъ и доказывалъ, что м. Амвросій получилъ трехпогружательное крещеніе, но мы, миссіонеры, свидѣтельствуемъ, что не знаемъ, какъ крещенъ Амвросій, и думаемъ, что скорѣе правъ г. Кионовъ, чѣмъ г. Перетрухинъ“.

Перетрухинъ предложилъ подтвердить это письменно, но о. Александровъ отказался.

Народъ заволновался, поднялся шумъ. Изъ толпы кричали по адресу о. Александрова: Священникъ, а лжеть. Перетрухинъ ясно доказалъ, что Амвросій крещенъ въ три погруженія... Чего же больше?...

І. К.

*) Одновѣрцы Кионова, знающіе его близко, рѣшительно удостовѣряютъ, что онъ, будучи отъ рода „никоніаниномъ“, никогда не отрекался отъ „никоніанскихъ ересей“ и никѣмъ не былъ принятъ въ нѣтовщину. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ потому не присоединенъ къ нѣтовщинѣ, что наставники этого толка отказались принять его третьимъ чиномъ, такъ какъ явилось подозрѣніе, что онъ крещенъ обливательно, а быть принятымъ чрезъ крещеніе онъ не согласился. Такъ или иначе, одно несомнѣнно, что г. Кионовъ доселѣ остается „никоніаниномъ“, хотя въ своихъ личныхъ интересахъ и выдаетъ себя за нѣтовца, или спасовца. Не даромъ же онъ считается ближайшимъ другомъ и правой рукой синодальнаго миссіонера о. К. Крючкова и вообще дѣйствуетъ за одно съ миссіонерами противъ старообрядческаго Христопреданнаго священства.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ

(съ краткими редакціонными поясненіями).

1. Документъ, показывающій, что двоеперстное моленіе проклято пастырями государственной церкви.

Печатаемый вслѣдъ за симъ officialный документъ— „Отношеніе“ (по теперешней канцелярской терминологіи) казанскаго епископа Луки къ атаману войска уральскихъ (по тогдашнему яицкихъ) казаковъ, Андрею Бородину, отъ 5 февраля 1742 г., важенъ не только какъ церковноисторическій памятникъ, но важенъ и для рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ между старообрядческою и господствующею церквами. Дѣло въ слѣдующемъ: Старообрядцы говорятъ, что соборъ 1667 г. предалъ вѣчному проклятію и отлучилъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа всѣхъ православныхъ христіанъ, не принимающихъ нововведенныхъ Никономъ обрядовъ вмѣсто древнихъ церковныхъ преданій: триперстия и проч. А потому всѣ двоеперстники, принадлежавшіе къ новобрядческой церкви, прокляты поименованнымъ соборомъ и отлучены отъ Святой Троицы. Чтобы освободиться отъ такого истиннѣ страшнаго осужденія, они должны или признать этотъ соборъ погрѣшительнымъ, еретическимъ и отдѣлиться отъ него и отъ всѣхъ признающихъ его православнымъ,—однимъ словомъ, отдѣлиться отъ господствующей церкви, или отречься отъ двоеперстнаго сложенія, какъ еретическаго и проклятаго обычая, и въ такомъ случаѣ подпасть подъ клятву святыхъ отецъ, поражающую всѣхъ, не знаменующихся этимъ перстосложеніемъ.

На это миссіонеры возражаютъ, что соборъ 1667 г. не проклиналъ двоеперстнаго сложенія и вообще старыхъ обрядовъ, а проклиналъ только раскольниковъ двоеперстниковъ, отдѣляющихся отъ церкви, такъ какъ соборъ не сказалъ, что само двоеперстное сложеніе проклято, а лишь держатели его. Старообрядцы противъ этого справедливо замѣчаютъ, что ни съ чѣмъ не сообразно, чтобы еретики проклипались, а ересь ихъ благословлялась, еретики осуждались, а ересь ихъ признавалась предметомъ православнымъ

и святымъ, то есть чтобы двоеперстники прокливались, какъ еретики, а двоеперстіе принималось православною церковію, какъ священный и спасительный предметъ. Что-же касается того, что соборъ 1667 г. не сказалъ буквально, что проклинается двоеперстіе, то это еще не значить, что онъ его и въ самомъ дѣлѣ не предалъ проклятiю. Въдъ и на всѣхъ древнихъ святыхъ соборахъ буквально ересь не проклиналась, а просто держатели этой ереси, а вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и ересь. Иначе могла-бы получиться полнѣйшая несообразность, а то и хуже. Напримѣръ, первый вселенскій соборъ проклялъ признающихъ Сына Божія сотвореннымъ, но не сказалъ: сотвореніе Сына Божія да будетъ проклято. Подобнымъ образомъ и прочіе соборы буквально излагали проклятiя противъ самихъ еретиковъ, но разумѣлось, что проклинаются и ереси, содержимыя ими, за которыя они проклипались. Слѣдовательно, если-бы и на самомъ дѣлѣ соборъ 1667 г. предалъ бы проклятiю только молящихся двоеперстно и вообще содержащихъ старые обряды, и то значило-бы, что прокляты сіи обряды.

Сколько было споровъ по этому вопросу, сколько написано сочиненій для рѣшенія его, а онъ все еще многимъ кажется темнымъ и сомнительнымъ. Болѣе благоразумные изъ самихъ богослововъ и послѣдователей грекороссійской церкви сознаются, что соборъ 1667 г. дѣйствительно проклялъ двоеперстное сложеніе, а слѣдовательно и молящихся этимъ перстосложеніемъ, хотя-бы они и принадлежали къ названной церкви.

Настоящій документъ показываетъ безпристрастно и рѣшительно, кто правъ въ этомъ спорѣ: тѣ ли, которые утверждаютъ, что господствующая церковь до учрежденія единовѣрія признавала двоеперстное сложеніе проклятымъ, согласно опредѣленiю собора 1667 г., или тѣ, которые увѣряютъ, что она и тогда признавала его, какъ и теперь, спасительнымъ и вполне допустимымъ въ православную церковь. Онъ прямо и опредѣленно говоритъ, что правы первые.

Какъ видно изъ содержанія этого документа, происхожденіе его таково. Отъ яицкаго, по теперешнему уральскаго, казачьяго войска въ февралѣ 1742 года казанскому епископу Лукѣ, подъ вѣденіемъ котораго въ то время находилась теперешняя уральская область, были присланы: священникъ о. Максимъ и два ставленника: Петръ Денисовъ и Иванъ Желѣзновъ, въ сопровожденіи „яицкаго (уральскаго) станичнаго атамана Ивана Корниліева,

да всауда Андрея Чинарева, съ прошеніями отъ уральскаго войска, чтобы о. Максима „пожаловали“ „на упалое закащичье мѣсто“, то есть чтобы епископъ Лука произвелъ его на освобожденное мѣсто благочиннаго. А Петра Денисова и Ивана Желѣзова поставилъ бы во священники. И вотъ преосвященный Лука перваго произвелъ благополучно не только въ чинъ „закащика“ (по теперешнему благочиннаго), но и въ протопопа; но со ставленниками во священство произошелъ неожиданный казусъ. Преосвященный Лука произвелъ ихъ уже въ чтецы и иподиаконы и вдругъ замѣтилъ, „что они не православнымъ троеперстнымъ, чисто и просто Троицу Святую изображающимъ, но злочестивымъ раскольническимъ и арменскимъ, съ Аріею проклятымъ, отъ Троицы Святой Христа Спасителя нашего отдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся“. Архіерей тотчасъ же не только не сталъ производить ихъ въ высшія степени, но лишилъ ихъ и тѣхъ степеней, въ которыя было уже произвелъ, и отпустилъ ихъ домой, „донележе исправятся и о таковой богомерзской ереси своей истинное покаяніе сотворять“.

Помимо всего сказаннаго, документъ этотъ важенъ еще въ другомъ отношеніи. Въ немъ архіерей Лука говоритъ, что прежде чѣмъ рукополагать присланныхъ къ нему кандидатовъ Петра Денисова и Ивана Желѣзова, „чтобы имъ таковымъ злочестивымъ двоеперстнымъ крестомъ не креститься, яственно при насъ присягами, и никакою (съ) злочестивыми раскольниками соласія не имѣли“. Какую же присягу тогда давали ставленники предъ рукоположеніемъ во священство? Такая присяга извѣстна одна,—она издана Іоакимомъ патріархомъ. Но въ ней столько дерзостей и нечестія, что миссіонеры сочли нужнымъ отказаться отъ нея, признать ее подлогомъ, который пастыри господствующей церкви будто никогда не издавали и никогда предъ рукоположеніемъ не произносили. Но настоящій документъ ясно и опредѣленно свидѣтельствуешь, что такая присяга не только существовала въ господствующей церкви, но и произносилась ставленниками предъ рукоположеніемъ во священство.

Печатаемъ эту грамоту епископа Луки безъ всякихъ измѣненій и поправокъ, съ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

Подлинникъ ея хранится въ бібліотекѣ Рогожскаго кладбища и доступенъ для обозрѣнія и провѣрки.

Божіею Милостію Смиранный ЛУКА Епископъ Казанскій ісвіажскій; Войска Яицкаго Почтенному Господину Атаману

Андрею Бородину, старшинѣ івсѣмъ вышняго інижняго чина людемъ, Божіе інаше Пастырское Благословеніе;

Сего Февраля 5-го дня, 1742-го года; Присланнымъ отъ васъ войска Яицкаго станичный Атаманъ Иванъ Корнилевъ даэсаулъ Андрей Чинаревъ списменными отъ васъ Прошеніями къ намъ явились, въ которыхъ Прошеніяхъ требовали вы войско Яицкое отъ насъ Пастыря, чтобъ мы, во-первыхъ; наупалое закащичье мѣсто честнаго отца Максима Пожаловали іподѣтвердили; Потомъ наупалыеж мѣста, двоихъ ставленниковъ Кцерквамъ Петра Денисова Ивана Железнава; Восвященники произвели;

Імы Пастырь Первому Требованію вашему доветворя помянутаго Отца Максима непросто закащикомъ толко, но болшія ради чести іздревле пресловутаго войска Яицкаго Протопопомъ Нарекли; Іпочиноположенію церковному натаковыи его степень возвели;

Чего ради вы войско Яицкое оному попопроизведенному протопопу яко правилному своему отъ насъ пастыря посланному къ вамъ отцу інаставнику; должны всякую честь іпослушаніе отъдавати; онъже новопроизведенный Протопопъ яко імуцій отъвѣтъ дати одушахъ вашихъ въ день послѣдни насудишій христовомъ, долженъ есть всегда васъ во всякомъ благочестіи наставлятъ іотъбогопротивнаго еретическаго наіпаче расколнического (которое какъ слышно втамошнихъ жилищахъ вашихъ; кровію христовою іскупленные многіе души простыхъ іграматѣ неискусныхъ людей) очемъ зѣло болѣзнуемъ ітяжко въздыхаемъ: (вредитъ іпогубляетъ) зло мудрованія оберегать, защищать ісохранять івсе то что къ ползѣ душамъ православнымъ касается ясно показывать іпоправиламъ святыхъ отецъ толковать інаставлятъ; Повторомуже требованію вашему мы всякое тщаніе прилагали іприсланныхъ вашихъ ставленниковъ восвященники какъ наискоря произвестъ желали, іуже въчетцы івоіподіаконы обоихъ произвели были: нопонеже они всамо то произведенія церемоніи, усмотрены отъ насъ что они не-

православнымъ троеперстнымъ чисто и просто троицу святую изображающимъ, нозлочестивымъ расколническимъ іарменскимъ, съ арією проклятымъ, отъ троицы святой христа Спасителя нашего, отъдѣляющимъ, двоеперстнымъ крестомъ крестятся; а прежде сего чтобъ имъ таковымъ злочестивымъ двоеперстнымъ крестомъ не крестится въ церкви явственно принасъ присягали іникакого; злочестивыми расколниками согласія неимѣли:

Того ради мы оныхъ яко явственныхъ клятвопреступниковъ ібогомерзскихъ расколниковъ отданнаго имъ нами благословенія; обнажа донелѣже ісправятся іютаковой богомерской ереси своей істинное Покаяніе сотворятъ въ домъ ихъ отпустили:

Въ предѣ ежели необходимая вамъ восвященники возимѣетъ нужда, то ізволте таковыхъ ставленниковъ ізбравъ къ намъ присылать, которыебъ ізмладенчества въ істинномъ христіанствѣ воспитаны были іникаковагобы расколу засобою неимѣли; чтобъ іони отъ бога іютьчеловѣкъ похвалу имѣли івашимъ бы душамъ невредомъ, ноістинною коспасенію ползою были: А ежели паче чаянія таковыхъ у васъ въ істинномъ благочестіи неззорныхъ церковниковъ мало, то въ избраніи восвященники івдругіе пречетники, свободную намъ волю дайте: імы всемъ томъ нелицемерно спасенія вашего желающе, служить обѣщаваемся пребывая;

Вышцеіменованный ЛУКА Епископъ Назанскій.

II. Къ вопросу о признаніи старообрядческой іерархіи.

До настоящаго времени вопросъ о признаніи старообрядческой іерархіи со стороны русской государственной церкви и русскаго правительства остается нерѣшеннымъ. Комитетъ министровъ, подготовлявшій въ прошломъ 1905 году законъ о вѣротерпимости, и указъ 17 апрѣля того же года фактически признаютъ старообрядческую іерархію, освобождая членовъ ея отъ военной службы и исключая ихъ изъ сельскаго и городского сословія вообще предоставляя имъ почти тѣ же гражданскія права, что и всѣмъ духовнымъ лицамъ другихъ исповѣданій

не исключая и самой господствующей церкви. Дѣло остается теперь за признаніемъ, такъ сказать, теоретическимъ, то есть только за названіемъ старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ этими именами. Нѣтъ надобности говорить, что теперешнее правительство, безъ сомнѣнія, готово бы признать старообрядческую іерархію и въ этомъ отношеніи, но этому, изъ-за своихъ классовыхъ интересовъ и вѣроисповѣдныхъ разчетовъ, противится духовенство правительственной церкви. Изъ числа доводовъ, представляемыхъ имъ противъ признанія старообрядческой іерархіи, самое видное мѣсто занимаетъ увѣреніе, будто, съ признаніемъ этой іерархіи со стороны правительства, разорвется связь между нимъ и церковію, не признающею сказанную іерархію законной.

Не будемъ останавливаться на томъ, на сколько желательно въ интересахъ жизни церкви сохранять эту связь, которую сама церковь, въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, признала преступной и вредной, требуя себѣ освобожденія изъ—подъ деспотизма и порабощенія свѣтской власти. Скажемъ только, что признаніе старообрядческихъ священнослужителей въ ихъ степеняхъ и названіе ихъ принадлежащими имъ по сану именами со стороны правительства, нисколько не можетъ повліять на отношенія его къ церкви и обратно. Въ доказательство этого можно указать на слѣдующій фактъ.

Когда въ 1878 г. отходила Бессарабія къ Россіи отъ Румыніи по берлинскому трактату, тогда жившіе въ этой Бессарабіи старообрядцы вмѣстѣ съ прочими жителями этой области присоединились къ Россіи съ сохраненіемъ тѣхъ правъ, какими они пользовались, когда были въ Румыніи. А такъ какъ въ этомъ государствѣ старообрядческое духовенство официально было признано со стороны гражданской власти, то и по переходѣ въ русское подданство оно осталось также официально признаннымъ гражданской, но уже русской властью, такъ что старообрядческіе епископы официально назывались епископами, священники—священниками и проч. Передъ нами официальный документъ—„Свидѣтельство“, выданное 22 сентября 1879 г. изъ Полицейскаго Управленія гор. Измаила старообрядческому архіепископу Виссаріону, въ удостовѣреніе того, что онъ дѣйствительно старообрядческій архіепископъ.

Дано ли это „Свидѣтельство“ вмѣсто постоянного вида на жительство или только на одну отлучку изъ Измаила въ Кіевъ (на немъ имѣется помѣтка: „Въ Кіевѣ явленъ 7 окт. 1879 г. д. Бор-

ченкова“) и другіе города и губерніи Россіи, но для насъ оно важно, какъ доказательство того, что признаніе старообрядческой іерархіи, или названіе старообрядческихъ епископовъ—епископами архіепископовъ—архіепископами возможно со стороны гражданской власти, хотя бы духовенство господствующей церкви и не признавало ихъ таковыми. Въдъ не признавало же оно старообрядческаго архіепископа Виссаріона въ то время, когда ему выдано было настоящее свидѣтельство въ удостовѣреніе того, что онъ есть дѣйствительно старообрядческой архіепископъ. А если оно тогда признавало въ этомъ санѣ и званіи, то почему ему не признать и въ настоящее время старообрядческихъ іерарховъ въ ихъ санахъ?

Вотъ самый этотъ документъ. „Свидѣтельство № 10694. Предъявитель сего дѣйствительно есть старообрядческой архіепископъ Виссаріонъ, въ томъ измаильскомъ городское полицейское управление подписью и приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуемъ. Сентября 22 дня 1879 года. Подписали: и. д. полицеймейстера приставъ (подпись неразборчива). И. д. секретаря (подпись неразборчива)“.

Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, подлежащимъ властямъ въ настоящее время не выдавать подобныхъ свидѣтельствъ старообрядческимъ епископамъ и священникамъ, хотя бы духовенство господствующей церкви и не признавало ихъ въ этихъ санахъ. Если это возможно было до 3 мая 1883 г., то тѣмъ болѣе возможно послѣ 17 апрѣля и 17 октября 1905 г. А то, пожалуй, можно подумать, что теперь старообрядцы въ нѣкоторомъ отношеніи стали пользоваться меньшими правами чѣмъ тогда. Но да не будетъ сего!

III. О старообрядческомъ колокольномъ звонѣ.

Постановленіе. 1905 г. Октября 29 дня Судебный слѣдователь 2 уч. Нижегородскаго уѣзда, разсмотрѣвъ препровожденную приставомъ 1-го стана Нижегородскаго у., при отношеніи отъ 22-го октября за № 1713, переписку, нашелъ слѣдующее:

Старообрядческой священникъ Австрійскаго священства крестьянинъ Нижегородскаго у. Каменской вол. с. Спирина Алексѣй Сергѣевъ Старковъ имѣетъ въ с. Спирино, въ своемъ домѣ, молельню (старообрядческой храмъ), передъ которой повѣсилъ въ августѣ 1905 года пять колоколовъ, вѣсомъ въ 18½ пудовъ, и въ нихъ производитъ звонъ передъ отправленіемъ богослуженія.

Нижегородская уѣздная полиція, руководствуясь какимъ-то циркуляромъ Нижегородскаго губернатора отъ 30 мая 1905 года за № 1886, усмотрѣла въ этомъ „оказательство раскола“, преду-

смотрѣнное 48 ст. уст. о пред. и прес. прест., (запрещеніе имѣть старообрядцамъ при моленныхъ наружные колокола), и направлено было судеб. слѣдователю, не указавъ при этомъ статьи уложенія о нак., подъ которую подходило-бы „оказательство раскола“.

Разсмотрѣвъ изложенное, судебный слѣдователь находить:

1) Что 8-мъ пунктомъ Высочайшаго указа отъ 17 апрѣля 1905 г. старообрядцамъ дозволено сооруженіе молитвенныхъ домовъ примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ для храмовъ инославныхъ исповѣданій, а слѣдовательно этимъ пунктомъ отмѣнена вся 206 ст. улож. о наказ.;

2) Что 10-мъ пунктомъ того-же указа старообрядцамъ разрѣшено свободное отправленіе службы въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ;

3) Что подъ понятіе *свободное отправленіе службы* должно быть отнесено такъ-же свободное отправленіе всѣхъ обрядовъ, сопровождающихъ службу, а къ числу такихъ обрядовъ, сопровождающихъ службу, въ православной церкви, въ томъ числѣ и въ церкви австрійскаго священства, крѣпко державшейся всѣхъ догматовъ и обрядовъ, бывшихъ до патріарха Никона, долженъ быть несомнѣнно отнесенъ и звонъ, производимый передъ богослуженіемъ и во время богослуженія;

4) Что подъ именемъ инославныхъ исповѣданій, между прочимъ, слѣдуетъ разумѣть католиковъ и лютеранъ, которымъ во всей Россійской Имперіи давно дозволено имѣть наружные колокола при храмахъ и въ нихъ звонить, а слѣдовательно, на основаніи 8 пункта Высочайшаго Указа отъ 17 апрѣля 1905 г., и старообрядцамъ дозволено имѣть при ихъ моленныхъ наружные колокола и производить въ нихъ звонъ;

5) Что, на основаніи пункта 1-го Высочайшаго Манифеста отъ 17 октября 1905 г., населенію Россійской Имперіи дарована свобода совѣсти, а поэтому всѣ ограниченія и запрещенія, касающіяся религиозныхъ обрядовъ старообрядцевъ и заключающіяся въ уставѣ о пред. и прес. прест. и въ улож. о наказ., отмѣнены по основному закону, что послѣдующій законъ отмѣняетъ предыдущій (осн. зак. т. I ст. 72—73);

6) Что губернаторамъ не предоставлено право отмѣнять или измѣнять своими циркулярами законы (осн. зак. т. I ст. 51), и лица судебного вѣдомства не только не обязаны, но даже не имѣютъ права при толкованіи законовъ руководствоваться циркулярами административной власти, такъ какъ право толкованія

законовъ для всеобщаго руководства представлено только Правительствующему Сенату. Ведѣдствіе сего, не находя въ фактъ навѣшанія Старковымъ колоколовъ и въ звонѣ въ нихъ никакого проступка и руководствуясь 309 ст. уст. уг. суд., судебный слѣдователь постановилъ: сообщеніе пристава за № 1713 съ перепиской препроводить товарищу прокурора 8 уч. Нижегородскаго окруж. суда.

Судеб. слѣдователь *Сперанскій*.

Съ подлиннымъ вѣрно: Судебный слѣдователь 2-го уч. Нижегородскаго у. *Сперанскій*.

Копія эта выдана старообрядческому священнику Австрійскаго священства с. Спирина А. С. Старкову, велѣдствіе его прошенія отъ 11 января 1906 года.—11 января 1906 года. № 65-й.

Судеб. слѣдователь: *Сперанскій*.

ПО ГОРОДАМЪ И ВЕСЯМЪ.

Козьмодемьянскъ (Назан. губ.). Въ 1821 году была устроена въ нашемъ городѣ старообрядческая каменная церковь съ куполомъ, по плану, утвержденному правительствомъ. Въ царствованіе Николая Павловича, когда противъ старообрядцевъ и ихъ святыни, какъ извѣстно, были приняты самыя злыя драконовскія мѣры, церковь эту начальство закрыло и устроило въ ней какую-то мастерскую для солдатъ, стоявшихъ тогда въ Козьмодемьянскѣ. Впослѣдствіи солдаты ушли, а церковь осталась въ запускѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ владѣлецъ ея, отчаявшись, что когда либо дозволить въ ней молиться, разломалъ куполь и сложилъ столбы для воротъ. Въ прошломъ году, послѣ 17 апрѣля, старообрядцы рѣшили возобновить эту церковь. Къ счастью подлинный планъ сохранился. Они обратились было къ мѣстнымъ козьмодемьянскимъ властямъ съ просьбой разрѣшить имъ отремонтировать церковь согласно плану, по которому она построена. Мѣстныя власти этого не разрѣшили и посоветовали обратиться къ губернатору. Старообрядцы подали прошеніе губернатору, съ приложеніемъ подлиннаго плана, и съ нетерпѣніемъ ждали отъ него разрѣшенія. Черезъ нѣсколько времени вмѣсто разрѣшенія является казанскій миссіонеръ Василевскій. Собравъ старухъ—старообрядокъ (больше никто къ нему не явился), онъ сталъ увѣщевать ихъ принять православіе, клятвенно увѣряя, что только въ такомъ случаѣ выйдетъ имъ разрѣшеніе отремонтировать свою церковь. Когда же на такое

предложеніе послѣдовалъ рѣшительный отказъ, и миссіонеръ сталъ ругаться, восклицая: „Ваша жизнь и смерть въ моихъ рукахъ!... Захочу разрѣшу, захочу нѣтъ“. Въ доказательство этого онъ вынулъ планъ старообрядческой церкви, который былъ приложенъ къ прошенію губернатору, и, нество потряса имъ въ воздухъ, грозилъ предать увѣщаваемыхъ суду, если они „не примутъ православія“. Но ни что не подѣйствовало. Миссіонеръ такъ и уѣхалъ, „не солоно хлѣбавши“. Зато старообрядцамъ приходится „солоно“, потому что до сихъ поръ имъ не разрѣшаютъ отремонтировать свою церковь, согласно плану, утвержденному еще въ 1821 г.

Изъ всей этой исторіи особенно любопытно то, что планъ, приложенный старообрядцами къ прошенію губернатору, оказался въ рукахъ миссіонера, пріѣхавшаго увѣщавать этихъ старообрядцевъ „принять православіе“. И это послѣ 17 апрѣля!

С. Елховка (Нижег. губ.). Священникъ господствующей церкви этого села о. Николай Савельичевъ, будучи отъ природы безпоповцемъ, по обращеніи въ эту церковь, былъ рукоположенъ въ санъ священника, несмотря на то, что не получилъ никакого образованія. Съ перваго же времени послѣ рукоположенія онъ заявилъ себя самыми нетерпимыми и фанатичными проповѣдями, называя старообрядцевъ всякими хульными именами, и особенно нападалъ на ихъ святыни и богослуженіе. Плоды такихъ проповѣдей не замедлили обнаружиться. До того мирно жившіе между собою старообрядцы и послѣдователи господствующей церкви стали во враждебное положеніе другъ къ другу, такъ что при „спорахъ о вѣрѣ“ дѣло иногда доходило чуть не до драки, а о ругани и говорить нечего. Какъ и всегда бываетъ, нападающею стороною оказалась сильнѣйшая. Старообрядцы только молили Бога о ниспосланіи имъ терпѣнія. Наконецъ всякое терпѣніе истощилось, и нѣкоторые изъ нихъ подали заявленіе г. приставу. Такъ, крестьянинъ Андрей Скоковъ жаловался на Ивана Кабаннина, который 1 апрѣля 1904 года, при многолюдномъ собраніи на улицѣ, набросился на его дочь Наталью съ ругательствами: „Вы въ своей моленной „на престолѣ закалаете и пса смердячаго и имъ причащаетесь“. Другой старообрядецъ Иванъ Луканинъ подалъ тогда же и такое же заявленіе на Ивана Теплякова, жалующься, что онъ называлъ его идолопоклонникомъ и моленную идольскимъ кашпцемъ, въ которой стоятъ идолы, и т. д.

Допросивъ жалобщиковъ, приставъ отправилъ ихъ заявленія въ нижегородскую духовную консисторію. Консисторія отправила эти заявленія, съ надлежащими помѣтами на нихъ пристава,

благочинному с. Тубанаевки о. Константину Соловьеву при слѣдующемъ на его имя предписаніи за № 18—6274:

„Секретно. Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Нижегородской Духовной Консисторіи, благочинному священнику с. Тубанаевки васьскаго уѣзда Константину Соловьеву. По Указу Его Императорскаго Величества, Нижегородская Духовная Консисторія, препровождая при семь жалобу крестьянъ села Елховки на крестьянъ того же села: Ивана Кабанина и Теплякова, порицавшихъ обряды австрійскаго священства, предписываетъ вамъ выдать означенную бумагу священнику Николаю Савельичеву съ тѣмъ, чтобы онъ секретно донесъ консисторіи, не извѣстно ли ему что либо объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ жалобы крестьянъ Скокова и Луканина; были ли въ дѣйствительности указанные въ жалобахъ случаи хуленій и оскорбленій православными крестьянами Кабанинымъ и Тепляковымъ послѣдователей австрійскаго священства и совершаемыхъ въ ихъ обществѣ священнодѣйствій? Если таковыя хуленія и оскорбленія были, то въ какой именно формѣ были выражены они, при какихъ обстоятельствахъ допущены и чѣмъ вызваны: не были ли они отвѣтомъ на какія либо раздражительныя и обидныя рѣчи или дѣйствія самихъ раскольниковъ по отношенію къ православнымъ. 20 мая 1904 года. Членъ консисторіи: протоіерей А. Порофирьевъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ подписи секретаря и столоначальника.

Не извѣстно, чѣмъ бы все это крайне любопытное дѣло кончилось, но о. Николай, которому были переданы эти официальные бумаги, ухитрился ихъ затерять даже прежде производства дознанія.

Но намъ жается, что вся эта переписка была совершенно напрасной. Въместо канцелярской волокиты лучше бы всего мѣстному благочинному сдѣлать назиданіе лицамъ, позволившимъ себѣ такъ нехорошо оскорблять религіозныя чувства христіанъ только потому, что они принадлежать не къ одной съ ними церкви. А еще лучше, если бы онъ сдѣлалъ такое назиданіе самому священнику о. Николаю, отъ проповѣдей котораго и распылались сердца его прихожанъ.

Кстати скажемъ, что хотя теперь признана полная религіозная свобода и „бесѣдовать о вѣрѣ“ можно, гдѣ угодно и съ кѣмъ угодно, однако старообрядцы должны воздерживаться отъ всякихъ оскорбленій религіозныхъ чувствъ принадлежащихъ какъ къ православно-восточной церкви, такъ и къ другимъ исповѣданіямъ. Иное дѣло бесѣда, разговоръ или даже „споръ о вѣрѣ“, а иное дѣло оскорбленіе, ругательства, или хула предметовъ, почитаемыхъ святыми. Первое хорошо и полезно, второе дурно и пагубно.

О К Н И Г А Х Ъ.

Краткій разборъ на сочиненіе: „Беседа В. Е. Мельникова съ А. А. Коноваловымъ о Бѣлокриницкой іерархіи на Нижегородской ярмаркѣ 14-го августа 1903 года“.

Подъ такимъ названіемъ въ прошлую Нижегородскую ярмарку усиленно распространялась брошюрка безповопами нѣтовскаго согласія. Будучи занятъ богѣе серьезными дѣлами, чѣмъ разсмотрѣніе этого произведенія, и не имѣлъ возможности отвѣтить на него письменно. Сказавъ откровенно и безпристрастно, эта брошюрка по своему грубому и ругательному содержанию и анонимному происхожденію вовсе не заслуживаетъ того, чтобы ей серьезно занимались; да и вообще, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ удѣлять вниманія такой площадной, часто кощунственной брани, которой изобилуетъ почти на каждой страницѣ названное произведеніе.

Но чтобы никто не имѣлъ основаній упрекать меня въ молчаніи, а тѣмъ болѣе, чтобы не возмечталъ составитель этого пасквиля, будто и въ самомъ дѣлѣ онъ сказалъ что-то такое, противъ чего нелегко возразить,—я намѣренъ написать по поводу моей бесѣды съ г. Коноваловымъ особое сочиненіе, въ которомъ коснусь и этой брошюрки. Сочиненіе мое будетъ напечатано или на страницахъ „Старообрядца“ или отдѣльнымъ выпускомъ. Сейчасъ же скажу лишь нѣсколько словъ по поводу нѣтовской брошюрки.

Она претендуетъ на громкое названіе „Разборъ“. Но на самомъ дѣлѣ ничего не разбираетъ, а только пересыпаетъ старое, избитое, давно опровергнутое, съ новыми странными и смѣшными высловами. Причемъ „разборщикъ“ не стѣняется пользоваться завѣдомо ложными источниками, созданными присяжными обвинителями и открытыми врагами всего вообще старообрядчества и въ особенности—нашей св. церкви и ея іерархіи. Основывается онъ, напримѣръ, на свидѣтельствахъ извѣстнаго миссіонера Павла Прусскаго, почерпая изъ его сочиненій доказательства противъ нашего священства. Безповодецъ составляя свою брошюрку, очевидно забылъ, что поименованный миссіонеръ писалъ преимущественно противъ безповоцевъ; и если бы мы послѣдовали его примѣру, стали бы безъ разбора черпать изъ мутныхъ миссіонерскихъ источниковъ, то могли бы достать столько грязи, что она по своему качеству вполнѣ замѣнила бы нѣтовскую брошюрку и съ такою же, если не больше, чернотою рисовала бы безповоцщину, съ какою названная брошюрка сидитъ загрязнить старообрядческую іерархію. Можно, конечно, пользоваться и свидѣтельствами враговъ, но только тѣми, которые говорятъ въ пользу того, противъ чего враги направили свое сочиненіе. Отцы церкви совѣтуютъ пользоваться сочиненіями „вишнихъ“ съ такимъ благоразуміемъ, съ какимъ пчела пользуется и падалью, выбирая изъ нея потребное. А составитель въ своемъ усердіи всю падаль съѣлъ, да и облизывается, точно медомъ насытился. Старается и читателей своихъ угостить этой же пищей. Но благоразумный читатель съ брезгливостію отвернется отъ этого кушанья.

Составителя моей „бесѣды“ съ г. Коноваловымъ „разборщикъ“ упрекаетъ въ томъ, что онъ будто бы не въѣ доказательства этого начетчика изложилъ въ своемъ описаніи. Слѣдовало бы, конечно, эти, будто бы намѣренно пропущенныя въ „бесѣдѣ“, доказательства выставить въ „разборѣ“. Авторъ его такъ и дѣлаетъ. Сколько же такихъ доказательствъ онъ привелъ при всемъ своемъ стара-

ни и потугахъ? Да всего—одно. Насколько оно цѣнно и убѣдительно, я предлагаю читателямъ самимъ рѣшить.

Г. Коноваловъ, бесѣдая со мною, сидѣлся доказывать, что м. Амвросій при крещеніи былъ обливанъ. Составитель брошюрки увѣряетъ, что моимъ собесѣдникомъ было приведено слѣдующее свидѣтельство изъ „Истории русской церкви“ митр. Макарія (т. XII, стр. 659): „Старца Серапіона, симоновскаго уставщика, предварителью призывалъ къ себѣ 15 мая, митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ (одинъ изъ участниковъ собора 1666 г.) и допрашивалъ: когда находился въ симоновомъ монастырѣ подъ началомъ иконійскій митр. Аванасій, спрашивалъ ли ты его—какъ у грековъ крестятъ младенцевъ, какъ читаютъ символъ вѣры и какъ слагаютъ персты для крестнаго знаменія?

Серапіонъ сказалъ: спрашивалъ, и Аванасій мнѣ отвѣтилъ, что у нихъ крестятъ обавительно“ (въ брош. 65 стр.). Только этими строками, взятыми изъ „Истории“, и ограничился нашъ обличитель. Онъ, очевидно, расчитывалъ, что и мы дальше этихъ строкъ не заглянемъ. Но послушайте, читатель, что говорится дальше, сейчасъ же за приведенными строками: „Черезъ два дня, 17 мая, будучи позванъ для допроса на соборъ, Серапіонъ подалъ здѣсь слѣдующее писаніе: „святѣйшихъ четырехъ патріарховъ признаю благочестивыми и православными, и вѣру ихъ, и греческія книги ихъ старыя, печатныя и писанныя, и церковную службу, и символъ православныя вѣры, и сложеніе перстовъ во образъ св. Троицы похваляю, и собору властей московскаго государства, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ во всемъ покоряюсь и ни въ чемъ не прекословлю. А что прежде *имѣлъ подъ сомнѣніемъ* или считалъ невѣрными, *по своему неразумію*, или кого изъ православныхъ христіанъ въ чемъ *соблазнилъ*, во всемъ томъ *каюся*, предъ соборомъ и прошу прощенія“ (т. XII, стр. 660).

Такова цѣнность самаго сильнаго и вѣскаго доказательства. Можно по его качеству судить о силѣ и достоинствѣ и остальныхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ какъ моимъ собесѣдникомъ, такъ и его защитниками и помощниками.

Пора бы нашимъ братьямъ-безпоповцамъ оставить свои неосновательныя, часто ложныя нападки на бѣлокриницкую іерархію. Если ужъ официальные враги наши нынѣ сложили свое оружіе предъ нами, то остальнымъ нашимъ противникамъ незачѣмъ ломать понапрасну свои копья. Бросьте и вы это оружіе!

В. Мельниковъ.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Библія и царская власть.

Изложивъ кратко исторію и сущность идеи управленія еврейскаго народа во времена судей—этого теократическаго народовластія, какъ лучшей формы правленія, „Богословскій Вѣстникъ“ (ноябрь 1905 г.) говоритъ:

Первоначально религиозная община („царство священниковъ“ и „народъ святой“—исх. 19,6), непосредственно управляемая самимъ Іеговою, все болѣе и болѣе стремилась превратиться въ общину гражданскую. Религиозное сознаніе и религиозные интересы уступали свое мѣсто сознанію и интересамъ политическимъ. Понятно, что возникшая благодаря этой эволюціи идея царской власти не могла встрѣтить Божественнаго одобренія. „Не тебя они отвергли, говорилъ Богъ Самуилу, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними“ (1 Цар. 8, 7). Однако не въ этомъ только была причина несочувственнаго отношенія іеговы

къ учрежденію царской власти. Последняя, по восточному обычаю будучи неограниченной, наносила ущербъ не только власти и правамъ Иеговы, но вмѣстѣ съ тѣмъ власти и правамъ народа; она грозила опасностью не только теократіи, но и свободѣ народной. Самъ Иегова предупреждаетъ народъ объ этой опасности, говоря: „онъ (т. е. царь) возьметъ для служенія себѣ сыновей вашихъ и дочерей, лучшія ваши поля, виноградныя и масличныя сады отдастъ слугамъ своимъ; и сами вы будете ему рабами: и воззенаете тогда отъ царя вашего“ (1 Цар. 8, 11—18 *). Не много потребовалось времени, чтобы убѣдиться евреямъ въ справедливости словъ Иеговы. Уже по смерти Соломона десять колѣвъ израильскихъ вынуждены были просить сына его Ровоама облегчить его, наложенное на нихъ Соломоново, а получивъ отказъ, отложились отъ Ровоама и образовали самостоятельное царство. Съ учрежденіемъ царской власти у евреевъ не потеряли своего значенія и старѣйшины, по прежнему оставаясь представителями народа, выразителями его воли и его интересовъ, защитниками его правъ и свободы, въ вѣкоторомъ родѣ ограничивавшими власть царя. Сами цари еврейскіе въ важныхъ случаяхъ считали себя обязанными обращаться къ ихъ совѣту (3 Цар. 8, 1, 20, 7 и д. Цар. 4, 23; 1; 2 Цар. 19, 11). Съ возвращеніемъ иудеевъ изъ плѣна высшая власть надъ народомъ снова переходитъ въ руки самого народа. Всѣ наиболѣе важныя дѣла, касавшіяся всего населенія, какъ напр. установленіе богослуженія, поставленіе священниковъ и левитовъ по чредамъ (Езд. 3, 1, 8, 6, 18), освященіе храма (6, 16), признаніе обязательности закона Моисеева (Неем. 8, 1), распределеніе жителей по городамъ (11, 1), рѣшались на общенародныхъ собраніяхъ въ Иерусалимѣ. Только практическія неудобства побуждали иногда общее собраніе передавать свои полномочія старѣйшинамъ и начальникамъ (Езд. 10, 9, 17). Для благочестиваго сознанія иудей этой эпохи время царей казалось уже временемъ нечестія и злыхъ дѣлъ (Неем. 9, 34). Да оно такимъ и было въ дѣйствительности.

*) Для лучшаго усвоенія того, какъ Богъ въ свое время отнесся къ желанію избраннаго народа переимѣнить народную форму правленія и имѣть царя, „какъ у прочихъ народовъ“, прибавимъ цѣлымъ 8-ю главу 1-й книги царствъ: „Когда же состарился Самуилъ, то поставилъ сыновей своихъ судьями надъ Израилемъ. Имя старшему сыну его Иовъ, а Имя второму сыну его Авинъ: они были судьями въ Вирравіи, но сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть и брали подарки, и судья прервато. И собрались всѣ старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу въ Раму, и сказали ему: вотъ ты состарился, а сыновья твои не ходятъ путями твоими; *итакъ поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ.* И не понравилось слово сіе Самуилу, когда они сказали: дай намъ царя, чтобы онъ судилъ насъ. И молился Самуилъ Господу. И сказала Господь Самуилу: послушай голоса народа во всемъ, что они говорятъ тебѣ; *ибо не тебѣ они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царство вала надъ ними.* Какъ они поступали съ того дня, въ который Я вывелъ ихъ изъ Египта, и до сего дня, оставляли меня и служили инымъ богамъ; такъ поступаютъ они и съ тобою. *Итакъ послушай голоса ихъ; только представь имъ и объяви имъ права царя, который будетъ царствовать надъ ними.* И пересказалъ Самуилъ всѣ слова Господа народу, просиющему у него царя. И сказалъ: вотъ какъ *я* будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами: сыновей вашихъ онъ возьметъ, и представитъ ихъ въ колѣсницамъ своимъ, и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они обѣгать предъ колѣсницами его. И поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они воздвигали поля его, и жали хлѣбъ его, и дѣдали ему воинское оружіе и колѣсничій приборъ его. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онъ составляли масти, варили кушанье и пекли хлѣбы. И поля ваши и виноградныя и масличныя сады ваши лучше возьметъ, и отдастъ слугамъ своимъ. И отъ полей вашихъ и отъ виноградныхъ садовъ вашихъ возьметъ десятую часть, и отдастъ евреямъ своимъ; и отъ полей вашихъ и отъ виноградныхъ садовъ вашихъ и отъ полей вашихъ и отъ полей вашихъ, и рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ, и юношей вашихъ лучшихъ, и ослы вашихъ возьметъ, и употребитъ на свои дѣла. Отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть; *и сами вы будете ему рабами.* И воззенаете тогда отъ царя вашего, *котораго вы избрали себѣ; и не будетъ Господь отъчитать вамъ тогда.* Но народъ не согласился послушаться голоса Самуила, и сказалъ: нѣтъ, пусть царь будетъ надъ нами; и мы будемъ, какъ прочие народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить предъ нами, и вести войны наши. И выслушавъ Самуилъ всѣ слова народа, и пересказавъ ихъ въ слухъ Господа. И сказалъ Господь Самуилу: послушай голоса ихъ и поставь имъ царя. И сказалъ Самуилъ израильтянамъ: пойдите каждый въ свой городъ“.

Итакъ библія не указываетъ и не признаетъ какой либо опредѣленной идеальной или наилучшей формы государственнаго устройства. Смѣняя другъ друга по требованію историческихъ обстоятельствъ или по волѣ народа, каждая изъ нихъ одинаково имѣетъ для своего времени обязательный авторитетъ Божественнаго установленія. Въ частности, что касается неограниченнаго монархизма, то не только нигдѣ въ библіи онъ не представляется наиболее совершенной формой государственнаго управленія, но наоборотъ библія указываетъ въ немъ элементы, мало совиѣтисимые съ благомъ народа и религіозными идеалами.

Ясно, что искать въ библіи указанія на монархизмъ съ характеромъ абсолютизма, какъ на обязательную и идеальную форму государственнаго устройства, можетъ лишь или недоразумѣніе, или недобросовѣтность.

Это необходимо помнить и старообрядцамъ, изъ которыхъ многіе готовы защищать „Писаніемъ“ извѣстныя формы государственнаго правленія, ничего общаго съ религіей и „Писаніемъ“ не имѣющія.

Левъ Толстой о религіи.

На страницахъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій недавно было помѣщено письмо Л. Толстого къ своему сыну. Въ этомъ письмѣ онъ указавъ на то, что „чѣмъ безнравственнѣе люди, тѣмъ они усерднѣе занимаются общественнымъ переворотомъ“ и что въ обязанности людей религіозныхъ не входитъ: „устраивать ту или иную думу или учредительное собраніе и тому подобныя глупости“, въ заключеніе говоритъ, „что безъ религіи человѣкъ есть злое, и гадкое, и нечестное существо, и что самое важное для человѣка—это, если его нѣтъ, то установить въ себѣ религіозное отношеніе къ жизни и на основаніи его относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни. Необходимость этого особенно чувствуется въ такое время, какъ наше“.

Это золотыя слова,—невольнo хочется сказать. Но какаѣ горечь чувствуется, когда вспомнишь, что это пишетъ Л. Толстой,—тотъ Толстой, который столько лѣтъ дерзко издѣвался надъ самой высшей религіей—надъ религіей христіанской, называя признаніе Христа Богомъ и молитву Ему „величайшимъ кощунствомъ“, таинства—колдовствомъ и отвергая Самую Святую Троицу потому только, что Она ему непонятна. Можно смѣло сказать, что ни одинъ злѣйшій безбожникъ, ни одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ скептиковъ, никто изъ отчаяннѣйшихъ невѣровъ не сдѣлалъ столько для уничтоженія и подрыва христіанской религіи въ Россіи, какъ именно Л. Толстой. И вотъ онъ видитъ теперь плоды трудовъ своихъ и взываетъ къ народу, прося его „устано-

вить въ себѣ религиозное отношеніе къ жизни“. Но зачѣмъ же было Толстому стараться убить уже установившееся тысячелѣтними религиозное отношеніе къ жизни? Учить, что признаніе Христа Богомъ есть кощунство, и притомъ величайшее, — что это, какъ не стараніе умертвить христіанскую религію? Христіанство органически соединено съ признаніемъ Христа Богомъ, какъ тѣло съ головой. Безъ этого оно перестаетъ быть религіей, а становится дѣйствительно кощунствомъ. Гр. Толстой всѣ силы употреблялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на то, чтобы лишить христіанство его главы—Христа, въ чемъ и успѣлъ для многихъ, и вотъ онъ теперь готовъ плакать, вида, что творится въ настоящее время; но, снявши голову, плакать по волосамъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно.

Первая въ Россіи старообрядческая газета.

„Народная Газета“ съ приложеніемъ „Голосъ Старообрядца“.

Такой органъ началъ издаваться въ Москвѣ съ 15 января текущаго года Ѳ. Е. Мельниковымъ подъ редакціей Алексѣевского и М. И. Бриллиантова. Независимо отъ направленія, уже одно то, что это—старообрядческая газета, должно быть особенно приятно для насъ, старообрядцевъ. Но и направленія она держится, какъ видно, весьма хорошаго. Для простаго народа, не знающаго, что такое направленіе газеты или журнала, считаемъ необходимымъ пояснить это. Въ настоящее время, какъ народъ, такъ и печать рѣзко раздѣлились на три главныхъ, противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу, лагеря. Одни говорятъ, что не нужны свободы, дарованныя 17 октября, не нужно государственной думы, что требуется созвать учредительное собраніе, то-есть выборныхъ отъ народа, которые должны, если захотятъ, установить новые законы, новый образъ правленія, дать свободы больше и тверже, чѣмъ дано 17 октября. Этого требуютъ главнымъ образомъ такъ называемые прогрессисты и социалисты разныхъ отѣнковъ. Противоположныя имъ партіи, такъ называемые консерваторы, также требуютъ отмены свободъ, дарованныхъ 17 октября и 17 апрѣля, и чтобы не созывать государственной думы, однимъ словомъ, чтобы все осталось по старому, чтобы по прежнему царило насиліе, произволъ и притѣсненія, чтобы начальство могло наказывать по своему усмотрѣнію виновныхъ и невиновныхъ.

Но и то и другое для насъ, старообрядцевъ, да и вообще для всей Россіи весьма нежелательно, потому что опасно. Учредительное собраніе тѣмъ опасно, что можетъ не удержаться на срединѣ и сдѣлать больше, чѣмъ народъ желаетъ, больше того, сколько онъ можетъ „вмѣстить.“ Напримѣръ, можетъ объявить республику, то-есть выборнаго царя вмѣсто постоянного и природнаго. А такъ какъ народъ не можетъ „вмѣстить“ этого, то можетъ произойти такое смятеніе, такой бунтъ, что сейчасъ и представить трудно.

Что же касается возвращенія къ старымъ порядкамъ, то старообрядцы болѣе, чѣмъ кто либо другой, испытали на себѣ всю ихъ тяжесть и боятся ихъ какъ адскаго огня.

Старообрядцамъ желательно идти среднимъ путемъ, не уклоняясь ни направо ни налево, то есть желательно и необходимо, чтобы были сохранены всѣ права, дарованныя какъ имъ, такъ и всѣмъ гражданамъ Россіи 17 апрѣля и 17 октября, и чтобы была созвана государственная дума какъ можно поскорѣе.

Сообразно тремъ указаннымъ теченіямъ политической мысли Россіи и печать раздѣлилась теперь на столько же лагерей: одни требуютъ учредительнаго собранія, другіе — отмены всѣхъ правъ и свободъ и самой государственной думы и возвращенія къ прежнему такъ называемому бюрократическому, или чиновничьему образу правленія, третьи настаиваютъ, чтобы были проведены въ жизнь права и свободы, возвѣщенные манифестомъ 17 апрѣля и 17 октября, и чтобы непременно была созвана государственная дума. И соответственно принятому направленію каждая газета подбираетъ факты, объясняетъ ихъ, помѣщаетъ подходящія статьи и проч.

„Народная газета“ и при ней „Голосъ Старообрядца“ держатся послѣдняго изъ поименованныхъ направленій. Но кромѣ того, въ „Голосѣ Старообрядца“ помѣщаются статьи и извѣстія почти исключительно по старообрядческимъ дѣламъ и вопросамъ. Этотъ „Голосъ“ выпускается отъ двухъ до трехъ разъ въ недѣлю въ поллиста (двѣ стран.).

Въ виду всего этого мы искренно желаемъ сказанному органу самаго широкаго распространенія, и не только среди старообрядцевъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ О. ІОАННА СЕРГІЕВА

(кронштадтскаго).

Въ „С.-Петербург. Листъ“ за 1905 г. М. Ѳедоровъ напечаталъ рядъ статей, разоблачающихъ продѣлки кронштадтскихъ пустосвятовъ и чудотворителей съ о. Іоанномъ кронштадтскимъ во главѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, на г. Ѳедора съ одной стороны посыпались ругательныя письма, а съ другой—благодарственныя за разоблаченія „духовнаго черносотенника“, о. Іоанна.

На это г. Ѳедоровъ въ томъ же „С.-Петербургскомъ Листѣ“ (№ 282) между прочимъ пишетъ:

О. Іоаннъ Сергіевъ не сдѣлалъ мнѣ лично ни пользы, ни вреда, и былъ для меня человѣкомъ совершенно безразличнымъ. Не имѣя причинъ питать къ нему неприязнь, я всегда готовъ былъ отмѣтить наилучшія стороны дѣятельности почтеннаго кронштадскаго пастыря, и потому внимательно слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Я наблюдаю за нимъ и по настоящее время, но, къ сожалѣнію, ничего добраго сказать о немъ пока еще не могу... Въ своей пастырской дѣятельности онъ остался все тѣмъ же закорючнымъ ретроградомъ и отнюдь не заслуживаетъ не только названія „праведника“ или „святого“, но даже и просто „добраго пастыря“.

И вотъ доказательство тому.

Нѣсколько дней назадъ произошло возмущеніе войскъ въ Кронштадтѣ. Какіе ужасы творились тамъ въ это время, наши читатели уже знаютъ изъ описаній специальныхъ корреспондентовъ. Рѣкой лилась кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей, расхищались имущества, жилища предавались огню. Ничто не въ силахъ было остановить разгорѣвшихся страстей. Люди озябли и съ легкимъ сердцемъ отнимали чужую жизнь и нажитое трудомъ достояніе.

Прекратить ихъ безумства могло лишь чье-нибудь высоко авторитетное слово, годось человѣка, котораго они привыкли слушать и уважать.

— Вотъ если-бы отецъ Іоаннъ обратился къ нимъ съ назиданіемъ, они, навѣрно, перестали бы бунтовать,—говорили многіе изъ кронштадтцевъ, по сообщенію нашего корреспондента (см. „П. Л.“ за 28-е октября).

Разумѣется, ожиданія эти врядъ-ли бы оправдались. Буйствующая толпа менѣе всего способна выслушать голосу благоразумія. Но испытать это средство слѣдовало-бы во всякомъ случаѣ.

Жители города Кронштадта такъ и поступили. Они отправились просить помощи у своего достолюбезнаго батюшки, отца Іоанна, но тутъ произошелъ маленкій инцидентъ, разомъ разрушившій всѣ надежды кронштадтцевъ.

„Отца Иоанна въ это время не оказалось въ Кронштадтѣ“, — пишетъ нашъ корреспондентъ.

Куда же дѣлся почтенный пастырь кронштадскій?

Занятый всецѣло описаніемъ погрома, сотрудникъ нашъ не сообщилъ объ этомъ ни слова.

Какъ только появились первые признаки возникновенія беспорядковъ, онъ (о. Иоаннъ) бѣжалъ изъ Кронштадта въ столицу, захвативъ съ собою жену и свою „правую руку“ — псаломщика Бабенко съ его семействомъ.

Какъ больно и грустно услышать объ этомъ!

Въ то время, когда простой захудалый сельскій священникъ, малоразвитой, грубый, придерживающійся чарочки, остается на своемъ посту и, рискуя жизнью, успокаиваетъ взволновавшихся крестьянъ (какъ было, напр., во время одного изъ саратовскихъ аграрныхъ погромовъ), пастырь, котораго не такъ еще давно многіе имѣли наивность считать образцовымъ священнослужителемъ, „праведникомъ“ и „святымъ“, позорно оставляетъ свою пастырю и бѣжитъ отъ нея.

И когда бѣжить?

Тогда, когда пастырское слово его было всего лужинѣ его паствѣ, когда онъ, быть можетъ, имѣлъ бы возможность сохранить не одну человѣческую жизнь.

Стыдъ! срамъ! позоръ!

Позоръ и ему „прешрославленному“ кронштадскому пастырю.

Извѣстный вице-адмиралъ Небогатовъ, спасая 2½ тысячи человѣческихъ жизней, обреченныхъ на вѣрную смерть, сдалъ свои корабли неприятелю и за это былъ исключенъ со службы.

Почему же протоіерей І. Сергіевъ, позорно бѣжавшій изъ Кронштадта и бросившій на произволъ судьбы свою многочисленную пастырю въ самую тяжелую минуту, остается на своемъ прежнемъ посту?

Вѣдь своимъ бѣгствомъ отъ паствы въ самыя тяжелыя мгновенія онъ самъ осудилъ себя.

„Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы“, — говоритъ Христосъ: — „а наемникъ бѣжитъ, ибо наемникъ есть и не радитъ объ овцахъ“.

Протоіерей Сергіевъ бѣжалъ изъ Кронштадта однимъ изъ первыхъ (см. телеграммы отъ 28-го октября) и тѣмъ показалъ, что онъ не пастырь, а наемникъ.

Этимъ поступкомъ онъ окончательно обрисовалъ свою личность.

„По плодамъ ихъ познаете ихъ“, говоритъ Евангеліе.

Плоды эти — налицо. Ихъ долженъ видѣть даже слѣпой.

Горько будетъ, конечно, поклонникамъ отца Иоанна разочароваться въ своемъ идеалѣ, но что же дѣлать?

Лучше пострадать немного душой, но избавиться отъ дальнейшей лжи, обмана и самой беззастѣливой эксплуатаціи.

Что дѣйствительно о. Иоаннъ окутанъ ложью, обманомъ и самымъ возмутительнымъ кощунствомъ, нечестіемъ и богохульствомъ, доказательствомъ сего можетъ служить между прочимъ и слѣдующій фактъ. Въ первой половинѣ прошлаго ноября скончалась извѣстная кощунственная „богородица“ Порфірія Киселева, каковую „блудницу“, по выраженію одного изъ петербургскихъ журналовъ, „хиротоникалъ“ въ этотъ санъ о. Иоаннъ кронштадтскій, признававшій ее лучшей своей духовной дочерью, не смотря

на то, или можетъ быть именно потому, что она содержала публичнѣйшій домъ, переполненный проститутками и котами, грабившими и губившими народъ и тѣлесно и духовно.

И что же? Когда она скончалась, ее погребали два священника, два діакона и множество народа. Но при этомъ погребеніи совершалось такое кощунство, какого не возможно и представить. Вмѣстѣ съ обычными погребальными пѣснопѣніями, къ мертвой Порфиріи Киселевой зывали: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“ и хоромъ пѣли молитвы, въ которыхъ церковь славословитъ Успеніе Богородицы. И все это въ присутствіи, и чуть ли не съ одобреніи „батюшки о. Іоанна кронштадтскаго“, который нарочно пріѣхалъ на погребеніе своей кощунственной богородицы, и участвовалъ въ этомъ торжествѣ.

Смыслъ можно сказать, — говорить „Свѣтъ“ (№ 303), — что никогда еще самое глубокое, закоренѣлое изувѣрство не доходило до такихъ геркулесовыхъ столбовъ дикой, кощунственной нечеловѣчности, и страшно дѣлается за то общество (точнѣе церковь), въ средѣ котораго могутъ еще коснѣть такіе дикіе толки...

Все это грустно, горько, безотрадно. за все это краснѣть приходится предъ просвѣщеннымъ и вѣрующимъ міромъ, но.. вѣдь при погребеніи Порфиріи были представители православнаго духовенства. Какъ же они-то могли допустить все это наглое кощунство? Какъ они не воспротивились исполненію на краю той многогрѣшной могилы молитвъ, воспѣвающихъ преславное Успеніе Богоматери?!

Допущеніе кощунства равно самому кощунству, и не простительно со стороны служителей алтара допущеніе такого кощунственнаго отношенія къ основѣ всей христіанской религіи! Да.. подлинно, низко должно было упасть то общество (вѣрнѣе — церковь), которое дожило до поклоненія Порфиріи Киселевой и ея присныхъ! Такія дикія явленія нарождаются вѣками.

Такъ торжественно и такъ кощунственно погребли лебего-родицу Киселеву. А что творится живыми приспѣшниками о. Іоанна и имъ самимъ, объ этомъ право стыдно даже слушать, а не только писать. Но необходимость заставляетъ для пользы и спасенія ближнихъ сказать и то, что при другихъ обстоятельствахъ слѣдовало бы покрыть молчаніемъ. Въ Петербургѣ недавно совершенно неожиданно раскрылся настоящій омутъ самого свержнаго разврата и самаго грубаго и злаго кощунства. Омуть этотъ самое любимое убѣжище о. Іоанна кронштадтскаго: это — женскій Іоанно-Богословскій монастырь, основанный этимъ пастыремъ. Въ этомъ монастырѣ о. Іоанна признавали Богомъ-Савооомъ, священника Іоанна Орнатскаго, служащаго въ монастырѣ, — Духомъ Святымъ, а священника Владиміра Торбаева, тоже служащаго въ монастырѣ, — Ісусомъ Сладчайшимъ. Чѣмъ же занимаются всѣ эти кощунственные боги? Во-первыхъ эксплуатаціей, а во-вторыхъ, развратомъ, какъ напримѣръ упомянутый священникъ

Владиміръ Торбаевъ, почитаемый за Ісуса, который теперь при-
влекается къ отвѣтственности за развратъ. Сейчасъ до этому
дѣлу ведется слѣдствіе, которое раскрываетъ такія грязныя и по-
зорныя дѣла въ сказанномъ монастырѣ, что просто волосы ды-
бомъ становятся.

Грубые (порнографическіе) романы, мѣсто дѣйствія которыхъ
не только монастырскія кельи и келья самой игуменьи, но даже
„святая святыхъ“ монастыря—церковь. Пьянство, оргіи, интриги,
короткая и жестокая расправа съ тѣмъ, кто заподозривался въ
несочувствіи подобной „монастырской жизни“ и выражалъ сомнѣ-
ніе, что въ этомъ „путь спасенія“. Распри, споры, всевозможныя
каверзы между священнослужителями и ихъ семьями и даже ихъ
женской прислугой, считающейся иногда даже фактически членомъ
семьи, скандалы, драки—вотъ тонъ частной жизни служителей
алтаря.

— Здѣсь живутъ не священники, а хулиганы!—воскликнула
одна изъ свидѣтельницъ (на допросѣ).

И она была права (Петерб. газ.).

И все это творится подъ покровительствомъ о. Іоанна
кронштадтскаго. Что всего хуже и омерзительнѣе въ этомъ дѣлѣ,
такъ это то, что самые поганые развратники и развратницы
именуются самыми священнѣйшими именами: Богомъ, Богороди-
цей, Предтечей, св. Маріей Магдалиной и проч. и проч. Тутъ
ужъ кощунство не человѣческое, а прямо таки сатанинское. Не
даромъ же самъ о. Іоаннъ сознался, что Россія теперь стала цар-
ствомъ сатаны. Только напрасно и несправедливо онъ далъ это
названіе русскому правительству за его актъ относительно свобо-
ды исповѣданій. Вѣрнѣе всего сатаной слѣдовало бы назвать того,
кто, будучи тварію, именуется Богомъ. А таковъ и есть о. Іоаннъ
кронштадтскій и его сообщники.

Напрасно также нѣкоторые увѣряютъ, будто всѣ кощунст-
венныя дѣла, творимыя вокругъ о. Іоанна, совершаются какой-то
не существующей сектой „іоанитовъ“. Называемые этимъ име-
немъ вовсе не сектанты, а истинныя чада господствующей церкви,
они только воздаютъ по своему усердію извѣстныя почести о.
Іоанну, составляя его свиту, или шайку. Но за это они удосто-
иваются не осужденія со стороны іерархіи правительственной
церкви, а почтенія и уваженія, такъ что ихъ лжебогородищу Пор-
фирію Киселеву погребали съ нарочитой торжественностью, каково
никто почти и не удостоивался.

Какъ опасно, какъ преступно и какъ пагубно почитать о. Іоанна кронштадтскаго не за простаго и грѣшнаго человѣка, а за кого-то необыкновеннаго, можно убѣдиться даже изъ одного слѣдующаго факта. Въ с. Верхней Елшанкѣ Царицынскаго уѣзда незадолго до праздниковъ Рождества почитатели о. Іоанна на одномъ изъ своихъ моленій единогласно рѣшили принести достойную жертву своему богу о. Іоанну кронштадтскому.

Бросили жребій, и овъ палъ на жену хозяина дома. Но она, какъ женщина большая, не могла, по общему мнѣнію, быть достойной жертвой. Надо избрать здоровую тѣломъ и крѣпкую духомъ.

— Я желаю быть жертвой!—громко заявила одна изъ присутствовавшихъ на моленіи женщинъ.

Это была лѣтъ 40 женщина, мать пятерыхъ дѣтей. Мужъ былъ тоже на радѣннѣ, но вскорѣ ушелъ домой.

— Испытайте меня,—продолжала она твердо:—что хотите со мной дѣлать,—я все вынесу, мнѣ все равно.

И она сѣла на скамью, покорно сложивъ руки на груди.

На слѣдующій день рано утромъ во дворѣ Б—ва сосѣдями усмотрѣвъ былъ изуродованный трупъ женщины: голова у нея была разбита вдребезги, вывалились мозги, глаза выколоты, носъ отрѣзанъ и груди вырѣзаны. Къ мѣсту страшнѣйшей находки собирался народъ. Толпа росла, волновалась, угрожала... Изъ дома выплезъ хозяинъ его и сталъ топтать ногами трупъ, приговаривая: „пошла душа въ рай“. Наконецъ явились полицейскія власти, составили протоколъ и арестовали Петра Б—ва и его брата извозчика, какъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ужасной изувѣрскаго драмы.

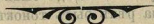
Послѣ двухдневнаго ареста они однако были отпущены, вѣроятно на поруки.

Ходитъ молва, что если бы преступленіе это не было открыто, то были бы принесены еще два человѣка въ жертву (Новое Время № 10726, января 23, 1906 года).

Сколько диаволъ увлекъ въ погибель христіанскихъ душъ чрезъ посредство этого лжебога о. Іоанна кронштадтскаго, котораго нѣкоторые имѣютъ наивность почитать за святого!

Есть еще и другая святоша не менѣ знаменитая, чѣмъ о. Іоаннъ. Это—нѣкая юродивая Паша, живущая въ Дивѣевскомъ монастырѣ близъ Сарова. Въ народѣ распространено ея жизнеописаніе какъ святой. Богомольцы толпами ходятъ къ ней на поклоненіе, какъ къ великой угодницѣ Божьей. Но эта „святая“ иногда такъ сквернословитъ по матерну, что не всякій и пьяный босякъ позволитъ себѣ такъ сквернословить (Вѣст. Европы октябрь 1905 г.).

Правда, что какова жизнь и управленіе церкви, таковы и ея святыя.

ПОСЛѢДНЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Хиротонія епископа. 24 января сего года рукоположенъ во епископа священноиноу Ермогенъ на мѣсто Сильвестра, епископа балтовскаго и новозыбковскаго, уволившагося на покой нѣсколько лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе тяжелой болѣзни. Хиротонія совершена въ храмѣ святителя Николая Чудотворца въ пос. Клинцахъ (Черниг. губ.) архіепископомъ московскимъ Іоанномъ и епископомъ петербургскимъ Виталиемъ въ сослуженіи восьми священниковъ и трехъ диаконовъ. Новорукоположенный епископъ служилъ въ санѣ священника въ г. Балтѣ двадцать семь лѣтъ. Мирское имя его Емеліанъ. Отъ роду ему шестьдесятъ пять лѣтъ.

Новый старообрядческій монастырь. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшено устроить старообрядческій мужской монастырь въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. на границѣ Костромской не далеко отъ Волги на берегу рѣки Шмилъ. Это—первый и пока единственный въ Россіи официально разрѣшенный правительствомъ послѣ 17 апрѣля старообрядческій монастырь. Къ сооруженію въ немъ зданій и церкви будетъ приступлено съ слѣдующей весны.

Старообрядческіе крестные ходы. 6 января на Богоявленіе въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ совершенъ крестный ходъ „на іорданъ“ епископомъ Иннокентіемъ въ сослуженіи нѣсколькихъ священнослужителей. Предъ крестныхъ ходомъ между мѣстными старообрядцами явились двѣ партіи: одни требовали „идти во что бы то ни стало“. Другіе противились этому, говоря, что „насъ никониане избобуютъ, потому что они очень злобно настроены противъ старообрядцевъ“. Однако, опасенія послѣднихъ вовсе были напрасны. Когда пошелъ крестный ходъ съ стройнымъ пѣніемъ со множествомъ различныхъ иконъ, съ хоругвями, свѣщниками и съ священнослужителями, то весь народъ безъ различія вѣроисповѣданія двинулся за нимъ, одни съ религиознымъ благоговѣніемъ и умиленіемъ, другіе съ простымъ любопытствомъ, но не было замѣтно ни малѣйшаго признака враждебности. Вопреки увѣренію нѣкоторыхъ, „никониане“ оказались настроены не только не злобно, но и съ большой любовью къ старообрядцамъ.

Пройдя по Ильинской и Рождественской улицамъ, крестный ходъ остановился на усть Оки, гдѣ была приготовлена „іорданъ“. Къ сожалѣнію, ледъ на рѣкѣ былъ тонокъ, и потому народъ на

него не былъ допущенъ. Берегъ весь былъ усѣянъ народомъ. По окончаніи водоосвященія крестный ходъ въ прежнемъ порядкѣ двинулся съ пѣніемъ по Похвалинскому сѣзду.

Получены извѣстія, что старообрядцами крестные ходы 6 января были совершены еще и во многихъ другихъ мѣстахъ нижегородской епархіи, какъ-то: въ с. Чернухъ, Спириинъ, Собакинъ, Спаскомъ, Ваховкѣ и друг., а также въ Кіевѣ, въ Гуслинахъ, въ Донской области и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Въ Тирасполь (херс. губ.) полиція хотѣла было воспрепятствовать крестному ходу старообрядцевъ, но безуспѣшно. Вѣроятно, тираспольская полиція считаетъ себя необязанной подчиняться царскимъ указамъ и манифестамъ, которыми дана старообрядцамъ полная свобода вѣры и совѣсти. Не даромъ же въ Тирасполь лѣтъ десять тому назадъ замуравалось нѣсколько десятковъ старообрядцевъ; значитъ очень сладко жилось имъ, что они рѣшились лучше покончить жизнь самоубійствомъ, чѣмъ жить подъ гнетомъ полицейскаго режима.

Есть свѣдѣнія, что тираспольская полиція, воспрещая старообрядцамъ крестный ходъ, дѣйствовала по предписанію изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Неужели въ Петербургѣ и до сихъ поръ еще жаждутъ, чтобы старообрядцы попрежнему замуравывались, душились въ подземельяхъ. Но напрасно! Увидавъ свѣтъ и вкусивъ сладость свободы, старообрядцы ни за что не отдадутъ ее, хотя бы за это пришлось и умереть „коркою смертію“.

Безноповскій сѣздъ. 25 и 26 января въ Виднѣ состоялся первый всероссійскій сѣздъ безоповцевъ-поморцевъ по политическимъ дѣламъ. Всероссійскіе сѣзды у поморцевъ и раньше бывали, но все по религиозно-обрядовымъ и общиннымъ вопросамъ; по политическимъ же дѣламъ доселѣ еще не бывало. Членовъ сѣзда было до трехъ сотъ. Существенно важнымъ рѣшеніемъ является опредѣленіе устраивать школы грамоты при каждой моленной, для чего рѣшено обратиться съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы оно приняло содержаніе учителей этихъ школъ на свой счетъ. Дѣло это доброе, и дай Богъ чтобы поморцы хотя изъ этого убѣдились, что послѣдній антихристъ еще не царствуетъ. Какой же это антихристъ, у котораго просить помощи на просвѣтительныя дѣла! Да вразумить ихъ Богъ, что безъ истиннаго священства и святыхъ таинствъ спасить не возможно, и что такое священство и такіа таинства существуютъ только у старообрядцевъ бѣлокрилицкой іерархіи, къ которой большинство изъ безоповцевъ имѣтъ большое расположеніе.

НА ПАРОХОДЪ.

(Картинка)

— Въ общую второго класса входитъ священникъ. Уложивъ на свободное мѣсто багажъ, онъ садится и закуриваетъ папиросу.

— Батюшка,—обращается къ нему пассажиръ среднихъ лѣтъ,—вы курите табакъ въ храмѣ или нѣтъ?

— Вы меня оскорбляете,—сказалъ священникъ съ неудовольствіемъ. Какъ можно курить въ храмѣ?

— Почему же нельзя,—настаиваетъ пассажиръ,—развѣ табакомъ храмъ осквернится?

— Да почти что,—отвѣтилъ нехотя священникъ.

— Какъ же не осквернится? поддержали другіе пассажиры. Курить табакъ—дѣло грѣшное. Да что дѣлать? слабость наша, всѣ этимъ занимаемся, а папстыри насъ не учатъ.

— Если табакъ нельзя курить въ храмѣ, потому что онъ отъ этого оскверняется, началъ съ воодушевленіемъ прежній пассажиръ,—то какъ же вы, батюшка, сейчасъ оскверняете табакомъ храмъ Божій,—тотъ храмъ, который неизмѣримо выше и священнѣе храма, куда собираются для богомоленій. „Или не вѣсте, яко гдѣса ваша храмъ живущему въ васъ Духу Святому суть“—взываетъ апостолъ (1 коринф. зач. 135). „Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живеть въ васъ. Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ. Храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы,“ (1 коринф. зач. 128). И это-то храмъ Божій вы не стѣсняетесь публично осквернять табакомъ. Если грѣшно осквернять табакомъ вещественный храмъ, то во сколько же разъ грѣшнѣе осквернять имъ живой храмъ Божій—человѣческое тѣло и душу, за что Сынъ Божій пролилъ Свою честную кровь. А если позволительно наполнять табачнымъ дымомъ живой храмъ Духа Святаго, самого христіанина, тѣмъ болѣе дозвоительно это въ храмѣ деревянномъ или каменномъ, сдѣланномъ изъ мертваго вещества.

— Вотъ и видать, что раскольникъ,—не вытерпѣлъ батюшка. И всегда такъ: раскольникъ, гдѣ бы ни былъ, своего раскола не бросаетъ!..

— Благодарю васъ за умную и пріятную рѣчь,—сказалъ пассажиръ. Въ древнія времена православіе познавалось по писанію, а нынѣ—по табаку: кто куритъ табакъ,—тотъ православный, а кто не куритъ—раскольникъ. Таково ваше разсужденіе, батюшка, но я не раскольникъ, а старообрядецъ.

— Да вы понимаете ли еще, въ чемъ настоящая разница между истинно-православнымъ христіаниномъ и раскольниковъ, или безбожникомъ?—возбужденно проговорилъ священникъ. При этомъ онъ налилъ стаканъ воды и, не перекрестясь, сталъ пить.

— А въ томъ,—отвѣтилъ старообрядецъ,—что истинно-православный христіанинъ пьетъ воду, предварительно перекрестясь, а безбожникъ—не перекрестясь. Пассажиры неудержимо разсмѣялись.

С 15-го Января выходит в Московское еженедельное издание **НАРОДНАЯ ГАЗЕТА** с двумя бесплатными приложениями. Задачи „Народной Газеты“ главным образом просветительны. Большое внимание уделяется вопросам рабочего и крестьянского быта, а также делам церкви и втры. Мы хотим, чтобы наша газета стала народной во всем смысле этого слова. Пусть она является другом и посредником всех обездоленных, угнетенных, обремененных трудом и печальми. Пусть идет к нам все, кто страдает отъ жи, кто ищетъ правды, кто томится въ поискахъ лучшей жизни... Наше знамя—знамя народной Россіи. Мы зовемъ русский народъ къ духовному возрожденію, къ великому обновленію нашей жизни, къ честному исполненію долга передъ отечествомъ... Особый отдѣлъ въ „Народной Газетѣ“ предоставленъ всецѣло въ распоряженіе читателей; здѣсь они могутъ въ письмахъ своихъ обмѣниваться взглядами по разнымъ вопросамъ. Обычные газетные отдѣлы даютъ полную картину текущей жизни въ Россіи и за границей. Новости по телеграфу и телефону отъ собственныхъ корреспондентовъ. Два раза въ недѣлю бесплатно прилагаются особыми листами газета, посвященная вопросамъ **старой русской втры**, подъ названіемъ „ГОЛОСЪ СТАРООВРѢДЦА“. Кроме того, ежемесячно предлагается бесплатно иллюстрированный журналъ, въ которомъ предложено помѣщать историческіе очерки и рассказы, старинныя преданія и сказанья, рисунки и статьи по разнымъ вопросамъ: Подписная цѣна: съ пересылк. и доставк. на 11 мѣс. (съ 1 февр. до конца 1906 г.) 4 р. 50 к., на 6 мѣсѣцъ 2 р. 50 к., на 3 мѣсѣца 1 р. 30 к., на 1 мѣсѣцъ 45 к. Подписка принимается: Въ главной конторѣ „Народной Газеты“: Москва, Б. Никитская ул., д. Пенкиной. Въ отдѣленіяхъ конторы: 1) Москва, Ильинка, Юшковъ пер., у Бриллиантова. 2) Москва, Рогожское кладбище, контора Рогожскаго богатѣеваго дома. 3) Москва, Лубянскія торговыя помѣщ., у Ильинскихъ вор., торговля Вострякова. Въ Петербургѣ: Садовая ул., № 25, въ магазинѣ Т. А. Милованова. Въ Нижнемъ-Новгородѣ: контора Д. В. Сироткина, Ильинка. Въ Егорьевскѣ, Раз. губ., у Н. Д. Зенина.

Открыта подписка на 1906 годъ на иллюстрированный духовно-народный журналъ **КОРМЧИЙ XIX** годъ изданія, издаваемый при участіи отца Іоанна Кронштадтскаго за 4 рубля въ годъ съ пересылкой дасть:

52 №№ иллюстрированнаго журнала разнообразнаго, интереснаго духовно-правственнаго содержанія. Въ журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжены печатаніемъ статьи, имѣвшія выдающія успѣхъ въ прошлыхъ годахъ. **Отвѣты на недоумѣнные вопросы, священника Вас. Авв. Чернесова и его же „краткіе отвѣты вопрошающимъ“ на личныя запросы каждаго.**

52 №№ еженедѣльнаго вѣстника подъ заглавіемъ **Современное Обозрѣніе** событій текущей жизни, издаваемого по программѣ: 1) руководящая передовая статья на современныя темы; 2) церковная жизнь; 3) общественная жизнь; 4) заграничныя извѣстія; 5) добрыя люди нашего времени; 6) полезныя совѣты и указанія; 7) разныя замѣтки; 8) изъ газетъ и журналовъ.

52 №№ иллюстрированныхъ листовъ по житіямъ воскресныхъ святыхъ (для чтенія въ храмѣ и семьѣ въ праздничные дни, а также для бесплатной раздачи народу въ церквяхъ).

12 книжекъ для народа подъ общимъ заглавіемъ: **Народная бібліотека „Кормчаго“**, состоящаго изъ ряда назидательныхъ рассказовъ изъ быта народнаго, школьнаго, миссіонерскаго, военнаго и проч.

24 православно-миссіонерскихъ листа, заключающихъ въ себѣ отвѣты на недоумѣнные вопросы расколосектанства.

1 книга проповѣдей на всѣ воскресные и праздничные дни **цѣлаго года**, а также на разныя случаи приходской жизни. Для удобства пользованія этимъ весьма цѣннымъ для Пастырей-Проповѣдниковъ приложеніемъ, редакция разошлетъ его при первомъ же № журнала за 1906 годъ.

Въ видѣ особаго приложения на 1906 годъ: 1 книга подъ заглавіемъ **Нравственные уроки** изъ книги **ниги**. Это новое бесплатное приложеніе имѣетъ двоякую цѣль: обилій и поведеній матеріалъ для рибодо-служебныхъ бесѣдъ и здорovia, доброе чтеніе дома. Разошлется оно при верныхъ же М.М. „КОРМЧИЙ“ предназначается для благочестиваго чтенія въ каждой СЕМЬѣ православнаго русскаго народа. Въ етатъ „Кормчаго“ глубоководными, изданы претамъ, популяренъ народу изысканъ. При нлиней просить указывать близжайшую—молва—доробителю или почтовую станцію, черевъ которую должна идти посылка. Подписку на журналъ „КОРМЧИЙ“ посылать по такому адресу: Москва, Большая Орданка, въ редакцію журнала „Кормчи“ Журналъ за старыя года, начиная съ 1894 и конч. 1902 по два руб., за 1904 г. три руб., съ перес., за всѣ 11 лѣтъ 20 руб. Выписывающіе 10 экземпляровъ годовыхъ получаютъ 1 экземпляръ бесплатно. Журналъ „Кормчи“ одобрень и рекомендованъ разными вѣдомствами. Телефонъ № 53—09.

Редакторъ Протоіерей **І. Н. Бухаревъ**. Издатель Священникъ **С. С. Лямбевскій**.

НА ПАРОХОДѢ.

(Картинка)

Въ общую второго класса входитъ священникъ. Уложивъ на свободное мѣсто багажъ, онъ садится и закуриваетъ папиросу.

— Батюшка,—обращается къ нему пассажиръ среднихъ лѣтъ,—вы курите табакъ въ храмѣ или нѣтъ?

— Вы меня оскорбляете,—сказалъ священникъ съ неудовольствіемъ. Какъ можно курить въ храмѣ?

— Почему же нельзя,—настаиваетъ пассажиръ,—развѣ табакомъ храмъ осквернится?

— Да почти что,—отвѣтилъ нехотя священникъ.

— Какъ же не осквернится? поддержали другіе пассажиры. Курить табакъ—дѣло грѣшное. Да что дѣлать? слабость наша, всѣ этимъ занимаемся, а папстыри насъ не учатъ.

— Если табакъ нельзя курить въ храмѣ, потому что онъ отъ этого осквернится, началъ съ воодушевленіемъ прежній пассажиръ,—то какъ же вы, батюшка, сейчасъ оскверняете табакомъ храмъ Божій,—тотъ храмъ, который неизмѣримо выше и священнѣе храма, куда собираются для богомоленій. „Или не вѣсте, яко тѣдеса ваша храмъ живущему въ васъ Духу Святому съ“—зываетъ апостолъ (1 коринф. зач. 135). „Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живеть въ васъ. Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ. Храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы, (1 коринф. зач. 128). И этогъ-то храмъ Божій вы не стѣняете публично осквернять табакомъ. Если грѣшно осквернять табакомъ вещественный храмъ, то во сколько же разъ грѣшнѣе осквернять имъ живой храмъ Божій—человѣческое тѣло и душу, за что Сынъ Божій проливалъ Свою честную кровь. А если позволительно наполнять табачнымъ дымомъ живой храмъ Духа Святаго, самого христіанина, тѣмъ болѣе дозвоительно это въ храмѣ деревянномъ или каменномъ, сдѣланномъ изъ мертваго вещества.

— Вотъ и видать, что раскольникъ,—не вытерпѣлъ батюшка. И всегда такъ: раскольникъ, гдѣ бы ни былъ, своего раскола не бросаетъ!..

— Благодарю васъ за умную и пріятную рѣчь,—сказалъ пассажиръ. Въ древнія времена православіе познавалось по писанію, а нынѣ—по табаку: кто куритъ табакъ,—тотъ православный, а кто не куритъ—раскольникъ. Таково ваше разсужденіе, батюшка, но я не раскольникъ, а старообрядецъ.

— Да вы понимаете ли еще, въ чемъ настоящая разница между истинно-православнымъ христіаниномъ и раскольниковомъ, или безбожникомъ?—возбужденно проговорилъ священникъ. При этомъ онъ налилъ стаканъ воды и, не перекрестясь, сталъ пить.

— А въ томъ,—отвѣтилъ старообрядецъ,—что истинно-православный христіанинъ пьетъ воду, предварительно перекрестясь, а безбожникъ—не перекрестясь. Пассажиры неудержимо разсмѣялись.

РА Открыта подписка на ежемесячный иллюстрированный журнал „СПИРИТУАЛИСТЪ“ съ отчетными изслѣдованіями въ области общенія съ загробнымъ міромъ и съ бытіемъ, издаваемый по инициативѣ программы: Спиритуализмъ—вообще и спиритизмъ—въ частности. Описание и протоколы спиритическихъ сеансовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ обществъ, кружковъ, клубовъ ит. под. Медіумизмъ. Сомнамбулизмъ и исповѣдіе. Магнетизмъ и гипнотизмъ. Идеалистическая философія. Телепатия. Оккультизмъ. Мистика. Теософія. Предсказанія и сообщенія изъ загробнаго міра, получаемыя различными путями—во всѣхъ странахъ свѣта въ прежнее и новое время. Будущее въ сообщеніяхъ потусторонняго міра. Бесцѣлительство спиритическаго направленія. Поэзія. Отвѣты на запросы подписчиковъ. Научный (физическій) юдль. Объявленія. Основная задача издаваемого журнала—итти на встрѣчу поднимаемому поступательному движению въ обществѣ съ широкимъ знакомствомъ съ теоріею и практикою, свидѣтельствующимъ о непреложности безсмертія души, о формахъ и видахъ загробной жизни и о возможности ПОСТОЯННАГО И НЕПРЕРЫВНАГО ОБЩЕНА съ отошедшими отъ насъ въ иной міръ близкими и дорогими намъ людьми. „Спиритуалистъ“ ставитъ себѣ главной задачей знакомить въ возможно доступной и легкой, но изложеною, формѣ подписчиковъ со всѣмъ, что даётся въ этомъ направленіи не только дѣйствительная жизнь и наука въ всѣхъ странахъ свѣта, но и трансцендентальная, оккультная (потусторонняя, современная) жизнь. ЦѢНА за годъ (12 номеровъ) ОДИНЪ рубль съ пересылкою. Такая дешёвизна обуславливается, прежде всего, тѣмъ, что издатель журнала меньше всего заинтересованъ коммерческою стороною дѣла, а затѣмъ, что онъ будетъ печататься въ огромномъ количествѣ экземпляровъ на специальныхъ ротационныхъ машинахъ. Такъ, что каждый подписавшійся на „Спиритуалистъ“ — ПРИ ТАКОЙ НИЧТОЖНОЙ ЗАТРАТѣ, какъ одинъ рубль, получаетъ **ВСЬМА МНОГО ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ЦѢННАГО МАТЕРІАЛА** какъ для своего духовнаго умноженія, такъ и для своего внутренняго созидательнаго „Я“. Подписка принимается въ Главной конторѣ Редакціи: Москва, б. Храма Спасителя, д. Ковригина, кв. № 39, *телефонъ 94—37*, и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, но подписка цѣна въ послѣднихъ увеличивается на 15 коп.—на предметъ пересылки съ Редакціи. **Покорнѣйше просимъ по прочтеніи сообщить объ этомъ журналѣ Вашимъ знакомымъ, обративъ ихъ вниманіе на цѣли и задачи журнала и его дешёвизну.**
Издатели: *А. М. Марковъ, В. П. Биковъ* Редакторъ *В. П. Биковъ.*

Въ 1906 году при Казанской духовной академіи будетъ издаваться новый еженедѣльный журналъ: „ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ“ въ составѣ 52 №№ въ годъ (по 2 печ. листа въ каждомъ). Отвѣдая насущнымъ потребностямъ и запросамъ современной церковно-общественной жизни, журналъ ставитъ своей задачей главнымъ образомъ проясненіе церковно-общественнаго самосознанія по вопросамъ церковной реформы и освѣщеніе фактовъ валичной церковно-общественной дѣятельности. Специальною задачею журнала является также освѣженіе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ религиозно-бытовымъ положеніемъ русскихъ инородцевъ, населяющихъ восточныя окраины Россіи. **Программа журнала:** 1) Оригинальныя статьи по текущимъ вопросамъ церковно-общественной жизни и мысли. 2) Вопросы русскаго инородчества. 3) Обзоръ печати по церковнымъ вопросамъ. 4) Хроника церковно-общественныхъ событій за недѣлю. 5) Библиографія. Краткія библиографическія замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ. 6) Отзвукъ жизни. Корреспонденція изъ области церковно-общественной практики. 7) Почтовый ящикъ редакціи. 8) Объявленія. Подписная цѣна: а) *въ Россіи* съ доставкой и пересылкой на годъ пять рублей, полгода—три рубля, три мѣсяца—1 руб. 50 коп., полмѣсячно—50 коп. б) *загранично*—на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка для годовыхъ подписчиковъ: при подпискѣ 3 р. и къ июлю 2 рубля. Всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно предполагаемые къ выпуску декабрьскіе номера журнала за 1905 г. Адресъ редакціи: Казань, Первая Академическая улица, д. № 11. Контора редакціи: Первая Академическая улица, д. Улитина. Отдѣленіе Конторы: „Центральная типографія“ Воскресенская улица, рядомъ съ циркомъ.

Редакторы: профессора — *И. Исаревъ, М. Машановъ, К. Гумиловъ.*

„ВОЛЖАНИНЪ“ общественно-политическая и литературная газета, преобразованная изъ „Вольскаго Корреспондента“, выходитъ по воскреснымъ средамъ и пятницамъ. Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ 2 руб., — иногороднихъ 3 руб. Адресъ: г. Вольскъ.

Открыта подписка на 1906 годъ

на „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“

съ приложеніемъ послѣдняго XII тома „Златоуста“ въ русскомъ переводѣ въ трехъ книгахъ, въ который войдутъ бесѣды на посланіе къ евреямъ, Литургія св. Іоанна Златоуста, болѣе 70 словъ на разныя темы и др., съ полнымъ указателемъ ко всѣмъ 12-ти томамъ.

XV-й

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

XV-й

ЖУРНАЛА

„МЕЛЬНИКЪ“

открыта подписка на 1906 годъ.

5 руб. подписная цѣна съ пересылкой, за годъ **5** руб.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Распоряженія Правительста по мукомольному, заводскому дѣлу и по хлѣбной торговлѣ. 2) Технические описанія великаго рода мельницъ, элеваторовъ, мельничныхъ машинъ, двигателей и аппаратовъ, съ чертежами и рисунками. 3) Статьи по вопросамъ мельничной техники и хлѣботоргованнаго дѣла. 4) Факты и случаи. Мелкіе замѣтки и некаго рода сообщенія, относящіяся къ специальности журнала. 5) Корреспонденціи изъ разныхъ частей Россіи и заграничи, касающіяся мукомольнаго дѣла и хлѣбной торговли. 6) Справочныя данныя хлѣбныхъ рынковъ въ Россіи и заграничи. 7) Портреты Государственныхъ дѣателей. 8) Портреты дѣателей въ области мукомольнаго дѣла и хлѣбной торговли. 9) Иллюстраціи (рисунки) къ техническому описанію мельницъ. 10) Молочн. 11) Братскія замѣтки о новыя изобрѣтенія и усовершенствованія. 12) Торговля и техническія публікаціи.

По постановленію VII всероссійскаго съѣзда мукомоловъ, въ журналъ печатаются всѣ постановленія, распоряженія и друг. литературный матеріалъ отъ Съѣзда мукомоловъ.

Подписныя деньги адресуются въ Москву, Долгоруковская, № 22 въ редакцію журнала „Мельникъ“

издателю-редактору Д. А. Мансфельду.

Можно выписывать журналъ наложеннымъ платежомъ.

Изъ редакціи можно выписывать:

- 1) Сводъ узаноній по водному праву. Необход. справ. книга для владѣльцевъ водяныхъ мельницъ. Сост. прис. сов. А. Н. Воскресенскій. Цѣна 2 рубля.
- 2) КУРСЪ МЕЛЬНИЧНАГО СЧЕТОВОДСТВА. Изданіе журнала „МЕЛЬНИКЪ“. Цѣна 2 р. съ пересылкой. Для подписчиковъ журнала „Мельникъ“ 1 р. 50 к. Съ наложеннымъ платежомъ 1 р. 75 к.
- 3) Прогнѣзъ НЕСГОРАЕМОЙ мельницы съ чертежами. Цѣна 1 рубль (съ пересылкой)
- 4) Обзоръ Мукомольной Промышленности въ Россіи. Цѣна 1 рубль (съ пересылкой).
- 5) Швейцарскія шелковыя сита. Очеркъ ихъ производства и необходимыя указанія при ихъ употребленіи. Цѣна 35 к. (можно почтов. марками).
- 6) Правила и размѣръ премій СТРАХОВАНІЯ МЕЛЬНИЦЪ для полученія скидки съ премии въ 50%, 30% и 15%.

Изъ редакціи „Старообрядца“ можно выписывать
слѣдующія книги:

1. Церковь Христова временно безъ епископа. П. Усова (нынѣ епископа Иннокентія). Черн. 1901 г. ц. 2 руб.
2. Его же. О крещеніи греческой церкви и митрополита Амвросія. Черн. 1903 г. Ц. 50 коп.
3. Его же. О посланничествѣ митрополита Амвросія и о занятіи имъ бѣлокриницкой епархіи. Черн. 1904 г. Ц. 50 коп.
4. Его же. Объ исповѣди преосвященнаго Амвросія митрополита бѣлокриницкаго. Черн. 1900 г. Ц. 10 коп.
5. Его же. Будущее и настоящее состояніе людей. Черн. 1903 г. Ц. 10 коп.
6. Преосвященный Амвросій митрополитъ бѣлокриницкій. Черн. 1904 г. Ц. 5 коп.
7. Возьмемъ! (о запечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища). Черн. 1903 г. Ц. 5. коп.
8. Бесѣда старообрядца Ѳ. Е. Мельникова съ наставникомъ нѣтовскаго толка А. А. Коноваловымъ (слѣпцомъ) о старообрядческой бѣлокриницкой іерархіи на нижегородской ярмаркѣ 14 августа 1903 года. Ц. 25 коп.
9. Цѣлебникъ души христіанской. Старообрядческаго протоіерея Василя Кетова. Пермь 1903 г. Ц. 30 коп.
10. Родословныя (метрическія) книги, для записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ. Ц. 50 коп.
11. Книга объ Антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ. Яссы 1888 г. Ц. 2 руб.
12. Книга Севаста Арменополя Ц. 8 руб.
13. Книга Матѳея правильника. Ц. 7 руб.
14. Реформы вѣротерпимости на порогѣ XX вѣка и состояніе государственной церкви въ Россіи. Ниж.-Новг. 1905 г. Ц. 40 коп.
15. Щить вѣры. Ц. 1 руб. 25 коп.
16. Матеріалы для исторіи и изученія нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго ритуала. Ч. I. Собр. В. Зелевковъ. С.-П.-Б. 1906 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1906 годъ на ежемѣсячный журналъ

„Старообрядецъ“,

посвященный исторіи, выясненію нуждъ и защитѣ старообрядческой церкви.

Старообрядецъ издается ежемѣсячными книжками, около десяти печатныхъ листовъ (100—150 стр.) каждая, по слѣдующей программѣ:

Проповѣди и нравоучительныя статьи.—Статьи богословскаго содержания.—Описаніе религиозныхъ бесѣдъ.—Историческіе документы и письма.—Статьи историческаго содержания.—Лѣтопись событій, происходящихъ какъ въ старообрядчествѣ, такъ и внѣ его.—Статьи по религиозно-бытовымъ вопросамъ.—Церковно-общественныя дѣла и вопросы.—Отзывы о вышедшихъ книгахъ.—Обзоръ періодической печати.—Разныя извѣстія и замѣтки.—
Отвѣты редакціи.

Книжки журнала будутъ выходить въ началѣ каждого мѣсяца.

Безплатныя приложенія:

1) Святые евангеліе, перепечатанное съ лучшаго старопечатнаго изданія, съ указаніемъ чтеній и прокимновъ на каждый день; 2) „Діаконовскіе отвѣты“, поданныя Александромъ діакономъ въ XVIII столѣтіи Питириму, епископу Нижегородскому; 3) „Виноградъ россійскій“, то есть, жизнеописаніе старообрядческихъ предковъ, пострадавшихъ отъ правительственной церкви за свою твердость въ вѣрѣ отцовъ. Сост. извѣстнымъ Семеномъ Денисовымъ; а также будутъ напечатаны: „Десять посааній“ инока Павла Бѣлокриницкаго къ иноку Павлу Прусскому и другія не изданныя, но цѣнныя сочиненія старообрядческихъ писателей.

„Старообрядецъ“ будетъ печатать статьи и сочиненія, писанныя на русскомъ языкѣ, русскими буквами, а на саабянскомъ — саабянскими. „Старообрядецъ“ будетъ помѣщать различныя изображенія и снимки.

Подписная цѣна на годъ ПЯТЬ рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля; 1 Мая и 1 Ноя по одному рублю.

Адресъ редакціи и пріемъ подписки: Нижній-Новгородъ, Ильинка, 34.

Подписка принимается также: въ Москвѣ у Н. М. Вострякова (у Ильинскихъ воротъ, домъ Политехническаго музея, № 12), въ Егорьевскѣ у Н. Д. Зенина; а также въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону, и вообще—во всѣхъ конторахъ и книжныхъ магазинахъ, принимающихъ подписку на періодическія изданія.

Редакторъ-Издатель: Старообрядческій епископъ ИННОКЕНТІЙ.